

ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2011

<http://www.ojkum.ru/>

№ 3

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 3 (18)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ЭКОНОМИКА, МИГРАЦИИ, КУЛЬТУРА

От редактора рубрики 5

Киреев А.А. Регулирование трансграничных
отношений российского Дальнего Востока
в 1988 – 2011 гг. 7

Рыжова Н.П. Неформальная модель торговой интегра-
ции. Случай России и Китая 20

Троякова Т.Г. Трансграничные миграции:
вызовы и возможности для Приморского края 31

Дмитриева М.О. Сравнительный анализ
урегулирования границы Российской Федерации
с Республикой Казахстан и
Китайской Народной Республикой 40

Аллёнов В.А. Крадущийся тигр, затаившийся
медведь: мифология российско-китайского
пограничного урегулирования 49

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.
Школа «Анналов» и её вклад в исследование
экономического пространства 55

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

Вахненко Р.В. Региональные аспекты трансформации
пассажирских связей в рыночных условиях
(на примере российского Дальнего Востока) 73

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Позняк Т.З. Китайские иммигранты и
коррупционированность чиновников на российском
Дальнем Востоке в начале XX века 80

Бадмаева Л.В., Ганн Г.В. Социальное самочувствие
населения как индикатор развития
социальной инфраструктуры села Бурятии 90

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Брумфилд У.К. Азиатские мотивы в церковной
архитектуре Сибири в XVIII веке. *Окончание* 99

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Горюнова Е.А. Программы трансграничного
сотрудничества как фактор реализации
Европейской политики соседства в Украине 107

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И СИСТЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНА

Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Фёдоров Р.Ю.
Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация:
историко-географический конспект становления 115

Владивосток
2011

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ АТР

Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской народной республики: история вопроса. *Окончание* **131**

НАУКОВЕДЕНИЕ

Рубан Д.А. Задачи региональных научных периодических изданий в условиях глобализации **140**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Жерновой М.В. Организованная преступность в странах Евросоюза **145**

Сухаренко А.Н. Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы **149**

РЕЦЕНЗИИ

Караман В.Н. «Ольгинско-шкотовский родословец. История в родословных и документах» **157**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Макаренко В.Г., Латушко Ю.В. Юбилей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН **159**

Барбенко Я.А. «Благородный муж» и социальный контроль **167**

К ЧИТАТЕЛЯМ **173**

СОКРАЩЕНИЯ **174**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун, О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 3 (18)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: CROSS-BORDER RELATIONS OF RUSSIAN FAR EAST: ECONOMICS, MIGRATIONS, CULTURE

- From the editor of a heading 5
- Kireev A.A.** Regulating cross-border relations of Russian Far East in 1988 – 2011 7
- Ryzhova N.P.** Informal Model of Integration.
Russian-Chinese Case 20
- Troyakova T.G.** Cross-border Migration:
Challenges and Opportunities for Primorskiy Territory 31
- Dmitrieva M.O.** Comparative analysis of delimitation
of Russian-Kazakh and Russian-Chinese borders 40
- Allenov V.A.** Crouching tiger, hidden bear:
the mythology of the Cino-Russian border settlement 47

THE THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES

- Demyanenko A.N., Djatlova L.A., Ukrainskij V.N.**
School «Annals» and its contribution to the study
of the economic space 55

WILDLIFE MANAGEMENT AND ECONOMY

- Vahnenko R.V.** Regional aspects of transformation of
passenger communications under market conditions
(by example of the Russian Far East) 73

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Poznjak R.V.** The Chinese immigrants and corruption
of the officials on the Russian Far East
in the beginning of XX century 80
- Badmaeva L.V., Gunn G.V.** Social well-being of the
population as an indicator of the development
of social infrastructure in rural areas of Buryatia 90

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Brumfield W.C.** Asian motives in church architecture
of Siberia in XVIII. *The ending* 99

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Goryunova E.A.** The Programs of trans-border
cooperation for Ukraine as a factor of realization
of the European Neighborhood Policy 107

INTERDISCIPLINARY AND SYSTEM RESEARCHES OF REGION

- Ganopolskij M.G., Markova L.M., Fedorov R.J.**
Tyumen oil and gas civilization:
Historical and geographical outline of the formation 115

Vladivostok
2011

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

Zhurbey E.V. «Think tanks» and foreign policy of the People's Republic of China: Background. *The ending* . 131

STUDY OF SCIENCE

Ruban D.A. Challenges for regional scientific media under conditions of globalization 140

SCIENTIFIC MESSAGES

Zhernovoy M.V. Organized crime in EU countries 145

Sukhareno A.N. Shadow economy of the Far East: dismal prospects 149

REVIEW

Karaman V.N. «Olginsko-Shkotovsky generation list. History in family trees and documents» 157

SCIENTIFIC LIFE

Makarenko V.G., Latushko D.A. Anniversary of Institute of history, archeology and ethnography of the people of Far East FEF of the Russian Academy of Sciences 159

Barbenko J.A. «Perfect man» vs social control 167

TO READERS 173

REDUCTIONS 174

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
S.V. Sevastyanov, Choi Nak Jun, O.I. Shestak, S.E. Jachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

В этом номере журнала опубликовано пять статей, в которых рассматриваются экономические, политические, миграционные и культурные аспекты трансграничных отношений на региональном уровне и определяются современные тенденции и особенности трансграничного сотрудничества дальневосточных территорий со странами Северо-Восточной Азии.

Очевидно, что стремительное развитие трансграничных отношений является результатом глобализации. Процесс стадийного становления мира как единого, взаимосвязанного экономического, политического, культурного пространства способствует росту взаимосвязей и взаимозависимости практически всех регионов земного шара, всех составляющих мировой экономики, политики и культуры.

В условиях ускоряющихся процессов регионализации и интеграции трансграничное сотрудничество способствует интенсификации политических, экономических и социокультурных связей между регионами государств. Происходит интенсификация информационных, транспортных, экономических, финансовых, миграционных потоков, которая образует открытую систему связей на основе передовых средств коммуникаций. И журнал «Ойкумена» публикуя данную подборку статей, вовлекается в эти информационные потоки.

Современное трансграничное сотрудничество предполагает совместные действия, направленные на развитие отношений между территориально-административными единицами в рамках двух или более государств. Трансграничное сотрудничество является многосторонним не только за счёт количества государств, участвующих в сотрудничестве, но и благодаря многообразию субъектов сотрудничества. Это транснациональные фирмы, банки, предприятия, общественные организации, этнические группы и т.п., которые имеют разные уровни легитимности, разные интересы, и возможности.

Каждый автор использовал различные теоретико-методологические подходы к определению проблемы.

В статье А.А. Киреева, посвящённой регулированию трансграничных отношений российского Дальнего Востока на рубеже XX и XXI веков, рассматриваются методологические подходы к проблеме. Автор полагает, что использование понятия «трансграничные отношения» требует его позиционирования относительно понятий, описывающих иные виды общественных отношений. Особый интерес представляют рассуждения на тему соотношения «трансграничных отношений» и «международных отношений». Автор делает акцент на наличии границы и необходимости её преодолевать.

Важно помнить, что в мире растущей взаимозависимости исчезает традиционное разделение между сферами внутренней и внешней политики, а внешняя политика становится полем измерения экономического развития.

Н.П. Рыжова представила исследование в формате case study неформальной модели торговой интеграции России и КНР. Очевидно, что организация пространства трансграничных городов Благовещенска и Хэйхэ предполагает наличие обширного и разнообразного материала

для работы. Автор убедительно показала, что современный мир живёт всё больше в «пространстве потоков», что он «сжимается» и становится единым, несмотря на существующие государственные границы.

Интеграционный подход рассматривает трансграничное сотрудничество как одно из перспективных направлений международной интеграции. В статье Т.Г. Трояковой утверждается, что увеличение числа трудовых мигрантов в Приморском крае из соседних стран – КНР, КНДР – будет способствовать постепенной интеграции Приморья и России в АТР. Трансграничные миграции для нашей страны сравнительно новый опыт в силу того, что население формировалось в основном за счёт интенсивных внутренних миграций. Однако у российского Дальнего Востока имеется исторический опыт трансграничных миграций. Л. Бляхер пишет о «*проточной культуре*», суть которой сводится к традициям адаптировать к себе официальные нормы¹. Более того, трансграничные миграции являются необходимостью для дальневосточного региона в условиях демографического спада, старения и миграционного оттока.

В.А. Аллёнов предпринял попытку выявить мифологическую составляющую в политических и идеологических концепциях азиатских стран на примере формирования российско-китайской границы. Автор видит существование трансграничных контактов в тесной связи с культурными ценностями.

Сравнительный анализ процессов урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и КНР, предпринятый М.О. Дмитриевой позволил по-новому взглянуть на проблему. Она рассматривала трансграничное сотрудничество как межгосударственное взаимодействие на основе взаимного признания суверенитета и невмешательства сотрудничающих сторон в дела друг друга.

Очевидно, что тематика трансграничных отношений требует и анализа правовых аспектов. Оправданием отсутствия такового может послужить, пожалуй, отсутствие в Северо-Восточной Азии примеров практического функционирования таких организаций как Европейский Союз. Пока рано говорить о создании в СВА как региональных объединений, которые направляли бы процессы институционализации, так и системы специализированных международных организаций. На российском Дальнем Востоке реализуется в основном самая простая форма – локальные приграничные контакты, а идеи регионостроительства находятся в стадии обсуждений.

Поскольку потребность изучения трансграничных отношений возникла сравнительно недавно, то публикации на эту тему зачастую страдают описательностью и другими недостатками. Однако авторы данной рубрики приложили значительные усилия, чтобы преодолеть трудности и надеются продолжить дальнейшие изыскания по теме.

Только комплексный подход к изучению сущности трансграничного сотрудничества с точки зрения современной политической науки позволит максимально полно представить картину динамики трансграничных связей на российском Дальнем Востоке и обозначить проблемные зоны этого явления с целью выработки эффективных решений по их совершенствованию.

Т.Г. Троякова

¹ Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России. // Пространственная экономика. 2005. № 1. с. 122.

УДК 341.222 (57)

Киреев А.А.

Регулирование трансграничных отношений российского Дальнего Востока в 1988 – 2011 гг.

Regulating cross-border relations of Russian Far East in 1988 – 2011

Предмет представленного исследования рассматривается автором в методологическом и эмпирическом аспектах. Во вводной части статьи автор уточняет определения и логические связи ряда ключевых понятий, применяемых в исследованиях трансграничных отношений. На основе предложенных дефиниций проводится анализ развития регулирования трансграничных отношений российского Дальнего Востока, его целей и этапов.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, трансграничные отношения, трансграничная политика, пограничная политика, государственная граница*

The subject of research is considered by the author in methodological and empirical aspects. In the prologue of article the author clarifies the definitions and logical connections of some key concepts, used in studies of cross-border relations. On the basis of the offered definitions the analysis of development of regulation of cross-border relations of the Russian Far East, its purposes and stages is carried out.

Key words: *Russian Far East, cross-border relations, cross-border policies, border policy, the state border*

Прежде чем приступить к рассмотрению главного предмета данной работы – регулирования трансграничных отношений российского Дальнего Востока (РДВ), его целей и механизмов – я считаю необходимым коснуться ряда вопросов методологического плана. По убеждению автора, игнорирование этих вопросов может стать препятствием в решении задач не только настоящей работы. По существу, пренебрежение ими является одной из важнейших причин малой продуктивности многих из проводимых сегодня исследований трансграничных процессов.

Заметный рост интереса исследователей к новой предметной области социогуманитарного знания – трансграничным отношениям – к сожалению, не повлек за собой адекватных её содержанию изменений в методологическом инструментарии. Конечно, основополагающая для

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

этой научной области категория «трансграничные отношения» на сегодня действительно широко вошла в профессиональный обиход представителей многих наук. Однако простое механическое присоединение данной категории к уже существующему понятийному аппарату не только не повышает его эвристичности, но скорее делает его и без того довольно аморфную структуру ещё более запутанной и неопределённой. Для того чтобы в полной мере интегрировать понятие «трансграничные отношения» в концептуальную систему социальных наук, и тем самым реализовать заложенный в нём познавательный потенциал, необходимо произвести возможно более чёткую демаркацию этого понятия с рядом смежных с ним старых понятий и дополнить его некоторыми логически производными новыми концептами. Не претендуя на исчерпывающее решение названных проблем в рамках настоящей статьи, я попытаюсь прояснить связи категории «трансграничные отношения» с несколькими понятиями, имеющими особую значимость с точки зрения предмета моего исследования.

Использование понятия «трансграничные отношения», прежде всего, требует его позиционирования относительно понятий, описывающих иные виды общественных отношений. Так, критерий положения в социально-географическом (точнее, политико-географическом) пространстве позволяет дифференцировать общественные отношения на трансграничные и интраграничные. Если первые связаны с необходимостью пересечения их субъектами и/или объектами, принадлежащими к разным обществам (национальным общественным системам) разделяющей данные общества границы, то вторые в полной мере осуществляются в пределах контура границ отдельного государства и соответствующей общественной системы.

Более сложным представляется вопрос о соотношении понятий «трансграничные отношения» и «международные отношения». В аспекте пространственных характеристик описываемых отношений содержание указанных понятий практически совпадает: любые международные отношения возможны лишь при условии пересечения их субъектами или объектами государственных рубежей. Однако при более детальном рассмотрении международных отношений нельзя не обратить внимания на важное обстоятельство: в зависимости от типа субъекта международных отношений социальный порядок регулирования физического пересечения им (его представителями, средствами или ресурсами) государственной границы может существенно различаться. В том случае, если субъектом международных отношений выступает государство, имеющее возможность прямого управления функционированием своей границы и косвенного (через межгосударственные соглашения) – границ других государств, то такое пересечение происходит в особом, привилегированном режиме. Регулирующее воздействие границ на официальные отношения между государственными органами, учреждениями, должностными лицами и т.п., как правило, настолько незначительно, что эти отношения правоммерно рассматривать как надграничные.

Напротив, если участниками международного взаимодействия являются негосударственные организации, группы и отдельные граждане, то вес и значимость фактора пересечения границы (т.е. связанных с ним временных, процедурных и материальных транзакционных издержек) в структуре такого взаимодействия резко возрастают. Таким образом, с точки зрения подверженности пограничному регулированию к категории трансграничных следует относить лишь межобщественную (но не межгосударственную) разновидность международных отношений. Вместе с тем, объективно обусловленный рост масштабов и интенсивности межобщественных контактов в глобализующемся мире, существенно

опережающий процессы дебарьеризации государственных границ, не говоря уже об их «стирании», ведёт к тому, что соотношение в составе международных отношений их трансграничных и надграницных форм устойчиво изменяется в пользу первых.

Чрезвычайно важной частью предметного поля исследований трансграничных отношений являются проблемы их регулирования. При этом, именно эта область трансграничных (лимологических) исследований в наименьшей степени обеспечена на сегодня адекватным понятийным аппаратом.

Как уже отмечалось, главным регулятором функционирования границ, их барьерности/контактности в отношении различных (не только социальных, но и отчасти природных) процессов и в современный период является государство. Основными категориями, традиционно применяемыми для описания всего спектра регулятивных практик органов государственной власти, служат понятия «внутренней» и «внешней» политики. Длительное общее употребление этих понятий способствовало значительному размыванию их дефиниций, содержания которых зачастую воспринимается как нечто интуитивно очевидное. Препятствием на пути подобной эрозии понятий внешней и внутренней политики может быть только постоянное эксплицирование и уточнение критериев их различения. На мой взгляд, важнейшим критерием различения сфер внутренней и внешней политики следует считать расположение её объектов в политико-правовом пространстве, т.е. в пределах или вне пределов суверенитета данного государства, которые, в свою очередь, в основном совпадают с границами государственной территории.

Появление внутренней и внешней политики (и как реалий, и как научных и практических концептов) было неразрывно связано с процессами формирования государств зрелого типа, которые в европейском регионе получили наибольший размах в эпоху Нового Времени. Вестфальские соглашения середины XVII в. заложили основания для чёткого определения политико-правовых рамок государственного суверенитета и превращения государства в основного, безусловно доминирующего субъекта политической жизни. При этом в пределах государственной территории это доминирование было, по существу, монопольным, вертикально-монологичным, а вне их должно было принимать форму олигополии, горизонтально-полилогичного взаимодействия однопорядковых субъектов, компенсировавших анархичность международной среды поддержанием взаимного баланса сил. Таким образом, и международные, и внутринациональные отношения в равной степени имели этатистский характер, различаясь, вместе с тем, степенью монополизации своего регулирования [35, с. 109-113, 231-238]. Именно данная историческая ситуация и нашла выражение в жёсткой дихотомии понятий внутренней и внешней политики.

Однако в XX в., в особенности после окончания второй мировой, межгосударственные взаимодействия стали утрачивать своё преобладающее место если не в структуре, то, по крайней мере, в составе (объёме) международных отношений. Быстрое развитие межобщественного компонента последних, хотя и с некоторым запаздыванием, повлекло за собой изменения и в практике их регулирования [1, с. 63-67]. Первым проявлением новой тенденции послужило повышение внимания зрелых (развитых) государств мира к своим границам. Во второй половине XX в. в Западной Европе, а затем и других регионах планеты, границы начали восприниматься всё более не как оборонительные, военно-политические рубежи *государства*, но как сложные системы управления разнообразными формами коммуникации *общества* с его внешним окружением. Возросли значимость и внутренняя сложность самой границы, транс-

граничных потоков и испытывающего их прямое влияние пограничного пространства привели к окончательному конституированию нового вида государственной политики – политики пограничной, обособление которой началось ещё в XVII в.

Будучи направленной на регулирование функционирования границы и динамики трансграничных процессов в пределах территории данного государства, пограничная политика заняла промежуточное положение между внешней и внутренней политиками в их традиционном понимании. Отталкиваясь от присущих этим последним приоритетов и механизмов, она, вместе с тем, вскоре приобрела свою собственную, специализированную концептуальную, правовую и институциональную базу [24].

Появление пограничной политики стало значимым шагом на пути организации рационального управления трансграничными процессами. Однако в силу самой сущности пограничной политики как регулирования трансграничных отношений в их интраграницей части, в пределах действия государственного суверенитета, её эффективность в достижении своей основной цели не могла быть высокой. Расширяющиеся межобщественные взаимодействия требовали выработки способа управления, который был бы способен охватить их во всей структурной и географической полноте, обеспечивая контроль, как над внутренними, так и над внешними факторами этих взаимодействий, и в равной мере распространяясь на все участвующие в них общества.

Начало формирования такого нового способа управления трансграничными отношениями, для обозначения которого, на мой взгляд, более всего подходит термин «трансграничная политика», относится к концу 50-х гг. XX в. [14, с. 330-331]. Суть этого вида политики, генезис которого был долгое время тесно сопряжён со строительством структур ЕС, состоит в том, что регулирование трансграничных процессов в данном случае осуществляется трансграничными же институтами и происходит «поверх» государственных территориальных суверенитетов.

Трансграничная политика в зависимости от типа регулирующих субъектов может иметь две основные разновидности. Для первой её разновидности характерно государственное происхождение регулирующих институтов: в их роли выступают органы, образованные на межправительственной основе (как например, Совет Европы). Особенностью второй, исторически более поздней, её разновидности является то, что трансграничные регулирующие институты создаются на общественном, неправительственном, уровне, в результате соглашения между субнациональными субъектами (пример – Комитет регионов в ЕС) [14, с. 330-336]. Вторая разновидность трансграничной политики является более динамичной и обычно имеет более глубокие последствия. Однако, независимо от конкретной формы, трансграничная политика в своём развитии, в конечном счёте, не просто теснит внешнюю и внутреннюю политики государств, но ассимилирует и поглощает их, медленно, но неуклонно размывая институционально-правовые и территориальные рамки государственных суверенитетов.

Таким образом, за последнее столетие практика регулирования трансграничных отношений претерпела существенную эволюцию. Её общий ход был направлен от различных спорадических и неспециализированных форм регулирования через систематические государственные пограничные политики к трансграничным политикам международных правительственных и неправительственных институтов. По моему мнению, эта эволюция до сих пор не получила достаточно ясной и полной научной концептуализации. Проблемы регулирования трансграничных отношений зачастую всё ещё продолжают описываться и осмысливаться

ся в терминах внешней и внутренней политики, тогда как понятие пограничной политики на сегодня может считаться общепринятым только в узком кругу специалистов-лимологов¹. Что же касается категории трансграничной политики, то её использование остаётся эпизодическим и осложнённым разноречивостью авторских интерпретаций.

Общими причинами подобного положения вещей являются как инерционность научных традиций, так и объективная гетерохронность, разноуровневость развития вовлечённых в трансграничные процессы обществ. В данной работе, опираясь на представленные выше концептуальные средства, далее я попытаюсь проанализировать динамику регулирования трансграничных отношений РДВ в 1988 – 2011 гг.

В качестве начальной временной точки рассмотрения трансграничных отношений РДВ в этом исследовании мною выбран 1988 г. Это не означает, что до названной даты трансграничные процессы, равно как и их регулирование, в названном регионе отсутствовали. Однако именно с 1988 г. трансграничные отношения РДВ вступили в продолжающийся в целом до настоящего времени период значительной интенсификации, которая, в свою очередь, явилась главным фактором быстрого развития технологий их политического регулирования.

Вплоть до конца 80-х гг. XX в. советская пограничная политика, как в содержательном, так и в организационном плане была слабо обособлена от внешней (а отчасти и внутренней) политики СССР. Управление границами страны осуществлялось в соответствии с такими общеполитическими установками советского режима как безусловная приоритетность идеологических ценностей и вытекающий из неё изоляционизм. Решающая роль в реализации пограничной политики принадлежала Министерству обороны и КГБ, в структуру которого с 1957 г. входили пограничные войска. Наметившаяся в 70-е гг., в период разрядки, тенденция к некоторой демилитаризации и правовой регламентации функционирования границ (её довольно искажённым отражением стал запоздалый первый советский закон о границе 1982 г.) [17, с. 157-160, 334], в связи с последовавшим охлаждением в отношениях с внешним миром развития не получила.

Идеи перестройки и «нового мышления», предназначавшиеся, как известно, «для всего мира», кардинально изменив советскую систему, её внешнюю и внутреннюю политику, не могли обойти стороной и пограничное регулирование. На смену приоритету «защиты социалистического Отечества», в выступлениях нового советского, а затем российского руководства пришли призывы к скорейшему развитию международного сотрудничества и даже к интеграции в «мировое сообщество» и его региональные, европейские и азиатско-тихоокеанские, структуры.

Принимавший всё более радикальные формы правительственный либерализм нашёл воплощение не только в резкой дебарьеризации границ страны, существенном понижении уровня жёсткости их функционирования во всех сферах. Большую важность имело то, что, помимо целей, изменения затронули и саму структуру пограничной политики, её институционально-правовые основы. В конце 80-х – начале 90-х гг. в СССР/России развернулся процесс получения институтами границы (включая пограничные, таможенные и миграционные органы) организационной самостоятельности и создания специализированной законодательной базы их работы. В то же время, форсированно завершая формирование национальной пограничной политики, советское, а впоследствии российское государства приняли участие в целом ряде проектов развития трансграничного сотрудничества, связанных с той или иной формой ограничения национального суверенитета. Иными слова-

¹ В особенности эта ситуация характерна для российской науки.

ми, в эти годы страна впервые стала субъектом и трансграничных политических отношений.

Дальний Восток был одним из тех регионов, где процессы обособления и обновления пограничной политики и генезиса на её базе политики трансграничной начались раньше других территорий и протекали особенно динамично. В их основе лежал быстрый рост трансграничных отношений дальневосточного региона, прежде всего, со смежными районами КНР. Этот рост был обусловлен существованием комплекса объективных предпосылок двустороннего сотрудничества, «разморозить» которые позволила успешная нормализация к концу 80-х гг. межгосударственных отношений СССР и Китая.

Уже летом 1988 г. Москва, учитывая позицию дальневосточной административной и хозяйственной элиты, заключила с Пекином соглашения о развитии торгово-экономических связей регионального и местного уровня (июнь 1988 г.) и о взаимных поездках граждан (июль 1988 г.) [6, с. 54; 11, с. 25]. Основными вехами на пути дальнейшего стимулирования государством трансграничных отношений РДВ и смягчения их пограничного регулирования стали в экономической сфере – постановление Совмина СССР о развитии внешнеэкономической деятельности (декабрь 1988 г.), указ Президента РФ о либерализации данной деятельности (ноябрь 1991 г.) и российско-китайское соглашение о торгово-экономических отношениях (март 1992 г.) [6, с. 54, 56; 9, с. 61; 11, с. 169, 335], а в социально-демографической сфере – нота МИД СССР о безвизовых групповых турпоездках (март 1991 г.) и российско-китайские соглашения о направлении и приёме китайских граждан на работу в России (август 1992 г.) и о направлении российских специалистов в КНР (декабрь 1992 г.) [6, с. 54; 11, с. 169, 195]. Проводившийся с 1988 г. курс на либерализацию и активизацию двусторонних контактов в культурно-информационной сфере получил своё наиболее полное оформление в соглашении между Россией и КНР о культурном сотрудничестве (декабрь 1992 г.) [11, с. 169-170]. Пограничное регулирование в военно-политической области в этот период определялось принятыми советским руководством с августа 1988 г. мерами по «демократизации» пограничного режима на Дальнем Востоке, а затем также подписанным с КНР соглашением о взаимном сокращении вооружённых сил (апрель 1990 г.) [11, с. 16, 36-38; 15, с. 422-42[3].

Бурное развитие в конце 80-х – начале 90-х гг. советско/российско-китайских отношений в различных сферах и сопряжённое с ним активное общение представителей региональных и местных администраций обеих стран способствовали формированию ряда трансграничных институциональных и правовых механизмов. Основными формами организации трансграничного сотрудничества в регионе в это время стали локальные правовые режимы, выделенные из национального экономического пространства (СЭЗ), и двусторонние координационные органы. В течение нескольких лет после принятия в июле 1990 г. Постановления Совмина СССР «Об образовании зон свободного предпринимательства» на РДВ было образовано 5 СЭЗ [12, с. 62-6[3], большинство из которых создавалось в расчёте на возможность привлечения китайского бизнеса. Кроме того, с 1991 г. российскими и китайскими властями обсуждались вопросы создания в регионе совместных институтов для координации трансграничного сотрудничества в больших географических масштабах. Однако практические результаты, достигнутые в этом направлении к середине 1993 г., ограничивались открытием в городах Приморского края ряда представительств администраций провинций и городов Северо-Восточного Китая, а также учреждением Консультативного совета из представителей руководства Амурской области и г. Хейхе [11, с. 297-

298].

Безусловно, в данный период РДВ был вовлечён в трансграничные отношения не только с Китаем, ни и с такими своими соседями как Япония, Республика Корея, США и КНДР. В соответствии с упомянутыми выше внутринациональными правовыми актами порядок пересечения экономической и отчасти социальной границы с ними также был значительно либерализован. Были подписаны в эти годы и первые международные соглашения России с названными странами, нацеленные на стимулирование двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Однако по различным причинам развитие трансграничных отношений РДВ с этими соседями и совершенствование его государственного регулирования шли гораздо медленнее. Одной из причин этого, характерной для предпринимателей из США, Японии и Южной Кореи, была невысокая заинтересованность внешних партнёров в освоении дальневосточных рынков, усугубляемая опасениями возможных потерь от политической и правовой нестабильности в России. Другой важной причиной, наиболее ошутимо проявлявшей себя в трансграничном взаимодействии с Японией и КНДР, являлись серьёзные противоречия, существовавшие на уровне межгосударственных отношений [4, с. 506-507, 515-517, 520, 522].

Дебарьеризирующая пограничная политика и первые попытки перехода к трансграничному регулированию отношений РДВ со странами СВА, поспособствовав в целом очевидному оживлению этих отношений, вместе с тем, так и не привели к желаемому результату, т.е. к подъёму и модернизации экономики региона. Более того, уже к середине 1993 г. стало ясно, что активное взаимодействие с соседними обществами может иметь и деструктивные последствия в виде деформации отраслевой структуры регионального хозяйства, бегства капиталов, неконтролируемой миграции, контрабанды и т.д. Появление подобных последствий было обусловлено как объективной слабостью дальневосточной экономики и общества, далеко не готовых к равноправной интеграции в «мировое сообщество», так и чрезмерной революционностью новой политики, её на сей раз либеральной идеологизированностью, низкой эффективностью контроля над процессом открывания границ региона в условиях фактической финансовой и управленческой несостоятельности Москвы в начале 90-х гг.

Негативные эффекты трансграничной открытости и, прежде всего, плохо регулируемый быстрый приток китайских мигрантов, спровоцировали реанимацию в массовом сознании населения РДВ старых этнических фобий. По-видимому, именно оживлённое обсуждение в дальневосточных СМИ темы «жёлтой угрозы» уже во второй половине 1993 г. побудило администрации приграничных регионов принять постановления, ужесточившие правила въезда и пребывания в них китайцев [11, с. 383-384]. Под давлением с мест курс на упорядочивающую барьеризацию трансграничных миграционных потоков был взят в конце 1993 г. и федеральным центром. Этот курс, начало которому было положено двумя указами Президента РФ от 16 декабря 1993 г., получил затем развитие в российско-китайском соглашении о визовых поездках граждан (декабрь 1993 г.), постановлениях Правительства РФ об иммиграционном контроле и о предупреждении неконтролируемой миграции (сентябрь 1994 г.) и ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» (август 1996 г.) [19; 20; 30; 31; 32]. В тесной связи с данными мерами была скорректирована пограничная политика и в экономической сфере: издание в 1994 – 1996 гг. ряда актов центральных исполнительных органов привело к повышению таможенных пошлин и акцизов и существенному ограничению возможностей ведения беспошлинной (челноч-

ной) и бартерной торговли [3, с. 103; 6, с. 59-60; 11, с. 94-95, 361-362; 21]. Наряду с этим, российское правительство, наконец, обратило внимание на необходимость укрепления находившейся в крайне проблемном состоянии военно-политической охраны дальневосточных рубежей. По сути, признанием серьёзного неблагополучия этой сферы стало межправительственное соглашение о режиме государственной границы с КНР (май 1994 г.), а также такой знаковый концептуальный документ, как подписанные Президентом РФ 1 октября 1996 г. «Основы пограничной политики» [11, с. 311; 1[3].

Отход российских властей в 1993 – 2000 гг. от прежней радикально-либеральной пограничной политики, конечно, не означал их отказа от общей цели поощрения различных видов сотрудничества РДВ со странами СВА. Речь шла скорее о преодолении стихийности такого сотрудничества, обусловленной неорганизованным или просто нелегальным участием в нём множества субъектов, «неформальных» мелких предпринимателей и наёмных работников, занимавшихся в основном самыми примитивными формами торговли. Федеральный центр и в ещё большей мере дальневосточные администрации не теряли надежды на возможность привлечения в регион крупного иностранного капитала [12, с. 62-63, 65-66]. Более того, региональные и местные власти РДВ продолжали активно отстаивать проекты создания трансграничных институтов, которые бы позволили управлять развитием международного сотрудничества на субнациональном уровне, без постоянной прямой опеки Москвы. Новым типом подобных институтов локального масштаба, наряду с образованными ранее СЭЗ, на этом этапе стали приграничные торгово-экономические комплексы (ПТЭК), международно-правовая база для строительства которых на российско-китайской границе была заложена в 1998 – 1999 гг. [8, с. 171; 11, с. 374-375]. В эти же годы на РДВ возникли трансграничные институты межрегионального типа, такие как Российско-Китайский Координационный совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству и Российско-Японская инициативная рабочая группа по региональному сотрудничеству.

Изменения в регулировании трансграничных отношений РДВ в 1993 – 2000 гг., не позволили, однако, сделать их содержание и развитие более отвечающими интересам региона. Одной из причин этого было существование острых внутренних противоречий в российской политико-административной элите. Так, ожесточённая борьба за контроль над государственной границей и трансграничными потоками шла в эти годы между центром и администрациями дальневосточных краёв и областей. Москва чем далее, тем всё более скептически и настороженно относилась к инициативам регионов в области международных связей. Серьёзные разногласия по вопросам выбора оптимальных географических и отраслевых направлений трансграничного сотрудничества и распределения доходов от него имели место и между региональными и местными властями РДВ и стоящими за ними бизнес-группировками [11, с. 340-341, 36[3]. Другой причиной оставалась ресурсная необеспеченность принимаемых различными российскими администрациями решений, плачевное материально-техническое, и в особенности инфраструктурное, состояние дальневосточных рубежей.

Эти и иные факторы определили весьма низкую эффективность исполнения новой пограничной политики и «бумажный», фиктивный характер большинства созданных на РДВ трансграничных институтов. Принятые государством в 1993 – 2000 гг. меры привели не столько к лимитированию и упорядочиванию двигавшихся через границу (прежде всего, с Китаем и Японией) миграционных и товарных потоков, сколько

к их уходу в «теневую зону». Главной фигурой в сфере трансграничных отношений по-прежнему являлся отнюдь не респектабельный крупный предприниматель, готовый к инвестированию в производство, а мелкий частник, строящий свой «купи-продай» бизнес на грани или за гранью закона. Подобная модель взаимодействия с внешним миром способствовала не социально-экономическому прогрессу, но дальнейшей деградации региона, его превращению в сырьевую кладовую для более развитых соседей.

Решительная централизация государственной власти и расширение её финансовых возможностей с приходом В.В. Путина оказали значительное влияние на формирование пограничной политики на РДВ. На этапе 2000 – 2006 гг. её внутренние механизмы, сама структура системы государственной границы подверглись заметному обновлению. Правительством были разработаны новые взаимно согласованные концепции охраны границы, таможенного и миграционного контроля, и информационной безопасности РФ, проведена работа по дополнению и унификации центрального и регионального законодательства в этих сферах, начато реформирование соответствующих институтов. В 2002 – 2003 гг. пограничные и миграционные органы утратили свою организационную самостоятельность, перейдя в подчинение ФСБ и МВД [18; 29]. С 2004 г. государство приступило к восстановлению ликвидированных в начале 90-х гг. пограничных зон [16]. При этом, частичное возвращение к советскому опыту управления границей сопровождалось мерами по технико-технологической модернизации последнего, по внедрению в него информационных систем учёта и контроля ведомственного и межведомственного масштаба. Целью всех этих усилий, в конечном счёте, являлось повышение качества реализации государственных решений в области пограничной политики.

При сохранении в 2000 – 2006 гг. в целом умеренно барьерной направленности пограничной политики на РДВ, она стала более дифференцированной. Особенно ярко это проявлялось в регулировании трансграничных отношений в экономической сфере. Активизация борьбы с «серым» импортом и контрабандой (с 2004 г.) и дальнейшее сужение возможностей для челночного бизнеса (январь 2006 г.), сочетались с мерами по либерализации валютного контроля и снижению таможенных пошлин, а также с заключением российско-китайских соглашений о взаимных банковских расчётах (август 2002 г.) и о защите капиталовложений (ноябрь 2006 г.) [6, с. 62-68; 26, с. 194-195]. Более жёсткий характер имела в эти годы пограничная политика в социально-демографической сфере. Помимо общегосударственных решений об усилении контроля над въездом и пребыванием иностранцев вообще (июль 2002 г.), а также лимитировании трудовой (декабрь 2002 г.) и особенно торговой (ноябрь 2006 г.) миграции, на РДВ она включала в себя подписание двусторонних соглашений с КНР (2000 и 2006 гг.), нацеленных на сокращение притока в регион безвизовых псевдотуристов [6, с. 64, 68-69; 11, с. 121-122; 25; 27]. Наиболее же высокий уровень закрытости дальневосточных рубежей на данном этапе был установлен в военно-политической сфере, где главными объектами политики барьеризации стали организованные преступные группировки и зарубежные разведки [7; 11, с. 311-324]. Наконец, в 2000 – 2006 гг. государство вновь после долгого перерыва приступило к регулированию трансграничных культурно-информационных процессов, в качестве первоочередной задачи которого была выделена защита государственной тайны [28].

По существу, российская пограничная политика в 2000 – 2006 гг. была направлена на то, чтобы придать международным связям РДВ характер скорее государственный, чем общественный. Рассматривая

межобщественные контакты, сопряжённые обычно с массовыми трансграничными миграциями, как, прежде всего, источник различных проблем и угроз, Москва в максимальной степени стремилась «заменить» их более удобными с точки зрения централизованного контроля отношениями на уровне официальных органов и близкого к ним крупного корпоративного бизнеса. Из этих же соображений, а также из стремления к укреплению национального суверенитета, российское правительство на этом этапе фактически «заморозило» функционирование многих локальных и межрегиональных трансграничных институтов. С подобным этатистским подходом федерального центра в определённой мере были связаны и его попытки диверсифицировать трансграничные отношения РДВ за счёт оживления контактов региона с Японией и Южной Кореей [4, с. 506, 520-524]: в отличие от Китая отношения с этими странами развивались в основном в государственно-корпоративной форме. Однако динамика трансграничного взаимодействия РДВ с Японией и Южной Кореей сдерживалась грузом старых противоречий, а также заметным охлаждением в отношениях Москвы и Вашингтона.

С 2007 г. регулирование внешних связей РДВ вступило в новый этап развития, продолжающийся до настоящего времени. Важнейшей предпосылкой к этому стал общий пересмотр правительством РФ своей политики в отношении дальневосточного региона. В ноябре 2007 г. правительством была утверждена третья редакция ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», объём бюджетного финансирования которой (по сравнению с редакцией 2002 г.) увеличился в 21 раз [2, с. 199]. Программа, в частности, предусматривала реализацию целого комплекса мер по стимулированию международного сотрудничества РДВ как важного фактора модернизации экономики и социальной сферы региона.

Новые правительственные планы развития РДВ были тесно увязаны с изменениями в общегосударственной и региональной пограничной политике. Эти изменения коснулись как целей, так и механизмов осуществления пограничной политики.

Общая либерализация пограничного регулирования в 2007 – 2011 гг. сопровождалась дальнейшей дифференциацией его задач по конкретным направлениям трансграничных отношений РДВ. Так, наиболее значительное понижение жёсткости функционирования границы на этом этапе произошло в социально-демографической сфере. В соответствии с вступившим в действие с начала 2007 г. ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан», разрешительный порядок учёта иностранцев был заменён уведомительным, а его процедура существенно упростилась [3[3]. В сфере экономического взаимодействия был продолжен курс на поощрение контрактного ввоза рабочей силы и привлечение иностранных инвестиций, главным образом из КНР. В то же время, правительство приняло ряд решений, направленных на вытеснение иностранных челночных торговцев (апрель 2007 г.), пресечение «серой» и «чёрной» растаможки (март 2007 г.), ограничение экспорта необработанного леса (июль 2007 г.) и импорта продовольствия (конец 2006 г.) [5, с. 139; 6, с. 68-70; 10, с. 262-266]. Проявлением либерализации пограничной политики в военно-политической области стало уменьшение в 2007 г. размеров пограничных зон и смягчение режима их посещения [22]. Высокий уровень контактности в 2007 – 2011 гг. функционирования границ РДВ сохраняло в культурно-информационной сфере. Вместе с тем, создание в 2007 г. Фонда «Русский мир», филиал которого был открыт во Владивостоке, свидетельствовало о том, что Москва намерена придать своей политике в этой сфере наступательный характер, переходя от фильтрации вывозимой информации к ценаправленному экспорту

российских ценностей на территории сопредельных стран [34].

Важным событием в развитии российской пограничной политики в дальневосточном регионе явилось подписание в октябре 2009 г. премьер-министрами РФ и КНР «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.)» [2][3]. Данная программа по существу представляет собой долгосрочный план соразвития смежных регионов двух стран, реализация которого возможна лишь при условии дальнейшего повышения проницаемости их границы и тесной координации их пограничных политик. Учитывая, что Программа будет выполняться при участии специальных трансграничных институтов межправительственного (Российско-Китайская Постоянная рабочая группа) и межрегионального (Российско-Китайский Координационный совет) уровня, её появление можно рассматривать как значительный шаг в направлении эволюции пограничной политики России на РДВ в трансграничную. О принципиальном изменении вектора развития пограничной политики в регионе в последние годы говорит также реанимирование ряда давних (ПТЭК Хейхе-Благовещёнк и Суйфуньхе-Пограничный) и начало реализации новых (российско-китайская торгово-экономическая зона в Уссурийске) трансграничных проектов локального масштаба [8, с. 172 – 173, 176].

Безусловно, полный переход к трансграничной политике, т.е. от национального к наднациональному регулированию трансграничных отношений РДВ со странами СВА, не является делом ближайших лет. Как уже отмечалось, реальная, а не декларативная либерализация (не говоря уже о транснационализации) пограничной политики в регионе осуществляется российским правительством очень осторожно и дифференцированно, и такой подход имеет под собой достаточно веские основания. Они состоят, в первую очередь, во внутренней экономической и демографической слабости РДВ, который в случае слишком широкого открытия границ неизбежно будет вынужден развиваться «под диктовку» более сильных партнёров. Кроме того, вполне закономерные опасения в России вызывает то обстоятельство, что, несмотря на предпринимаемые усилия по диверсификации связей дальневосточного региона, явно доминирующее место среди этих партнёров занимает (и, вероятно, ещё долго будет занимать) Китай. Наконец, определённые риски для перспектив эволюции российской пограничной политики в трансграничную связаны с возможным обострением межгосударственных противоречий в СВА, к которому может привести вторая волна мирового экономического кризиса и рост напряжённости между Пекином и Вашингтоном.

Следует также подчеркнуть, что даже при наиболее благоприятном для РДВ и его международной среды сценарии, характер и формы трансграничного политического взаимодействия между ними будут существенно отличаться от его принимаемой обычно за эталон современной европейской модели. В условиях высокой социокультурной и экономической неоднородности СВА, по сути стадийного неравенства входящих в него стран, прочности в большинстве из них авторитарных традиций, основными и ведущими субъектами строительства любых трансграничных институтов в этом регионе в обозримом будущем могут быть только центральные правительственные органы.

Литература

1. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОМФО, 2002. 390 с.
2. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
3. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80-120.
4. Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации. Учебник / Пред. ред. совета А.Н. Панов. М.: Восток-Запад, 2010. 752 с.
5. Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России и Китая: взгляд из региона // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 136-143.
6. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
7. Концепция охраны государственной границы РФ на 2001 – 2005 гг. (утв. Президентом РФ 1 сентября 2001 г.) // Морская коллегия: [сайт]. URL: http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrinalnye_i_k/kontseptsija_ohr/ [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
8. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Трансграничные свободные экономические зоны в зарубежных странах (на примере Китая) // Вестник МГИМО. 2011. № 2. С. 169-178.
9. Лаврентьев А.В. Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока в ходе реализации программно-целевой стратегии периода «перестройки» (вт. пол. 80-х – 1991 г.) // Вестник ВГУЭС. 2009. №3. С. 57-66.
10. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
11. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
12. Моисеева Л.А. Создание на Дальнем Востоке России совместных предприятий с предпринимателями стран АТР в 1985 – 2000 гг. // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 58-70.
13. Основы пограничной политики РФ (утв. Президентом РФ 5 октября 1996 г.) // Совет Безопасности РФ: [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/16/28.html> [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
14. Основы регионоведения. / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
15. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальн. кн. изд-во, 1990. 608 с.
16. Пограничная зона // Википедия: [сайт]. URL: <http://ru.wikipedia.org> [Дата обращения: 15.11.2010 г.]
17. Пограничная служба России: Энциклопедия. М.: Ассоциация «Военная книга»; Кучково поле, 2009. 624 с.
18. Подорожная гастарбайтеру // Российская газета. 2003. 2 декабря. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0212/4.shtm [Дата обращения: 18.01.2011 г.]
19. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» // Система «Гарант»

20. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1021 «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции» // Система «Гарант»
21. Приказ ГТК РФ от 15 августа 1994 г. № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» // Система «Консультант Плюс»
22. Приказы ФСБ об установлении пограничной зоны // Путеводитель по России: [сайт]. URL: <http://www.mcsme.ru/putevod/Border/border.html> [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
23. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009 – 2018 гг.) // Иркутская область. Представительство в Китае: [сайт]. URL: <http://www.irkutsk.cn/site/uploads/File/Programm.doc> [Дата обращения: 5.03.2011 г.]
24. Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России/ Под редакцией Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М. - Волгоград, 2002 // Научно-образовательный форум по международным отношениям: [сайт]. URL: <http://www.obraforum.ru/book/> [Дата обращения: 10.05.2010 г.]
25. Протокол о внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/0338FC26B72C6613C325785A003FB37D [Дата обращения: 18.01.2011 г.]
26. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию/ Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 351 с.
27. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках // Сборник основных официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе. Благовещенск, 2005. С. 20-24.
28. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации // МИД РФ: [сайт]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A492C27B118C6F9DC325785A003FB2B6 [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
29. Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» // Система «Гарант»
30. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // Система «Гарант»
31. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» // Система «Гарант»
32. ФЗ РФ от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» // Система «Гарант»
33. ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Система «Гарант»
34. Фонд «Русский мир»: [сайт]. URL: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/> [Дата обращения: 16.03.2011 г.]
35. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.

УДК 339.92 + 330.322.1

Рыжова Н.П.

Неформальная модель торговой интеграции. Случай России и Китая

Informal Model of Integration. Russian-Chinese Case

В статье дана оценка ненаблюдаемой российско-китайской торговли товарами и услугами, а также рассмотрены практики, формирующие ненаблюдаемый оборот. Обсуждается, что рассматриваемая неформальная модель торговой интеграции типична не только для случая России и Китая, но и других стран и регионов мира, где существуют чрезмерно жесткие административные барьеры для ведения бизнеса.

Ключевые слова: *Неформальная интеграция, международная торговля товарами и услугами, «челночная» и «чартерная» торговля, неформальные бизнес-практики, приграничные регионы, Россия и Китай*

The article estimates unobserved Russian-Chinese trade of commodities and services as well as informal practices which cause unobserved trade are considered. It is discussed that mentioned above informal model of trade integration is typical not only for Russian-Chinese case, but also for different regions and countries where drastically rigorous legal barriers for doing-business exist.

Key words: *Informal trade integration, international trade in commodities and services, «shuttle» and «chartered» trade, informal business practices, border regions, Russia and China*

Снижение торговых и административных барьеров для движения товаров, услуг, капиталов и людей традиционно рассматривалось в качестве движущей силы экономической интеграции. Однако барьеры не ограничиваются только теми, что установлены формально. Для стран с переходными институтами и стран догоняющего развития неформальные барьеры (определяемые, например, рентоориентированным поведением чиновников) иногда играют даже большую роль в ограничении экономических обменов. Для объяснения неформальных барьеров международной торговли и способов их преодоления используется концепт

РЫЖОВА Наталья Петровна, к.э.н., докторант Амурского государственного университета (г. Благовещенск). **E-mail:** n.p.ryzhova@gmail.com

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг., государственный контракт No. 14.740.11.0770 «Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX-XX и XX-XXI в.в.» и частичной финансовой поддержке РФФИ (грант № 09-06-00309-а). Цикличность валютной интеграции и дезинтеграции в процессе глобализации экономики (на примере Азиатско-Тихоокеанского региона).

неформальной *экономической интеграции* [15, 16], изучаемый в рамках междисциплинарных подходов с применением социологических и антропологических методологий и методов; географически эти исследования в основном ограничены случаями азиатских и африканских регионов. Представляется, что не менее продуктивным для понимания механизмов неформальной интеграции является российско-китайский случай, рассматриваемый в данной статье.

*Неформальная интеграция:
международный опыт исследования отдельных случаев*

В отличие от интеграционных процессов в НАФТА и ЕС, которые хорошо изучены и объяснены с помощью формализованных, в том числе математических моделей, экономическая интеграция в Азии и Африке даже описана неадекватно мало. Имеющиеся публикации, впрочем, свидетельствуют, насколько значима роль типичных, наиболее распространенных моделей экономического поведения в механизмах региональной интеграции. Не только, а в некоторых случаях не столько размещённые факторы производства, политические институты и формализованные соглашения, но и способы организации бизнеса, схемы инвестирования, модели координации и контроля определяют, будет ли иметь место интеграция», «снизу», или интеграция » «сверху», будет ли она носить преимущественно формальный или неформальный характер [20]. Ведь даже на интуитивном уровне понятно, что американо-мексиканские «макиладорас», европейские ТНК в Азии или Африке, японские «кейрецу», в странах «летающих гусей», китайские этнические «бамбуковые», сети в США или на Филиппинах должны отличаться по способам координации и реализуемым моделям поведения как между собой, так и в зависимости от внешнего окружения.

На основании изучения субрегиональных экономических зон в ЮВА, Пэн предложил следующее определение экономической интеграции: процесс строительства региональных систем, которые усиливают экономические взаимодействия посредством увеличивающегося проникновения через национальные границы [16]. Таким образом, подчеркивая важность «проникновения через границы», Пэн оставлял в стороне традиционную движущую силу интеграции в НАФТА и ЕС – необходимость снижения *торговых барьеров*. Основной причиной такого смещения внимания является то, что барьеры торговли в данном регионе часто определяются отнюдь не только размером таможенных пошлин или неналоговых ограничений, а, например, (не)желанием чиновника разрешать внешнеэкономическую трансакцию. В свою очередь причинами существования таких институциональных ограничений является неразвитость рыночных институтов. Эта «общая болезнь» стран догоняющего развития применительно к процессу международной экономической интеграции, может быть хорошо проиллюстрирована на примере следующего кейса о трансграничной торговле на *границах Мьянмы* [13]:

Основной причиной развития неформальной трансграничной торговли в Мьянме является то, что до 1996 весь импорт и экспорт в этой стране подвергался обязательному лицензированию, а для получения лицензий товар должен был ввозиться через море или авиаперевозки, то есть, формальной трансграничной торговли не существовало в принципе. Конечно, население приграничных территорий, вело торговлю через границы с Китаем и Таиландом – в основном обеспечивая продуктами питания и товарами первой необходимости локальные рынки. После введения санкции США на торговлю с Мьянмой, приграничная торговля стала поддерживаться государством. И

хотя официальную поддержку получила формальная торговля, неформальная развивалась быстрее – в основном из-за сложности лицензирования и выполнения других административных процедур. В среднем оформление одной сделки приграничной торговли занимало не менее 4 недель. Неформальная торговля приводила в результате к высочайшему уровню коррупции.

Вся трансграничная торговля может быть типизирована на: (1) легальную и документированную (т.е. по контрактам с соблюдением всех формальностей); (2) легальную и недокументированную (т.е. торговлю теми же товарами, что в (1), но без должного оформления, что позволяет снизить налоговые и прочие платежи); (3) нелегальную, недокументированную, но не криминальную (т.е. теми товарами, которые в данный момент запрещены к торговле властями Мьянмы); (4) нелегальную и криминальную (т.е. такими товарами, как оружие, наркотики и т.п.). Таможенный статистический учет в Мьянме ведется только по (1) группе товаров. Оценить реальные объемы торговли можно, сопоставив (1) по данным Мьянмы с (1-3 группами) по данным Китая и Таиланда.

Из-за требований политики «вначале экспорт» основным агентом в деловой схеме трансграничной торговли Мьянмы является брокер (торговый агент). Брокер заранее покупает разнообразные лицензии в зависимости от специализации и имеет возможность «сводить» по суммам поставок экспортные и импортные контракты. Любой торговец, желающий импортировать товар, может обратиться к брокеру и ввезти товар под «экспортный контракт». Значительная часть брокеров – это этнические тайцы или китайцы, относительно недавно приехавшие из того города, с которым граничит данная территория Мьянмы. Они формируют благодаря своим контактам эффективную бизнес-сеть, способную обслуживать взаимные контракты. Размер вознаграждения, которое взимает брокер, зависит от величины карго (в натуральном и денежном выражении).

Выделяется два типа неформальных игроков: брокеры и «перевозчики» (или контрабандисты). Первые иначе называются «верхним каналом» и вторые – «нижним каналом». «Нижним» каналом следует та продукция, которую либо слишком дорого перевозить «верхним», либо та, которую перевозить запрещено.

Этот случай не является уникальным, подобные схемы трансграничных экономических обменов характерны для индийских и африканских границ и описаны в литературе. Его выбор для иллюстрации в данной работе связан с узнаваемостью в контексте трансграничной российско-китайской торговли [11, 18].

Неформальный оборот товарами в российско-китайской торговле

Также как в случае с мьянмарской торговлей, оценка ненаблюдаемого внешнеторгового оборота в российско-китайской торговле может быть сделана по методу «зеркального баланса» – при сопоставлении данных учета российских и китайских таможенных органов¹ (табл. 1).

Таким образом, в 2003 – 2005 гг. зафиксированный официальной российской статистикой импорт России из Китая не достигал половины экспорта, учтенного в Китае, в 2006 – 2007 гг. покрывал только четыре пятых экспортных поставок страны-партнера.

Помимо традиционной классификации причин расхождений (умышленная нерегистрация товара при пересечении национальной границы; использование двойных счетов-фактур для указания занижен-

¹ Впрочем, значительные несовпадения характерны и для торговли России с Италией, Германией, Турцией, Нидерландами и др. странами [1].

Таблица 1. Ненаблюдаемый оборот в российско-китайской внешней торговле товарами, млн.дол.

Показатель	1992	1997	2001	2004	2008	2009	2010
	<i>по данным КНР</i>						
Экспорт КНР в РФ	2337	2035	2715	9098	33005	17513	29610
Импорт КНР из РФ	3512	4084	7959	12127	23825	21282	25840
Торговый оборот КНР с РФ	5849	6119	10674	21226	56830	38795	55450
<i>По данным РФ</i>							
Экспорт РФ в КНР	2864	3981	5596	10105	21142	16687	20327
Импорт РФ из КНР	1790	1261	1646	4746	34780	22840	39015
Торговый оборот РФ с КНР	4655	5242	7242	14851	55922	39527	59342
(А) превышение данных по экспорту РФ в КНР над данными по импорту КНР из РФ	-648	-103	-2363	-2022	-2683	-4595	-5513
(В) превышение данных по импорту РФ из КНР над данными по экспорту КНР в РФ	-546	-774	-1069	-4352	1775	5327	9405
Превышение данных по торговому обороту	-1194	-877	-3432	-6375	-908	732	3892
Совокупное расхождение (а+в)	1194	877	3432	6374	4458	9922	14918
То же, в %	25,7	16,7	47,4	42,9	8,0	25,1	25,1

Источник: [5, 12, 19].

ного количества товара с целью снижения таможенных платежей; декларация товаров под ложными товарными кодами с целью минимизации ставок таможенных платежей и др.), они могут быть разделены и по территориальному признаку. На те, что характерны для приграничных регионов и соответственно приграничной торговли (и деятельности «челноков»/ «народных торговцев») и те, что характерны для прочих форм международной торговли (в т.ч. возникающих из-за «чартерных» перевозок).

О распространенных моделях экономических обменов в российско-китайской приграничной торговле мы не раз писали [11, 18] и поэтому обратим внимание на другой феномен – практики «чартерных» перевозок.

Отличие чартерных рейсов, отправляющихся из китайских аэропортов, расположенных вблизи промышленных центров, в основном в Москву в том, что применяется «серая схема» прохождения таможи, т.е., когда грузоотправитель осуществляет таможенную очистку всей партии товара, находящуюся на самолете, целиком (декларирует, вносит таможенные платежи, проходит необходимый контроль). С помощью связей с высокопоставленными чиновниками, а также подкупа таможенников высокие таможенные платежи удается сократить, декларируя товар по заниженной стоимости. При этом грузополучателю не выдается официальный документ об уплате всех платежей. Российско-китайская чартерная торговля в действительности является односторонней торговлей, т.е., посредством её осуществляется экспорт КНР в Россию. В процессе осуществления чартерной торговли применяется способ «трансграничных прямых продаж», т.е. грузоотправитель из КНР является одновременно и грузополучателем в России. Переправив товар, фирма реализует его в России оптом или в розницу. За один самолет, перевозящий 50 т. груза, из расчета 3-4 долл. за кг., в соответствии с принципом «комплексной» оплаты перевозки и таможенных платежей выплачивается 150-200 тыс. долл., из которых 70-80 тыс.долл. идет на уплату аренды за самолет, а оставшаяся часть – таможенные платежи и прибыль компании, занимавшейся таможенным оформлением. Данная сумма (таможенные платежи и оплата посреднической компании) составляет лишь 45% от реальной суммы таможенных платежей. Такие посреднические компании ускоряют процесс прохождения таможи [4].

Объем чартерных перевозок оценивался китайскими экспертами в 1,01 млрд.долл. в 2000 г. Эта сумма не учитывалась не только российской, но и китайской статистикой, и следовательно, в начале 2000-х несоответствие данных внешнеторгового оборота было ещё выше оценок, приведенных в *таблице 1*.

Таким образом, «чартерные» рейсы в Москву (в большей степени), а также Екатеринбург, Новосибирск, Санкт-Петербург и «челноки», перевозящие грузы другими транспортными каналами, деятельность которых после 2000-х в основном сконцентрирована в приграничной торговле, ответственны¹ за значительные объемы расхождений в статистическом таможенном учете внешней торговли Китая и России. Российские таможенные органы традиционно не учитывают оба вида внешней торговли. Китайские статданные более точны, так как хотя «чартерная торговля в качестве отдельного вида торговых связей» в статистике не учитывается, после 2000 г. был стандартизирован учет «малой пригра-

¹ Впрочем, следует понимать, что не только эти перевозки или «малые формы торговли» имеют «серый» характер, но и те участники ВЭД, которые ввозят товар по относительно легальным каналам, занижают таможенную стоимость различными способами. См. об этом, например: [2].

ничной торговли», ведущийся до этого по-разному в разных регионах. Впрочем, деятельность «народных торговцев» на открытых рынках как часть приграничной торговли по-прежнему в малой степени поддается учету.

Ситуация с расхождением данных таможенной статистики в российско-китайской торговле хорошо известна как в России, так и в Китае. Тема ненаблюдаемого внешнеторгового оборота не раз становилась предметом межгосударственных дискуссий и Россия «требовала» наведения порядка в этой сфере. В 2008 г. были предприняты кардинальные меры, препятствующие «челночным» практикам ввоза китайских товаров в РФ (это и изменения правил ввоза товаров физическими лицами, и закрытие ряда крупных оптово-розничных рынков, это и постановления о запрете торговли на рынках мигрантов). Поэтому 2008 г. стал знаковым и в смысле «улучшения» статистических показателей – расхождение резко снизилось и составило не более 8%. Но уже в 2009 г., а тем более в последующие годы сложился иной статистический «парадокс»: Россия стала показывать больший импорт, чем Китай – экспорт. В 2009 и 2010 гг. превышение российского импорта над китайским экспортом составило около 25%. Этот парадокс указывает на значительные объемы поступлений китайских товаров с территории стран-посредников¹. Таким образом, решение проблемы недоучета объемов торговли вылилось в формирование новых – и вновь неформальных – глобальных деловых схем.

«Невидимая» торговля услугами

Торговлю услугами иронично определяют как «невидимую», т.к. услуги можно продать, но «нельзя уронить на ногу». Однако «невидимость» взаимной торговли услугами между РФ и КНР связана не только с этой специфической характеристикой услуг как объекта торговли. Дело в том, что в отличие от торговли товарами, где ненаблюдаемая часть торговли оставалась в пределах десятков процентов, ненаблюдаемая часть в торговле услугами составляла десятки тысяч процентов.

Оценка ненаблюдаемого оборота в торговле услугами может быть сделана на основании сопоставления зеркальных статданных двух стран (к сожалению, у нас отсутствуют эти данные), а также путем сопоставления данных отчитавшихся в России организаций с данными платежного баланса, формируемого Банком России².

Табл. 2 – реализация второго метода – дает некоторое, но, как будет показано далее, неполное представление об уровне ненаблюдаемости в торговле услугами с Китаем.

В структуре экспорта и импорта услуг, по данным Росстата, преобладают транспортные услуги (в 2010 г. 77,5% в экспорте услуг в Китай и 53,5% в структуре импорта), на втором месте находятся деловые (более 10% в экспорте и около 20% в импорте), и затем следуют туристские услуги (более 6% в экспорте и 26% в импорте). Россия не экспортирует в Китай строительные услуги, а их импорт – согласно официальным данным Росстата составлял в 2010 г. менее 1% [рассчитано по: 8]. Однако сопоставление статданных двух стран по строительным услугам выявляют весьма значимое расхождение (1000 раз), которое в некоторой степени может объяснить и общее расхождение по данным об объемах предоставления взаимных услуг (*табл. 3*).

¹ В частности, значительно увеличились обороты на рынке «Дордой» в Кыргызстане. См.: [9].

² Банк России выполняет «досчет», учитывающие ненаблюдаемые обороты и по торговле товарами и по торговле услугами.

Таблица 2. Ненаблюдаемый оборот в российско-китайской внешней торговле услугами, млн.долл.

Показатель	Экспорт		Импорт	
	2007	2010	2007	2010
Данные Банка России	748	1 008	1 366	1 362
Данные ФС государственной статистики	375	436	199	197
Расхождение данных	373	572	1 167	1 165
Расхождение данных, раз	2,01	1,76	6,86	6,91

Источник: [1, 8].

Китай показал в 2007 г. 1,1 млрд.дол. экспортированных в Россию строительных (подрядных) услуг, Россия же учла лишь 2,7 млн.долл. импортируемых услуг этого вида из Китая (по данным отчитавшихся строительных организаций) и 6,5 млн.дол. (по данным Банка России). Из этих расчетов, кстати, очевидно, что объемы ненаблюдаемого оборота услугами (представленные в табл. 2) занижены.

Всего об импорте строительных услуг из КНР отчитались в 2007 г. 29 и в 2010 г. – 27 регионов РФ. Среди них – Амурская область, которая импортировала в 2007 г. строительных услуг из КНР на сумму 890,8 тыс. долл. США (*что составило 33% к статданным и 13,7% к данным Банка России*). Вообще импорт строительных услуг территориально приближен к регионам, географически близким к КНР¹, хотя в последние годы наблюдается географическое расширение присутствия в России китайских строительных компаний.

Рассмотрим реконструированную по материалам полевых исследований (неформализованных интервью и наблюдений), проведенных в 2008, деловую схему импорта строительных услуг из Китая в Амурскую область, что позволит нам объяснить значительные расхождения статистических данных.

Причины деформации практик привлечения китайских строительных рабочих. Китайские трудовые мигранты, как известно, заняты в торговле (что отражает «челночные» практики), в сельском и лесном

Таблица 3 Расхождение данных по внешнеторговому обороту строительных услуг, млн.долл.

	2007	2008	2009
Экспорт строительных услуг в РФ, по данным КНР	1100	1400	()
Импорт строительных услуг – всего, по данным Банка России	6,5	8,8	4,5
Импорт строительных услуг из КНР, по данным отчитавшихся предприятий РФ	2,7	()	1,4
<i>Импорт услуг из КНР – всего, по данным Банка России</i>	<i>1366</i>	<i>1594</i>	<i>911</i>

Источник: [7, с. 59, 8, 12]

¹ «Подряды на строительство и трудовые услуги экспортируются в основном на Дальний Восток и в Сибирь». [6, с. 412].

хозяйстве, а также в строительстве. Однако, если торговцы в большей или меньшей степени русский язык выучили, на предприятиях сельского и лесного хозяйства в коммуникациях нет особой потребности – общение между линейными руководителями и рабочими можно свести к нулю, то специфика строительной деятельности вынуждает взаимодействовать бригадиров, начальников участка с рабочими ежедневно¹. Другая сложность, с которой столкнулись строительные организации, использовавшие труд китайских рабочих, это существенные различия в технологиях². Когда российский бригадир требовал переделать работу, грозился не заплатить, то китайский рабочий оказывался уверенным, что его обманывают, т.к. он все сделал в соответствии со своими представлениями о технологических процессах. Поскольку у китайских рабочих обычно не было документально подтвержденной квалификации (большая их часть не училась в специальных учебных заведениях), то варианты этих «представлений» могли варьироваться в очень широких пределах. Приглашая рабочих без квалификационных документов (или точнее – с документами, «оформленными» по требованию приглашающей стороны в соответствии с нормативами), российская строительная фирма несла дополнительные риски. Если приезжали совершенно «не те» (а доучиваться на месте они, как правило, ни в коем случае не хотели – это потеря денег и времени), то нужно было их «высылать» обратно. И нести при этом дополнительные расходы. Также, строительные компании несли дополнительные затраты, связанные с повседневным обеспечением трудовых мигрантов – нанимала поваров, арендовала (или оборудовала) жилье и т.д.

Деловая схема «параллельного» бизнеса. Экономически оправданным решением всех этих проблем стала следующая схема бизнеса, в которой параллельно сосуществуют российская и китайская строительная фирма.

Российская строительная компания заключает *неформальное* соглашение с китайской компанией о привлечении её в качестве субподрядчика и *формальное* об использовании труда китайских рабочих. На основании формально заключенных соглашений, российская компания оформляет миграционные документы, обеспечивая легализацию труда, принимает рабочих на временную работу и оплачивает их труд по единым для российских и китайских рабочих нормативам. На российской компании остается организационное, юридическое и финансовое сопровождение строительных работ, но непосредственно строительство (всего объекта или отдельных строительных работ) выполняется по *неформальному* соглашению китайской компанией. На объектах присутствуют представители российской фирмы, контактирующие только с одним представителем китайской компании («посредником»), который гарантирует выполнение работы заданного объема и качества – о чем ежедневно составляются и подписываются протоколы, которые по сути не имеют юридической силы, т.к. являются частью *неформального* соглашения. Прибыль российской компании формируется из официальных доходов от продажи квартир (или выполнения строительных работ) и фактически понесенных затрат. Но, выплачивая заработную плату и

¹ «А как нам с ними разговаривать?... Переводчики это дорого, а сколько их надо – около каждого рабочего приставить?!» (Материалы интервью, лето, 2008. Руководитель, строительство).

² «У них же технологии совсем другие, да и на качество им наплевать... Например штукатуричики. Мы сначала покрываем раствором поверхность кладки, а только потом начинаем штукатурить. Не происходит «бухтения». Они так не делают, а нам потом объект сдавать» (Материалы интервью, лето, 2008. Руководитель, строительство).

являясь работодателем, российская строительная фирма фактически не может управлять своим китайским персоналом. Поскольку персонал пребывает в полной уверенности, что их наняла китайская строительная компания.

Китайский «посредник» (представляющий интересы китайской строительной фирмы) нанимает китайских рабочих, несет полную ответственность за качество работы, за проживание, питание и безопасность рабочих, получает от российской компании официально начисленную заработную плату по доверенности, подписанной китайскими рабочими, переводит эту заработную плату на счет своей компании в Китае. Реальная заработная плата китайских рабочих существенно ниже той, что они получают по указанной доверенности, что и формирует доход китайской компании и «посредника». Если ввезено избыточное количество рабочих (либо на какой-то момент времени рабочие не обеспечены объемом работ), то китайский «посредник» находит работы «на стороне»¹, для чего, как правило, оформляется небольшая российская строительная компания на подставное лицо. Таким образом, доход китайской фирмы складывается из двух составляющих: (а) разницы между суммой официальной заработной платы рабочих, полученной китайским «посредником» по доверенности и суммой реально выплаченной заработной платы; (б) суммы дохода, полученного от выполнения работ «на стороне». По оценкам экспертов, заработная плата китайских рабочих (при 12-часовом рабочем дне 6 дней в неделю) составляла в 2008 г. около 45 тыс.руб. Реально полученный ими доход не превышал 4 тыс.ю. (15 тыс.руб.). Если использовался труд 200 мигрантов, то китайская компания только по одной составляющей дохода «экспортировала» не учтенного в виде «импорта» в России около 6 млн.руб. в месяц.

Почему китайские рабочие соглашались отдавать две трети своих доходов? Заинтересованы ли они в том, чтобы работать на российскую фирму напрямую, без посредника, увеличив уровень своего дохода? И российские и китайские опрошенные эксперты согласны, что китайская фирма эффективно защищает экономические и социальные интересы трудовых мигрантов и поэтому для них сложившаяся схема бизнеса удобна² и экономически оправдана. В провинции Хэйлуцзян, граничащей с Амурской областью, средняя заработная плата в строительстве согласно официальным статданным в 2006 году составляла 1,1 тыс.ю./мес. [14]. Даже если к году проведения наших полевых исследований она значительно выросла, предположим, до 2 тыс.ю., то вахтовая работа в Благовещенске для китайского рабочего оказывалась в два раза более выгодной, чем работа на родине. Важно, что в провинции Хэйлуцзян по-прежнему высока доля безработных среди низкоквалифицированных

¹ «Въезжают 200, но реально работают 150, к примеру. Остальные въехавшие работают где угодно. Мы этого не знаем и не можем проконтролировать. Хотя и должны» (Материалы интервью, лето, 2008. Руководитель, строительство). «Мы все делаем – и ремонтируем квартиры, и за городом строим, и ремонт складов вот делали недавно, магазин в деревне построили. Главное – чтобы материалы были. Чтобы всегда работали» (Материалы интервью, лето, 2008. Посредник, гражданин КНР, строительство).

² «Вообще они приезжают группами и тем самым защищают свои права. Какая гарантия, что если он придет один, то его не будут заставлять работать много, а платить мало? Если мы Начнём заставлять одного – это одно дело. А если их группа – они возьмут палки...». (Материалы интервью, лето, 2008. Руководитель, производство). «Мы защищаем интересы наших рабочих. Нам не нужны дешевые работы. Они (российская фирма – НР) все равно русским больше платят» (Материалы интервью, лето, 2008. Посредник, гражданин КНР, строительство). «Они (рабочие – НР) боятся. Боятся милиции. Паспорта все у меня. У них копии. Если милиция проверит, никто по-русски не разговаривает из них. Потом мне искать. Я не боюсь милиции. У нас с документами все нормально» (Материалы интервью, лето, 2008. Посредник, гражданин КНР, строительство).

рабочих, которые и составляют основную массу занятых в описываемом бизнесе работников. Привлекательность вахтового метода, а тем более описанная схема бизнеса будет существовать до тех пор, пока существует значительный разрыв между уровнем заработной платы в Амурской области и провинции Хэйлунцзян. Можно ожидать, что в долгосрочном периоде будет происходить постепенное выравнивание стоимости труда: в 1996 году в Хэйхэ (приграничный город в провинции Хэйлунцзян) заработная плата составляла 4,0 тыс.ю./год, в 2006 – 13,3 тыс.ю./год в сопоставимых ценах [14], то есть, заработная плата выросла за этот период в 3,3 раза. За то же время заработная плата в Благовещёнке (областной центр Амурской области, расположенный напротив Хэйхэ) увеличилась только в 2 раза (в сопоставимых ценах).

Почему китайская строительная фирма не занимается строительством самостоятельно? Почему участвует в таких схемах? Из-за склонности нарушать законодательство? И получать меньшую прибыль? Ведь, фактически, в описанной схеме она получают долю от заработной платы, обеспечивая трудоустройство одних и потребность в трудовых ресурсах других. Ответ китайского посредника состоял в том, что существующие барьеры, отсутствие налаженных связей в органах, занимающихся лицензированием, выдачей разрешений и т.д., не позволяют ему и китайской компании, чьи интересы он представляет, действовать самостоятельно.

Заключение

Таким образом, интеграционные процессы в сфере торговли товарами и услугами между Россией и Китаем включают значительную неформальную (ненаблюдаемую российской статистикой) составляющую. Важнейшими причинами развития неформальной экономики во всем мире являются жесткие административные барьеры, чрезмерное давление государства на экономических агентов [10]. Граница между Россией и Китаем является одной из самых труднопреодолимых для легальных потоков людей, товаров, услуг и инвестиций в мире [17]. В этом она похожа на границы африканского континента или границы той же Мьянмы, т.е., стран с максимальным уровнем неформальной экономики при слабых, не развитых (или отсутствующих) рыночных институтах.

Литература

1. Банк России, статистические материалы. URL: <http://www.cbr.ru> [Дата обращения – май 2011].
2. Барсукова С.Ю. Три составных части контрафакта: подделки, серый импорт и имитаторы // Вопросы статистики. 2008. № 10. С. 49-56.
3. Вестник Банка России, 2009. № 48-49. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikCBR/2009/VestnikCBR2009_index.htm [Дата обращения – май 2011].
4. Деловой Китай. Тома 6-7. Спецвыпуск: Экономика и связи с Россией в 2000-04гг. Справочники Полпред. Совместно с журналом «Коринф» Минэкономразвития РФ. Совет послов. Ассоциация поддержки инвестиций и торговли. М., 2004 (со ссылкой на «Гоцзи маоп», 2003. №2).

5. Деловой Китай. Том 50. Справочники Полпред. Совет ветеранов МИД РФ. М., 2010.
6. Деловой Китай. Тома 24-25. Экономика и связи с Россией в 2000-07 гг. Справочники Полпред. Совет ветеранов МИД РФ. М., 2007.
7. Деловой Китай. Том 47. Экономика и связи с Россией в 2008-09 гг. Справочники Полпред. Совет ветеранов МИД РФ. М., 2009.
8. Единый архив экономических и социологических данных URL: <http://sophist.hse.ru/hse/arh.dll> [Дата обращения – май-июнь 2011].
9. Попов И. Последняя пристань челнока // Forbes. 2011. 8 июля. URL: <http://www.forbes.ru/> [Дата обращения – июль 2011].
10. Портес А. Неформальная экономика и её парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т.4. №5. С.34-53.
11. Рыжова Н. Трансграничный рынок в Благовещёнке: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология. 2003. Т. 4. №5. С.54-71.
12. Федеральная служба государственной статистики, Центральная База статистических данных URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi#1> [Дата обращения – апрель-июнь 2011].
13. Aung W.S. The Role of Informal Cross-border Trade in Myanmar // Institute for Security and Development Policy of Sweden, 2009. URL: http://asiadevelopment.org/index.php?option=com_content&view=article&id=113&Itemid=72 [Дата обращения – апрель 2011].
14. Heilongjiang Statistical Yearbook, 2006. URL: <http://www.chinadatacenter.org> [Дата обращения – январь 2009].
15. Kerr D. Greater China and East Asian Integration: Regionalism and Rivalry // East Asia: an International Quarterly. 2004. Vol.21. №1. P.75-92.
16. Peng D. Invisible Linkages: A regional perspective of East Asian political economy // International Studies Quarterly. 2002. № 46. P.423-447.
17. Reshaping Economic Geography. World development report. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2009. URL: <http://www.worldbank.org> [Дата обращения – апрель 2011].
18. Ryzhova N. Informal economy of translocations. The case of the twin city of Blagoveshensk-Heihe // Inner Asia. 2008. Vol. 10. № 2. P.323-351.
19. United Nations comtrade database. URL: <http://comtrade.un.org/> [Дата обращения – январь 2009].
20. Urata S. The Shift from «Market-led» to «Institution-led». Regional Economic Integration in East Asia in the late 1990s. The Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). Discussion Paper. 2004.

Трансграничные миграции: вызовы и возможности для Приморского края

Cross-border Migration: Challenges and Opportunities for Primorskiy Territory

В статье даётся обзор миграционной политики в Приморском крае за последние двадцать лет на фоне развития трансграничных миграций. Утверждается, что государственное регулирование международной миграции не соответствовало вызовам времени, степень её влияния на международные связи переживала подъёмы и спады, а процессы сосуществования местных жителей с иностранной рабочей силой пока не достигли высокой степени взаимопонимания. Предполагается, что интеграционные возможности России и Приморья со странами Северо-Восточной Азии за счёт трансграничных миграций в ближайшие годы могут возрастать.

Ключевые слова: *Приморский край, миграционная политика, иностранная рабочая сила, китайские мигранты, интеграционные возможности*

The review of current migration policy in Primorskiy krai is the main issue of this article. During the last twenty years the task of interacting economically, culturally and in all facets of security confronts every society. The human flows in Primorye present both opportunities and challenges. The increase of foreign labor would be a good opportunity for Russia and Primorye integration with Northeast countries.

Key words: *Primorskiy krai, migration policy, foreign labor, Chinese migrants, integration issues*

Под влиянием глобализации наблюдается определённая трансформация миграционных процессов, которые приобретают новые черты, усиливают своё влияние на все сферы общественной жизни. С одной стороны, товары, капиталы, люди, информация и услуги перемещаются с возрастающей скоростью и лёгкостью. С другой – за последние двадцать лет многие государства, в том числе и Россия, стали испытывать увеличивающееся иммиграционное давление. Эти явления обуславливают необходимость для принимающих стран совершенствовать миграционную политику. Миграция по существу является проблемой, решение которой требует согласованного сотрудничества между государствами на субрегиональном, региональном и глобальном уровнях.

Перспективы социально-экономического, демографического и по-

литического развития Приморского края в значительной степени предопределяются развитием миграционных процессов в нашей стране. В данной статье делается попытка анализа миграционной ситуации и роли трансграничных миграций как возможности для укрепления интеграционных связей России и Приморья со странами Северо-Восточной Азии (СВА).

Мобильность людских ресурсов в СВА в последние годы увеличивается и приобретает более сложный характер, порождая беспокойство общественности в связи с проявлениями международного терроризма, национального экстремизма. Например, в конце XX века на российском Дальнем Востоке можно было говорить о возрождении лозунга «китайской угрозы».

Следует обратить внимание на то, что в последние несколько лет Приморский край не становится привлекательным в миграционном отношении для русского населения из ближнего зарубежья, несмотря на государственную программу переселения соотечественников. А количество иностранной рабочей силы из стран СВА постепенно уменьшается. Основным иммиграционным ресурсом становится приток рабочих из Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана.

Демографическое влияние на миграционные процессы в России затрагивает аспект национальной безопасности страны. Страна должна иметь такое по численности и структуре население, которое соответствовало бы её геополитическим целям: территориальная целостность, охрана границ, определённая степень заселённости территорий, поддержание оборонного потенциала, обеспечение экономики трудовыми ресурсами и др.

В процессе изучения политических аспектов международной миграции можно выделить три основных сюжета. Первый касается определения государством правил въезда и выезда, степени контроля государственных границ, Второй – воздействие миграции на развитие международных отношений, степень влияния международной миграции на суверенитет и национальную безопасность. И третий сюжет связан с проблематикой инкорпорации мигрантов в общество и экономику, их адаптации, взаимоотношений социального статуса и гражданства.

Попытки системного осмысления миграционных проблем на региональном уровне представлены в работах отечественных и зарубежных авторов. Отдельную группу составляют исследования проблемы миграции в контексте нетрадиционной безопасности. Альтернативой этому подходу является конспирологическая точка зрения, которая рассматривает мигрантов как своего рода оружие в руках врагов, «пятую колонну», которая сознательно направляется враждебными силами извне и в перспективе будет использована для дестабилизации ситуации в стране или отторжения от неё каких-либо территорий. Данная точка зрения подразумевает отказ от проведения серьёзных исследований и подменяет категорической убеждённостью в своей правоте желание всесторонне разобраться в ситуации. Конспирологическая теория является основой публикаций ряда исследователей [4; 11; 14].

В контексте нетрадиционной безопасности проблемы миграции рассматриваются по-разному. Государствоцентричный подход предполагает выдвижение на первый план интересов государства, которые чаще всего формулируются правящими кругами и носят, в основном, ограничительный характер (пресечение нелегальной и нежелательной миграции, регулирование миграционных потоков, контроль над рынками труда и т.п.). Такой подход фактически недружелюбен к трансграничным перемещениям и мигрантам и не ориентирован на развитие трансграничного сотрудничества.

В рамках социетальной безопасности за точку отсчёта берутся, преимущественно, интересы принимающего общества. Миграция же рассматривается, прежде всего, как источник проблем, связанных с конфликтами между мигрантами и местным населением, маргинальным положением приезжих (например, преступность, болезни и пр.). Основное внимание при таком подходе сосредоточено на регулировании миграции и проблемах и практиках адаптации мигрантов в принимающем обществе. Примером перехода от изучения миграционных потоков на уровне всей страны к изучению регионального и «человеческого» измерения к анализу формирующихся практик взаимной экономической, социальной и культурной адаптации мигрантов и принимающего общества является коллективная работа «Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации» [15].

Концепция человеческой безопасности или безопасности индивида сконцентрирована, преимущественно, на тех проблемах, которые испытывают мигранты. Речь идёт об угрозах их личной безопасности (этнических конфликтах, политических репрессиях и т.п.) и лишениях, которые побуждают их мигрировать, аналогичных угрозах, которые подстерегают их на новом месте (плохие жилищные условия, неблагоприятные условия труда, бесправие в отношениях с государственными органами, нападения экстремистов и т.п.). При таком подходе в тени часто оказываются уже интересы государства и принимающего общества даже в тех случаях, когда миграция объективно создаёт для них серьёзные проблемы (например, рост преступности, этнические конфликты). Вместе с тем, плюсом такого подхода к исследованию миграции в контексте безопасности является охват проблем эмиграции, пересечения границы и адаптации, а также взгляд на миграцию со стороны самих мигрантов. Этот подход позволил авторам коллективной работы «Региональное измерение трансграничной миграции в Россию» скорректировать стереотипные установки, часто возникающие при изучении процесса с позиций исключительно принимающего общества или государства [11].

В коллективном труде «Миграция и безопасность в России» представлен анализ соотношения проблем национальной безопасности и миграционных процессов, в частности глава 5 посвящена анализу китайской миграции [6, с.188-226]. О двух подходах к демографической безопасности – инструментальном и ценностном, пишет А.Г. Вишневский [3, с.217, 211].

Опыт двадцати последних лет показал, что Россия стала полюсом притяжения мигрантов не только из бывших союзных республик, но из Китая, Афганистана, Вьетнама. В настоящее время пришло осознание суровой демографической реальности, которое вынуждает руководство страны переходить к более либеральной, чем прежде, миграционной политике. Возможно, в будущем российские власти вообще примут иммиграционную модель формирования населения. По мнению В.И. Мукомеля, «Миграция может явиться и важнейшим источником восполнения потерь населения России в трудоспособных возрастах, поддержания потенциала экономического развития; ...» [8, с. 5]. Процессы интернационализации региональной экономической, общественной и политической повестки дня делают трансграничные интеграционные процессы важнейшим фактором в эволюции российской федеративной системы.

Джеймс Холлифилд отмечает, что в американской политологии международных отношений изучению темы международных миграций до последних лет не уделялось большого внимания [19, p. 18[3]. Может быть потому, что в конце XX века всего около 125 миллионов человек, согласно прогнозам Международной организации по миграции, проживало за пределами страны происхождения [19, p. 185].

В предисловии к книге «Переход национальных границ. Человеческие миграционные проблемы в Северо-Восточной Азии» редакторы Цунео Акаха и Анна Васильева отмечают, что исследований по миграционным проблемам Северо-Восточной Азии пока очень мало [20, р. xiv]. Эта книга является результатом совместной работы американских, китайских, британских, японских, южнокорейских и российских учёных. Особый интерес представляет глава, посвящённая особенностям пребывания российских граждан в Ниигате и на Хоккайдо [20, р. 95-119].

Важнейшим условием формирования эффективной миграционной политики России является установление тесного взаимодействия между наукой и практикой, плодотворное использование результатов исследований в процессе принятия решений. Однако исследования миграции и миграционная политика по-прежнему развиваются довольно изолированно друг от друга, что мешает объединить потенциалы и преодолеть недостатки, присущие типичным научным исследованиям и практическим подходам представителей власти.

Важным вкладом исследователей в оптимизацию миграционной политики могло бы стать изучение самих мигрантов с их социальными характеристиками, интересами и другими особенностями. Это позволило бы скорректировать государствоцентричное видение проблемы и учесть спектр её оценок теми людьми, которые чаще всего рассматриваются лишь в качестве её пассивных объектов. Подобные исследования, как правило, основанные на социологических опросах, интервьюировании и наблюдении являются весьма трудоёмкими и дорогостоящими. Примерами такого подхода являются публикации сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН [2; 4].

Многие трудности, с которыми приходится сталкиваться приморским властям на современном этапе, обусловлены противоречиями, существующими между региональными и федеральными властями, в определении стратегических целей развития. Для федерального правительства основными приоритетами по-прежнему остаются геополитические цели. Уровень социально-экономического развития Приморского края остаётся низким по сравнению со странами СВА. Хотя за последние годы власти занялись стратегическим планированием. В Приморском крае принята стратегия социально-экономического развития до 2025 г., которая является частью административной вертикали. Подготовка Владивостока к проведению саммита АТЭС в сентябре 2012 г. входит в подпрограмму «Развитие г. Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Эта подпрограмма входит в программу «Развитие Дальнего Востока, Забайкалья и Читинской области до 2013 г.».

В основе этой стратегии находятся три части: понимание необходимости масштабного государственного участия в социально-экономическом развитии региона; вера в силу создания соответствующей инфраструктуры, которая позволит поднять приморскую экономику; убеждённость в позитивных последствиях для национальной экономики международной интеграции.

Идея превратить Владивосток в крупный мегаполис – экономический и культурный символ присутствия России в АТР сама по себе не новая. В начале XX века были предпосылки такого направления развития. В начале 1960-х годов эта идея была облечена в призыв Н.С. Хрущёва сделать Владивосток «вторым Сан-Франциско». Согласно постановлению советского правительства, в последующие годы был построен город – один из самых больших на Дальнем Востоке страны. В конце 1980-х годов Владивосток должен был стать форпостом экономического присут-

ствия СССР в АТР, символического «тихоокеанского лица» страны. Можно предположить, что идея создания федерального университета, как одного из инструментов интеграции, имеет исторические корни.

Таким образом, актуальность интеграции не исчезает, несмотря на неспособность государства превратить это в реальность. В основе интеграционной политики могут быть различные стимулы, например, создание положительного образа для потенциальных инвесторов через либеральную миграционную политику.

Миграционный отток и старение населения в Приморском крае привели к дефициту рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве и строительстве. За период с 1989 г. население Приморского края уменьшилось примерно на 300 тысяч человек. Как пишет Е.Л. Мотрич: «Практически с 1991 г. отсутствуют позитивные моменты в формировании населения на всех территориях Дальнего Востока как за счёт миграции, так и естественного воспроизводства;...» [7, с. 107].

В соответствии с Постановлением администрации Приморского края «О порядке привлечения предпрятиями, организациями, учреждениями края иностранной рабочей силой» начиная с 1992 г. на стройках и сельском хозяйстве стали трудиться китайские рабочие, которые приезжали из провинций Хэйлунцзян и Цзилинь. Приморье продолжает сохранять лидерство по числу китайских рабочих по сравнению с другими территориями российского Дальнего Востока.

Численность иностранных граждан, работавших в Приморье в 1990-е годы, колебалась в пределах 10 тысяч человек в год, а граждан КНР – около 7 тысяч [9, с. 46]. В последние десять лет эти цифры выросли до примерно 30 тысяч, граждан КНР – около 16 тысяч человек [10, с. 68]. Из стран Центральной Азии количество рабочих увеличивается, но точных цифр пока нет в силу существующей системы безвизового въезда в РФ. Имеются данные, что на строительстве ДВФУ на о. Русском летом 2011 г. было зарегистрировано около 8 тысяч граждан Узбекистана.

После подписания в декабре 1992 г. межправительственного соглашения о безвизовом туризме граница между Приморским краем и китайскими провинциями оказалась практически открытой, выросло число пограничных переходов. Благодаря этому соглашению гражданам обеих стран для пересечения границы необходимо было находиться в составе группы с руководителем, у которого имелся список, служивший основанием для заграничной поездки. Именно тогда появилась «челночная торговля», занятие которой позволило бедным жителям Приморья обеспечивать себя и свои семьи в условиях товарного дефицита и роста безработицы.

В первой половине 1990-х годов подавляющая часть «китайских туристов» были нарушителями российского законодательства. Многие руководители приморских предприятий и даже муниципальных образований использовали труд китайских граждан, у которых не было права на работу в России. Отсутствие необходимых документов позволяло предпринимателям избегать дополнительных затрат на обеспечение комфортного жилья, выплату налогов и т.д.

Правительство России стало постепенно вводить дополнительные меры по контролю иммиграции. В декабре 1993 г. появился президентский указ «О мерах по введению иммиграционного контроля», а спустя год – постановление правительства «Об утверждении положения об иммиграционном контроле» и «О мерах по предупреждению неконтролируемой внешней миграции». Более того, на уровне краевых властей были предприняты соответствующие меры. В апреле 1994 г. губернатор Приморского края Е.И. Наздратенко подписал постановление «О мерах по урегулированию пребывания граждан КНР на территории края». В нём

определялись правила оформления туристических групп, содержались предписания о проведении рейдов по выявлению и выдворению нелегальных мигрантов. В августе 1994 г. было принято Соглашение по приграничному туризму между Приморским краем и провинцией Хэйлунцзян, которое также предполагало контроль выполнения туристическими компаниями законов. В ноябре 1995 г. было принято постановление «О правилах пребывания иностранных граждан в Приморском крае», в котором ограничивались сроки пребывания иностранных туристов до нескольких дней.

В газетах стали печататься статьи, авторы которых писали о «китайской экспансии» и возможной дезинтеграции страны в условиях отсутствия последовательной государственной политики по укреплению позиций России в АТР. Например, статья под заголовком «Великий брат к нам тянет руки. Китайская экспансия в Приморском крае», опубликованная в газете «Владивосток», была типичным примером обличения китайских планов переселения «избыточного населения северо-восточных провинций в Приморский край» [17]. Авторы книги о нелегальной китайской миграции Л.Л. Рыбаковский и О.Д. Захарова, В.В. Миндогулов утверждали, что Китай стимулирует проникновение своих граждан на российскую территорию. А главной целью китайского проникновения в Россию является интеграция в хозяйственную деятельность и создание экономических и правовых предпосылок для легального захвата территории... [12, с. 35-36].

На протяжении последних лет наблюдается ужесточение миграционной политики России. В октябре 2001 г. Министерство национальной и миграционной политики было упразднено, а функция миграционного контроля перешла к Министерству внутренних дел (МВД). В феврале 2002 г. президентским указом при МВД была создана Федеральная миграционная служба (ФМС). В июне 2002 г. был принят закон «О правовом положении иностранных граждан». В соответствии с ним иностранцев обязали при въезде в Россию получать миграционные карты, было введено квотирование иностранной рабочей силы правительством на основании заявок от субъектов федерации. В ноябре 2006 г. после поручения президента В. В. Путина «защитить коренное население страны» правительство приняло постановление «Об установлении допустимой доли иностранных работников в сфере розничной торговли». Согласно документу, на рынках с 1 апреля 2007 г. был введён полный запрет на работу продавцов-мигрантов.

Выполнение этого постановления произошло без учёта региональных особенностей. Запрет на торговлю не привёл к сокращению численности китайцев, так как работодатели переоформили трудовые договоры. Большая часть китайских торговцев стала работать продавцами в торговых центрах, часть на предприятиях оптовой торговли, а остальные на других должностях. В Приморье, в результате закрытия «китайских рядов» на рынках произошло повышение цен на товары для бедных слоёв населения. Наряду с ограничениями «челночной» торговли, в которой участвовали небогатые местные жители, в конечном счёте, действия федеральных властей оказывают негативное влияние на развитие малого предпринимательства на местах. При этом на межгосударственном уровне проводились мероприятия по празднованию Года Китая в России и соответственно Года России в Китае.

Стоит отметить, что миграционные сюжеты оказывали прямое воздействие на международные связи России. Антикитайская риторика сопровождала выполнение мероприятий по выполнению Соглашения 1991 г. между СССР и КНР. В рамках демаркации российско-китайской границы планировалась передача 1500 га земель в Ханкайском, Хасанском

и Уссурийском районах Приморского края. Краевые власти по главе с губернатором Е. И. Наздратенко при поддержке местных СМИ проводили кампанию против выполнения этих планов. В феврале 1995 г. депутаты краевой Думы одобрили постановление «О недопустимости нарушения территориальной целостности Российской Федерации в Приморском крае в ходе демаркации российско-китайской границы» [2, с. 66-67].

Губернатор Наздратенко выступал за «справедливую демаркацию» российско-китайской границы в Приморском крае, пытаясь добиться политических уступок от федерального правительства [16, с.128]. В Государственной Думе РФ были организованы специальные слушания по этому поводу, губернатор Наздратенко обсуждал эту тему с президентом РФ Б.Н. Ельциным и министром иностранных дел Е.М. Примаковым. В конце концов, в ноябре 1997 г. во время визита президента Б.Н. Ельцина в КНР было подписано российско-китайское заявление о завершении демаркации.

Попытки использовать миграционные сюжеты для достижения самостоятельности на региональном уровне не увенчались успехом. Взаимовыгодное развитие российско-китайских отношений оказалось главным приоритетом государственной политики.

Несмотря на то, что восстановление приграничной торговли с Китаем произошло в 1982 г., формирование приграничного сотрудничества до сих пор не принесло положительных изменений в структуру Приморского края. Во многом это можно объяснить сохранением традиционной модели, которая основана на обслуживании внешнеэкономических связей и развития приграничной торговли, движущей силой которой являются различия в уровне и соотношении цен на товары потребительского и производственного назначения в соседних странах.

До сих пор в Приморье не было осуществлено ни одного крупного проекта с участием китайских инвестиций. В январе 2004 г. было подписано инвестиционное соглашение между народным правительством г. Суйфэньхэ, корпорацией «Шанхай Шимао» о строительстве приграничного торгово-экономического комплекса (ПТЭК) «Пограничный – Суйфэньхэ». Строительство и развитие российских и китайских участков ПТЭК предполагало создание единой зоны, при этом, на территории российского участка комплекса предполагалось действие законов РФ, а на территории китайского участка – законов КНР.

С российской стороны было образовано ЗАО «Информационно-аналитическое агентство Приморье». По мнению его директора В.А. Стегния, «проект может стать совместным проектом государства и бизнеса, осуществляемым в рамках частного государственного партнёрства на основе взаимной ответственности и взаимного интереса» [13, с. 9]. Однако до сих пор построенный китайской стороной торгово-промышленный комплекс не получил эффективного развития.

Уникальность современной миграционной ситуации для России состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов и устойчивой динамике этого процесса, а в возрастающей роли этого фактора в экономической, этнокультурной, социальной, политической, возможно и геополитической сферах. Россия превращается в страну мигрантов, что может оказаться радикальным поворотом в формировании нового общества.

Современные масштабы эмиграционных потоков свидетельствуют, что основной причиной являются экономические факторы. Отток за рубеж на постоянное жительство наиболее образованной части российского населения происходит с целью трудоустройства. Другой социальной проблемой для государства является качественное изменение этнокультурной среды принимающих регионов. Увеличение притока в страну

мигрантов с низким уровнем образования, соответственно и низкой культурой превращается в социальную проблему. Малообразованные мигранты наводняют российские города, шокируют своим поведением местное население, снижают культурный уровень, порождают нестабильность.

На базе неэффективной правовой системы оформления трудовых мигрантов формируются мафиозные сети в области найма, которые вовлекают в преступную деятельность чиновников и огромные массы трудовых мигрантов, тем самым, пополняя нелегальную миграцию.

На современном этапе развития государства концептуальной задачей является демократизация политического управления миграционными процессами, которая предполагает более активное привлечение гражданского общества и академического сообщества к решению проблем миграции. Тесное взаимодействие государства с ними могло бы эффективно решать проблемы миграции.

Если развитие российского Дальнего Востока обусловлено геополитическими целями, то политика федерального правительства должна быть направлена на сохранение региона как кладовой природных ресурсов. Но претворение такой политики на практике стоит огромных финансовых затрат. У правительства есть средства, но опасения, связанные с угрозой неэффективного использования при участии региональных элит, кажутся оправданными. Планомерная подготовка и успешное проведение саммита во Владивостоке вряд ли станет адекватным решением существующих проблем. Скорее актуализацией таковых. И после саммита придётся продолжить осваивать созданную инфраструктуру при условии веры и поддержки местного населения и роста численности международных мигрантов.

Литература

1. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королёва В.А, Дудченко Г. Б, Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток ДВО РАН, 2002. 228 с.
2. Ведомости Думы Приморского края. Владивосток. 1995. № 2.
3. Вишневецкий А.Г. Русский или прусский? Размышления переходного времени. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2005. 384 с.
4. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.
5. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. (80-е годы XX – начало XXI в.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.
6. Миграции и безопасность в России. Под ред. Г. Витковской и С. Панарина. Моск. Центр Карнеги. М., Интердиалект+, 2000. 341 с.
7. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2006. 224 с.
8. Мукомель В.И. Миграционная политика России: Постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005. 351 с.
9. Приморский край. 2001 году. Статистический сборник. Владивосток: Примкрайстат. 2002. 268 с.
10. Приморский край. Социально-экономические показатели. Статистический ежегодник. . Владивосток: Приморскстат, 2010. 315 с.

11. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию. Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект-Пресс, 2008. 351 с.
12. Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогулов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М., 1994.
13. Стегний В.А. «Пограничный-Суйфэньхэ» – новый инструмент внешнеторгового регулирования. //Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2005. № 1-2. С. 6-12
14. Ткаченко Б.Н. Россия – Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1999. 376 с.
15. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.
16. Троякова Т.Г. Приморские «игры» // Россия и АТР. № 3. С.121-130
17. Щербаков В. Великий брат к нам тянет руки. //Владивосток. 1993. 1 сентября.
18. Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia. Eds. Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva. United Nations University Press. Tokyo, New York, Paris, 2005. 254 p.
19. Migration Theory. Talking across Disciplines. Ed. by Caroline И. Brettel and James F. Hollifield. New York, Routledge, 2007. 296 p.

УДК 327

Дмитриева М.О.

Сравнительный анализ урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой

Comparative analysis of delimitation of Russian-Kazakh and Russian-Chinese borders

В статье анализируются процессы демаркации границ РФ с Республикой Казахстан и КНР. Определены обстоятельства, благодаря которым Россия завершила демаркацию границы с Китаем в 1990-е годы, а с Казахстаном только в 2005 г. Проведённая работа позволила сделать вывод, что решение пограничного вопроса способствовало дальнейшему развитию отношений между странами, итогом чего стало установление стратегического партнёрства между ними.

Ключевые слова: пограничные вопросы, Россия, Казахстан, Китай, Таможенный союз, ШОС, стратегическое партнёрство

The article analyses the process of demarcation of Russian-Kazakh and Russian-Chinese borders. The author defines the circumstances that led to demarcation of Russian-Chinese border in 1990-th and Russian-Kazakh border only in 2005. The settlement of border issues did much to promote the development of relations between the states and results in strategic cooperation.

Key words: border issues, Russia, Kazakhstan, China, Customs union, SCO, strategic cooperation

В условиях расширения глобализации границы по-прежнему остаются основами нерушимости территориальной целостности государства и условием его развития и существования. Границы продолжают формировать систему международных норм и институтов, которые позволяют сосуществовать и сотрудничать различным государствам.

Для современной России, имеющей громадный пограничный периметр, проблематика приграничного взаимодействия не теряет актуальности. Процесс определения границ продолжается на протяжении многих лет. Необходимость дальнейшего совершенствования порядка пересечения государственной границы и повышение эффективности экономических и организационных основ выразилась в подписании в мае 2011 г. президентом РФ Д.А. Медведевым Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О Государствен-

ДМИТРИЕВА Марина Олеговна, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: marinad5@mail.ru

ной границе Российской Федерации» [10].

С образованием Российской Федерации начался процесс определения границ со странами СНГ. Не менее важным делом было урегулирование границы с КНР, которое началось с подписания и ратификации пограничного соглашения в 1991 г.

С годами полемика по вопросам истории формирования границы постепенно вышла из сферы межгосударственных отношений РФ и КНР. А пограничные вопросы стали объектом научного анализа и многочисленных публикаций [1; 7; 13; 15]. Немалое внимание уделено и процессу урегулирования данного вопроса между РФ и Республикой Казахстан (РК) [4; 8; 12] – главным стратегическим партнёром России в Центральной Азии.

В данной статье анализируются процессы демаркации границ РФ с КНР и РК. Эта тема представляется актуальной в силу целого ряда факторов. Именно с этими странами у России самая протяжённая граница – с Казахстаном 7600 км, а с КНР 4300 км. После распада Советского Союза сложилась новая геополитическая ситуация, которая потребовала оформления ранее не существовавшей границы между Казахстаном и Китаем. Сюда же относится и желание трёх стран обеспечить национальную безопасность в условиях наращивания конфликтного потенциала региона. Следуя логике развития современного миропорядка, экономические факторы сыграли большую роль в развитии межгосударственных отношений, вытесняя порой, политические и социально-культурные.

После того, как Советский Союз распался, появились новые национально-государственные образования, которые стали обретать черты реальной государственности, которой на деле они прежде никогда не обладали. Как отмечают специалисты по проблеме территориального урегулирования в Центральной Азии: «Масштабный процесс, охвативший всё постсоветское пространство, привёл к тому, что десятки тысяч административных границ, некогда единого государства, были декларированы как государственные» [24].

Появление стран СНГ на мировой политической арене в качестве самостоятельных субъектов, резко активизировали существовавшие, и вызвали множество новых территориально-этнических претензий и конфликтов.

В течение некоторого времени постсоветское пространство становилось «более дифференцированным, контрастным и конфликтным, бедным, и одновременно менее безопасным» [3, с.115]. В виду определённых политических, экономических, социальных, этнических процессов оно довольно быстро утратило былое единство. А Центральная Азия превратилась в один из опасных в силу потенциальной угрозы возникновения территориальных конфликтов регион.

Советские республики тогда ещё Средней Азии – Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР – были созданы в 1920-1930 гг. в результате национально-территориального государственного размежевания. Границы между ними носили условный характер и не учитывали историко-культурных особенностей населения. В результате такого размежевания сложилась ситуация, когда за пределами своего титульного государства оказывались значительные количества лиц той или иной национальности. Однако в условиях национальной политики интеркультиурализма такое национально-административное деление было обосновано. Поскольку создание единой советской нации как цель оправдывала такое определение границ. И стоит отметить, что в составе СССР данное территориальное деление не привело к многочисленным конфликтам, как это имело место в постсоветский период.

В начале 1990-х гг. серьёзным стимулом процесса делимитации новых границ в Центральной Азии стали активизация деятельности религиозных экстремистских организаций и увеличение наркотрафика из Афганистана через территорию региона в Россию. Стало очевидным, что новые вызовы безопасности, в условиях прозрачности границ и выхода территорий четырёх из пяти государств Центральной Азии к Афганистану создают угрозу быстрого распространения вооружённых конфликтов на весь регион.

Таким образом, перед Россией встала задача с одной стороны сохранить существовавшие и жизненно важные для экономического развития связи с новыми независимыми государствами Центральной Азии, и с другой – обеспечить собственную безопасность от угроз, которые возникают в регионе.

Самая протяжённая граница России с Республикой Казахстан является стратегически важным рубежом в торгово-экономической и политической сферах не только с Казахстаном, но и со всем регионом Центральной Азии. Именно через этот участок «виртуальной» границы в Россию попадает большая часть наркотиков, незаконных мигрантов и контрабанды» [21, с.15]. А происходит это, потому что даже к началу 2000-х годов граница так и не приобрела своей обычной атрибутики. «Разделительную черту редким пунктиром обозначают лишь около семи десятков пунктов пропуска на основных автомобильных и железнодорожных магистралях. Между ними – от 100 до 300 км открытого пространства, так что можно напрямик ехать в Россию, минуя все пограничные и таможенные формальности» [21, с. 15].

Такое состояние российско-казахстанской границы можно объяснить тем, что страны входят в Евразийский экономический союз и стараются ликвидировать всеякие барьеры на пути интеграции. По мнению С. Голунова, «в первые годы после распада СССР в политических элитах, как России, так и Казахстана преобладала точка зрения, согласно которой российско-казахстанская граница должна оставаться прозрачной и даже номинальной, тогда как основное внимание следовало уделять обеспечению безопасности внешних границ СНГ, которым на центральноазиатском направлении тогда практически на всех участках занимались российские пограничники» [9, с. 86]. Этот подход мотивировался, как дороговизной обустройства границы, так и тесными этническими и культурными связями населения по обе её стороны.

Однако растущая нелегальная миграция, стремительный рост наркоторговли, большие объёмы контрабандной торговли, криминализация приграничья заставляли администрацию пограничных с Казахстаном российских регионов требовать изменения сложившейся ситуации вплоть до закрытия границы. Особенно остро эта проблема встала после вывода российских пограничников, охранявших внешние границы Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Туркмении, и сокращения в 2004 г. их контингента в Таджикистане.

Процесс определения границы затянулся, но были заключены различные соглашения по развитию экономического сотрудничества. На протяжении многих лет велись переговоры, проводились конференции и консультации, проходили встречи на разных уровнях, целью которых было установление взаимовыгодных отношений в новых условиях. Для достижения этой цели между двумя странами был подписан ряд специальных договоров и соглашений о сотрудничестве. Среди них: Договор о правовом статусе граждан обеих республик (1995 г.), Соглашение об упрощённом порядке приобретения ими гражданства (1995 г.), Соглашение о российском участии в освоении Каспийского шельфа и газового месторождения в Карачагалаке (1995 г.), и другие.

Страны тесно взаимодействуют в области культурного сотрудничества, результатом чего стало проведение в 2003 г. Года Казахстана в России и в 2004 г. – Года России в Казахстане.

В настоящее время действует учреждённая в 1997 году российско-казахстанская Межправительственная комиссия по сотрудничеству (МПК). В рамках МПК функционируют подкомиссии по комплексу «Байконур», приграничному сотрудничеству, транспорту, инвестициям и военно-техническому сотрудничеству.

С 1994 г. в рамках межправительственного Договора о военном сотрудничестве Казахстана с Россией от 28 марта 1994 г. подписано более 50 двусторонних документов, охватывающих широкий спектр вопросов обеспечения совместной безопасности [20].

Известно, что решение приграничного вопроса между СССР (а впоследствии новых независимых республик) и КНР явилось предпосылкой создания в 1996 г. так называемой «Шанхайской пятёрки», механизм которой изначально получил развитие на базе укрепления доверия и сокращения военной силы в приграничных районах КНР с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном. Вслед за этим на повестку дня встал вопрос об укреплении отношений добрососедства, взаимного доверия, дружбы и сотрудничества между пятью соседними странами – Китаем, Казахстаном, Россией, Таджикистаном и Кыргызстаном.

В 1996 и 1997 гг. главы пяти государств на встречах в Шанхае и Москве подписали «Соглашение об укреплении доверия в военной области в приграничных районах» и «Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в приграничных районах» [19]. Содержание встреч постепенно расширялось от обсуждения вопросов укрепления доверия в приграничных районах до развития всестороннего взаимовыгодного сотрудничества в сферах политики, безопасности, дипломатии, а также торгово-экономической, культурно-гуманитарной и других областях. И в результате после включения в организацию Узбекистана в 2001 г., участники переименовали её в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС).

К другим приоритетным направлениям деятельности ШОС относятся: «укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами; содействие их эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях, а также в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды и других; совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе; продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка» [19].

Ядром ШОС является треугольник Россия-Китай-Казахстан, который некоторые, преимущественно западные, эксперты оценивают как «новый геоэкономический трёхсторонний альянс» [25]. Особенно продвинулось сотрудничество в энергетической сфере. Примечательно, что у всех трёх сторон между собой существует стратегическое партнёрство, которое закреплено рядом документов. Так, в основе отношений России и Казахстана лежат Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (1992 г.) и Декларация о вечной дружбе и союзничестве, ориентированной в XXI век (1998 г.) [17]. Наконец, в январе 2005 г. во время официального визита президента Н. Назарбаева в Россию был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о государственной границе» [18].

Россия и Казахстан не только определили границу, но и спустя шесть лет совместно с Белоруссией, создали Таможенный союз. 1 июля 2011 г. у трёх стран появилась общая таможенная граница и единая та-

моженная территория, где действуют унифицированные таможенные правила, обязательные для всех участников союза, обеспечено единство управления таможенными службами и отменён таможенный контроль на внутренней таможенной границе. Дополнительно в рамках действующего объединения устанавливается общий таможенный тариф, и применяются единые меры нетарифного регулирования [23].

Подводя итог работе по созданию Таможенного союза, премьер-министр В.В. Путин обратил внимание, что «снимая барьеры, нельзя допустить, чтобы на внешних границах Таможенного союза выстраивались непреодолимые границы. Следует интегрироваться в глобальную экономику, не отгораживаться, но и не ускоряться искусственно» [23]. Желание и дальше двигаться по пути интеграции (создание Единого экономического пространства), готовность принять новых членов в организацию говорит о том, что правительства государств-учредителей возлагают большие надежды на Таможенный союз.

В связи с воплощением в жизнь идеи Таможенного союза Россия настаивает на решении Казахстаном вопроса о функционировании чёрного рынка на границе с Китаем. Москва пытается предотвратить наводнение своего рынка контрабандными китайскими товарами и призывает ужесточить пограничный контроль в регионе действия казахстанско-китайской границы. «Беспокойство России понятно. Если всё пройдёт по плану, до 80 процентов грузов, пересекающих границу в Хоргосе, будут предназначаться для рынка России. Чтобы убедиться, что ей достаётся полагающаяся доля прибыли, Россия теперь уже выступает за то, чтобы выставить в Хоргосе своих собственных пограничников» [16].

Таким образом, создание и соблюдение государственной границы двух государств носило противоречивый характер, сочетающий два противоположно направленных процесса. С одной стороны, формализацию и обустройство границы как неотъемлемого элемента суверенизации страны и все вытекающие из этого последствия. С другой – интеграцию сопредельных территорий на основе либерализации и «прозрачности» границ в рамках созданного в 2011 г. Таможенного союза.

Однако стоит отметить, что Казахстан урегулировал пограничный вопрос быстрее с Китаем, чем с Россией. Возможно, это можно объяснить тем, что бывшие республики, обретая независимость, старались дистанцироваться от России, боясь вновь попасть в орбиту её влияния.

В декабре 1999 г. во время визита в КНР президента Казахстана Н. Назарбаева, в Пекине был подписан Договор о китайско-казахстанской границе. С подписанием этого документа фактически завершился длительный переговорный процесс, и государственная граница получила юридическое оформление на всём её протяжении. После завершения делимитации стороны приступили к демаркации границы, общая протяжённость которой составила более 1782 километров, о чём был подписан Протокол между Правительством РК и КНР о демаркации казахстанско-китайской государственной границы от 10 мая 2002 г. «Казахстан за десять лет решил вопрос границ, в то время как СССР не мог этого сделать за 30 лет» [2, с. 25].

Процесс определения государственной границы между РФ и КНР длился несколько дольше. Вообще тема пограничного урегулирования была, пожалуй, одной из ключевых на протяжении всей истории российско-китайского общения начиная с XVII в. В данной статье рассматривается процесс решения вопроса только на рубеже XX и XXI веков.

В мае 1991 г. было подписано соглашение России с КНР о восточном участке российско-китайской границы. В нём зафиксирован международный принцип раздела пограничных рек, согласно которому грани-

цей между двумя государствами считается середина главного фарватера реки. Нерешённым остался вопрос о нескольких островах на Амуре близ Хабаровска и на Аргуни. В 1992 г. договор о восточном участке был ратифицирован Государственной Думой РФ. В 1994 г. были урегулированы вопросы, касающиеся западного участка границы. Соответствующий договор прошёл ратификацию в июле 1995 г. К 1997 г. российско-китайская граница была согласована на 97% линии её прохождения [22, с. 199]. В 2004 г. «40-летний марафон переговоров между Россией и Китаем по пограничным вопросам» [14] завершился. Произошло это в Пекине в ходе визита президента РФ В.В.Путина. Были подписаны документы, в договорном порядке закрепляющие найденные сторонами взаимоприемлемые развязки по двум участкам границы, остававшимся несогласованными в 1991 г.

Впервые в истории российско-китайских отношений прохождение линии границы между двумя странами было определено и должным образом юридически оформлено целиком, без каких-либо изъятий.

У передачи островов на Дальнем Востоке РФ было немало противников. В частности, в 2004 году депутаты Хабаровской краевой думы просили Госдуму и Совет Федерации ни в коем случае не ратифицировать эти соглашения. Защитники островов ссылались на то, что на острове Большой Уссурийский расположен важный укрепрайон, который в случае нападения со стороны КНР должен удерживать противника у Хабаровска в течение 45 минут. В итоге, по подсчётам некоторых дальневосточных экономистов, передача островов Китаю нанесла России ущерб в \$ 3 млрд [6].

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой «при существующей геополитической ситуации результаты пограничного урегулирования можно считать большим достижением отечественной дипломатии, так как в ближайшее время соотношение сил на Дальнем Востоке, скорее всего, будет меняться в пользу КНР и возможности России воздействовать на ситуацию будут существенно ограничены» [5, с. 18].

Таким образом, российско-китайская граница на продолжительное время стала зоной безопасности и стабильности, что открывает широкие возможности для межрегионального экономического сотрудничества.

Правомерно встаёт вопрос: почему так сложилось, что определение границы России с Китаем прошло в целом раньше, чем с Казахстаном? На это повлиял целый комплекс факторов, среди которых можно выделить стратегическую необходимость устранения всех претензий с набирающей мощь КНР.

Кроме того, нежелание некоторых российских политиков понять, что как ни близки были в составе СССР Россия и Казахстан, сейчас это два суверенных государства; амбиции по поводу реинтеграции постсоветского пространства; финансовые проблемы обустройства столь протяжённой границы затянули процесс. Тем не менее, угрозы в виде роста наркотрафика, исламского влияния и другие вызовы национальной безопасности заставили осознать значимость определения границы.

К настоящему времени все три государства решили между собой пограничный вопрос и не имеют друг к другу территориальных претензий.

Долгосрочное стабильное развитие стратегического партнёрства между РК и КНР обеспечивают Совместная декларация об установлении и развитии стратегического партнёрства (от 4 июля 2005 г.), Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (от 23 декабря 2002 г.) [17].

Таким образом, после урегулирования пограничного вопроса, отношения между тремя государствами вышли на качественно новый

уровень. Появилась перспектива углубления трёхстороннего российско-китайско-казахстанского сотрудничества, что позволяет начать выстраивать новую подсистему международных отношений в Центральной Азии.

Процесс формирования границы между РФ и РК занял около четырнадцати лет, однако его завершение позволило в 2011 г. перейти к новому этапу отношений между сторонами уже в рамках Таможенного союза. Осознание необходимости юридического оформления границы, общие проблемы безопасности, готовность идти на компромисс и взаимные уступки, а также политическая воля позволили добиться данного результата. Большим достижением является и урегулирование территориального вопроса с КНР. Оно позволило вывести отношения России и Китая на качественно новый уровень, что отвечает заявленному стратегическому партнёрству, которое было зафиксировано в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем [11], подписанном в июле 2001 г.

Решение пограничного вопроса оказалось способно содействовать и началу институционального сотрудничества. Примером этому может являться ШОС. В настоящее время данная организация занимается не столько проблемами приграничного урегулирования, как это было на начальном этапе, сколько вопросами безопасности в целом, а также экономическим взаимодействием.

Таким образом, в Центральной Азии Россия добилась определённых успехов в развитии трёхстороннего сотрудничества. В то же время следует отметить необходимость повышения эффективности внешней политики, которая будет зависеть от того, какую роль займёт РФ в развитии отношений с РК и КНР в данном регионе.

Литература

1. Акихиро Ивасита. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. Пер. с яп. М.Г. Горфункель. М., АСТ:Восток-Запад, 2006. 336 с.
2. Ауанасова А.М., Сулейменов А.М. Из истории делимитации государственных границ Республики Казахстан // ЕврАзЮж. № 4 (23). 2010. С.18-26.
3. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России. Под ред. Л.Б.Вардомский, С.В.Голунов. М., Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.
4. Бичехвост А.Ф. Российско-казахстанская граница как стабилизирующий фактор на юго-востоке постсоветского геополитического пространства // Границы безопасности и безопасность границ. Челябинск, Изд-во ЮУрГУ, 2001. С.193-208.
5. Бугаевский В. А. Урегулирование пограничной проблемы в российско-китайских отношениях:1987-2004 гг.: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук : 07.00.03 / М., 2009. 23 с.
6. Габуев А. Россия закруглила границу с Китаем // Газета «Коммерсантъ», №126 (3943), 22.07.2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/Doc/914717> [Дата обращения: 11.06.2011 г.].

7. Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке: граница. М., Муравей, 2001 г. 336 с.
8. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница: Проблемы безопасности и международного сотрудничества / Центр региональных и трансграничных исследований; науч. ред. Л.Б. Вардомский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 422 с.
9. Голунов С.В. Российско-казахстанская граница в 1990-е годы: проблемы безопасности и специфика их восприятия // Вестник ВолГУ. Серия 4. 2008. №1 (13) С. 82-91.
10. Дмитрий Медведев подписал Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации». Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/11488> [Дата обращения: 20.06.2011 г.].
11. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой «Российская газета» – Федеральный выпуск № 2746 от 17 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/20/russia-kitai-dok.html> [Дата обращения: 17.06.2011 г.].
12. Коцюбинский И.П. Российско-казахстанское приграничное сотрудничество (конец XX – начало XXI вв.): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук : 07.00.02 / М., 2009. 21 с.
13. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях. М., Восток-Запад, 2005. 390 с.
14. Матяев В. Полоса без препятствий России и Китая впервые полностью договорились о линии границы // «Российская газета» – Федеральный выпуск №3605 15.10.2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2004/10/15/granitsa.html> [Дата обращения: 14.06.2011 г.].
15. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Дипломатическая история русско-китайской границы XVII-XX вв. М., РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996. 482 с.
16. Орандж Р. Россия призывает Казахстан навести порядок на пограничных переходах с Китаем // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1305100020> [Дата обращения: 27.06.2011 г.].
17. Официальный сайт МИД Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.kz/> [Дата обращения: 10.05.2011 г.].
18. Официальный сайт Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации (Росграница) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosgranitsa.ru> [Дата обращения: 10.06.2011 г.].
19. Официальный сайт ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sectso.org/> [Дата обращения: 12.05.2011 г.].
20. Российско-казахстанские отношения. Справка информационный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/59931-rossijsko-kazakhstanskie-otnoshenija..html> [Дата обращения: 1.06.2011 г.].
21. Рубан О. Безграничные просторы отчизны // Эксперт. 2001. №47. С.11-18.
22. Современные международные отношения. Учебник / Под. ред. А.В. Торкунова. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 584 с.
23. Точка невозврата. Россия, Белоруссия и Казахстан хотят создать новый полюс мировой экономики. Официальный сайт Таможенного союза [Электронный ресурс]. URL: <http://customsunion.ru/view/79/1.html> [Дата обращения: 21.06.2011 г.].

24. Усубалиев Е., Усубалиев Э. Проблемы территориального урегулирования и распределения водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ Журнал социально-политических исследований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ca-c.org/journal/rus-01-2002/08.usuprimru.shtml> [Дата обращения: 11.05.2011 г.].

25. Robert M Cutler Emerging triangles: Russia-Kazakhstan-China Asia Times Jan 15, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/FA15Ag03.html [Дата обращения: 17.06.2011 г.].

УДК 341

Аллёнов В.А.

Крадущийся тигр, затаившийся медведь: мифология российско-китайского пограничного урегулирования

**Crouching tiger, hidden bear:
the mythology of the Cino-Russian border settlement**

В статье рассматривается влияние взаимного культурного восприятия представителями российского и китайского обществ друг друга на динамику межгосударственных отношений России и Китая с XVII в. по настоящее время.

Ключевые слова: *Россия, Китай, российско-китайские отношения, российско-китайская граница, культура, мифология*

In the article the influence of mutual cultural perception by representatives of the Russian and Chinese societies each other on dynamics of interstate relations of Russia and China from XVII century on the present is considered.

Key words: *Russia, China, the Russian-Chinese relations, the Russian-Chinese border, culture, mythology*

В десятилетие, последовавшее за подписанием российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, официальные лица обеих стран пришли к консенсусу относительно того, что стратегическое партнерство между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой имеет равноправный характер, основано на понимании национальных интересов двух стран и лишено сиюминутных и конъюнктурных соображений. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров видит в современных российско-китайских отношениях «хрестоматийный пример того, как два крупных государства, относящиеся к разным общественно-политическим и культурно-цивилизационным моделям, смогли найти взаимоприемлемые решения доставшихся в наследство от истории сложнейших и деликатных проблем, в первую очередь пограничной, и выработать модель мирного и добрососедского сосуществования» [5]. Председатель КНР Ху Цзиньтао отмечает, что сегодня Китай и Россия «являются добрыми соседями, большими друзьями и надежными партнерами» [1].

Однако отношения двух государств не всегда складывались мирно, в атмосфере дружбы и сотрудничества. С первых контактов между

Русским государством и Минской империей, состоявшихся в первой четверти XVII века, отношения соседних стран стали представлять собой сложный политико-экономический комплекс. Развитие контактов Китая и России привело к необходимости определения точной границы между государствами. Процесс пограничного размежевания нередко сопровождался взаимными претензиями, «неравноправными договорами» и «историческими обидами». Значительное влияние на процесс ведения переговоров, заключения двусторонних договоров и демаркации границы оказывали расхождения в методах ведения внешней политики России и Китая, проистекавшие из упомянутых С.В. Лавровым культурно-цивилизационных различий.

Столкновение противоположных по своей сути внешнеполитических парадигм России и Китая явно прослеживается как в ходе заключения российско-китайских договоров XVII-XIX веков, касающихся пограничного размежевания на территории современного российского Дальнего Востока, так и в последующем толковании этих договоров. Начиная с первых посольств в Китай, Россия было заинтересована в поиске торгового партнера и союзника на Востоке. Однако правительство Китая, в лице маньчжурской династии Цин, видело в России не партнера, а страну «северных варваров» Лаоцань, «взбунтовавшихся» и вторгшихся на земли Поднебесной [3, с. 82]. В соответствии с этими взглядами, ни о каких равноправных договорах не могло идти и речи – «варваров» было необходимо «усмирить», в том числе и с помощью силы или угрозы силой.

Необходимо отметить, что в момент установления первых дипломатических отношений России и Китая в XVII веке между ними находились территории, заселенные кочевыми и полукочевыми народами, которые, за редким исключением, не платили дань ни русским, ни маньчжурам.

В первой половине XVII века русские казачьи отряды вышли в район Амура, присоединив к России территорию Восточной Сибири. Одновременно с появлением русских в Приамурье китайское государство попало под власть маньчжурской Цинской династии, осуществлявшей активную завоевательную политику и стремившейся к расширению своей сферы влияния за счёт подчинения народов, населявших берега Амура.

Завоевание Китая маньчжурами – соперниками России в освоении Приамурья – способствовало формированию легенды о Никанском (китайском) царстве как христианской стране, ведущей борьбу с богдыханцами (маньчжурами) [6]. Легенда о потенциальном союзнике, находящемся в глубине «чужих» в культурно-историческом плане государств и народов, подталкивала правительство России к поиску торговых путей в Китай, а также давала надежды на установление в своем роде «стратегического партнерства», обусловленного наличием общих врагов и общих интересов. Даже после того, как российские посланники выяснили, что маньчжурские войска и китайское государство являются единым целым, отношение в России к Китаю как к потенциальному союзнику в Азии, «своему» в «чужом» сохранялось и влияло на внешнюю политику России на Дальнем Востоке.

Итогом первых попыток урегулирования отношений между Россией и Цинским Китаем стал Нерчинский договор 1689 года, по итогам которого Китаю отошла значительная часть территорий, ранее принадлежавших России. В соответствии с китайской внешнеполитической концепцией «усмирения варваров» договор был заключён *under duress*, в присутствии маньчжурского войска, угрожавшего физическим уничтожением российской делегации в случае неподписания договора [3,

с. 44]. Не желая спровоцировать вооруженный конфликт на удалённых от центральной России землях и стремясь к нормализации отношений, российская сторона передала Китаю территории, согласно докладу, направленному цинскими чиновниками императору Сюань Е, «лежащие на северо-востоке на пространстве несколько тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю» [3, с. 136].

После заключения договора цинское правительство продолжило рассматривать Россию как «мелкое вассальное государство», а русских послов – как «послов, прибывающих с данью» [3, с. 177]. Такая позиция соответствовала общей внешнеполитической концепции Китая, согласно которой все страны, окружавшие Среднюю империю и вступавшие с ней в дипломатические или торговые отношения, рассматривались в качестве даннических и, следовательно, равноправное партнерство с такими странами было невозможно.

Стоит отметить, что после заключения Нерчинского договора, кроме участка на реке Аргунь, граница между Россией и Китаем осталась неопределённой из-за отсутствия достоверных данных о территориях к северо-востоку от Аргуни и в нижнем течении Амура у обеих сторон. Граница к югу от реки Уды, согласно первой статье договора, оставалась неделимитированной. Однако то, что договор был записан на русском, латинском, маньчжурском и китайском языках, позволило китайским властям вольно трактовать статьи, касающиеся прохождения восточного участка границы. Так, маньчжурский вариант договора называл промежуточными границы не только к югу от Уды, но и к северу от Большого Хинганского хребта. Опубликованная китайская версия договора вовсе опускала упоминания о нерешённости границы к югу от Уды, проводя «окончательную» границу между Россией и Китаем до побережья Охотского моря [3, с. 147]. Благодаря такой трактовке первой статьи Нерчинского договора, в Китайской Республике в начале XX века и Китайской Народной Республике во второй половине XX века была сформирована стойкая мифологема «утерянной земли» на севере, которой Китай лишился из-за «неравноправных» Айгунского и Пекинского договоров 1858 и 1860 годов. Во время советско-китайских консультаций 1964 года глава китайской делегации Цзэн Юнцюань прямо заявил, что «царская Россия, осуществив фактическое занятие территории путем переселения русского вооруженного населения, размещения военных поселений и передвижения батальонов и вооруженных судов, навязала Китаю целый ряд договоров и присоединила к России территорию, заселенную многими поколениями китайцев» [3, с. 360].

Однако, вопреки позиции официального Пекина, подписание «неравноправных» Айгунского и Пекинского договоров не сопровождалось угрозой военных действий со стороны Российской Империи. Заключение этих двух договоров предшествовали почти 100 лет взаимных консультаций, более того, в ходе переговоров Россия выразила готовность направить в Китай оружие и военных инструкторов для создания «новой военной силы» для оказания сопротивления интервенции Англии и Франции в ходе Опиумных войн, а также выступила посредником на переговорах между Китаем, Англией и Францией. Заключение новых договоров с Россией на условиях, отличных от положений Нерчинского договора, способствовало изменению позиции китайского правительства относительно России и других крупных стран Европы после окончания первой Опиумной войны в 1842 году, проиграв которую, правительство Китая было вынуждено отказаться от прежних китаецентристских взглядов на политику и экономику.

Благодаря изменению мировоззрения правительства Китая в седьмой статье российско-китайского договора, в отличие от статей Нерчин-

ского договора и договоров, заключенных Китаем с европейскими странами после Опиумных войн, были оговорены новые условия торговли, основанные на принципах взаимности и равноправия двух соседних государств. После подписания Пекинского договора в 1860 году была окончательно определена граница между Россией и Китаем на Дальнем Востоке, проходящая по рекам Амур и Уссури. Наличие точной границы позволило наладить постоянные торговые связи между двумя странами, а также заложило основы мирного сосуществования двух соседних государств, продолжавшегося до середины XX века, несмотря на внутренние потрясения, происходившие как в России, так и в Китае.

Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи 1950 года, заключённый между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, подтвердил положения Пекинского договора, касавшиеся границы между двумя странами. Обе стороны зафиксировали бесспорность историко-правовой основы существующей границы и обязались уважать государственный суверенитет и территориальную целостность друг друга [3, с. 344]. Советское правительство продолжило сформировавшуюся ещё в XVII веке тенденцию видеть в Китае союзника на Востоке, «своего» в «чужом», на этот раз в качестве страны с дружественным политическим строем и схожей идеологией. Заключение договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи обуславливалось, кроме того, наличием общих врагов – мирового империализма во главе с США и общих интересов – построения социалистического общества.

Однако всего через десятилетие после подписания договора о дружбе, союзе и взаимной помощи произошел советско-китайский раскол, в рамках которого китайское правительство выдвинуло к Советскому Союзу территориальные претензии, касающиеся 1,5 миллионов квадратных километров «захваченных» Россией земель. В ходе Пекинских консульских переговоров 1964 года по демаркации и редемаркации границы китайская сторона в лице главы делегации Цзэн Юнцюаня заявила советским представителям: «Ваш аппетит слишком велик... Помимо 1540 тысяч с лишним кв. км земли вы хотите отобрать у Китая ещё несколько десятков тысяч кв. км. Не означает ли это, что вы будете удовлетворены лишь тогда, когда заберете у нас всю китайскую территорию площадью в 9600 тысяч кв. км?... Занимайте нашу территорию, если у вас хватит смелости!... Вам никогда не видать того, чтобы мы признали ваш захват законным. Вам не видать этого теперь, вам не видать этого и через десять тысяч лет!» [3, с. 357].

Примечательно, что эмоциональные высказывания китайского представителя также предназначались для публикации в прессе КНР. В китайской прессе и литературе периода советско-китайской конфронтации мифологема «утраченной земли» на севере успешно соединялась с мифологемами «врага», «агрессора», «чужого», в роли которого выступал Советский Союз или Российская империя. Активно публиковались научно-популярные работы, описывающие захват китайской территории от Байкала до Сахалина «злыми демонами восточных народностей» – русскими [4, с. 76]. Характерно, что в китайской литературе того времени «демонами» называли и солдат японской императорской армии, оккупировавших значительную часть территории Китая во Вторую японо-китайскую войну. Таким образом сформировывался образ «агрессии» Российской империи в Китае в XIX веке, сравнимой с агрессией Японской империи в XX веке.

Апофеозом пропагандистской работы, направленной против «агрессора, отнявшего китайские земли» стал ряд вооруженных нападений войск КНР на советские пограничные заставы на Дальнем Востоке России и в Казахстане. Эти действия китайской стороны в конечном итоге при-

вели к возобновлению советско-китайских консультаций в 1969 году и заключению советско-китайского соглашения о государственной границе 1991 года.

События на острове Даманском и у озера Жаланашколь, в свою очередь, способствовали изменению отношения к Китаю в Советском Союзе и, в последующем, в России. Постепенно мифологема «угрозы», «чужого» стала превалировать над мифологемой «своего» в «чужом». Свое развитие мифологема «угрозы» со стороны Китая получила после распада Советского Союза. Помимо наличия неразрешенных территориальных споров укреплению образа Китая как «агрессора» по отношению к России способствовал приток китайских переселенцев на Дальний Восток, недовольство некультурным поведением китайцев и огромная диспропорция населения по разные стороны границы [2].

Заключенный между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 года и последовавшее за ним дополнительное соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на её Восточной части 2005 года окончательно определили линию прохождения границы между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. Стороны обязались уважать территориальную целостность друг друга и развивать отношения на основе равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. «Стратегическое партнерство» китайского тигра и русского медведя вновь выдвинуло на передний план мифологему «своего» в «чужом», восстановившую отношение в России к Китаю как к союзнику на Востоке, связанному с Россией общими интересами – модернизацией и борьбой против однополярного мира.

Сближение двух государств, относящихся к разным общественно-политическим и культурно-цивилизационным моделям, помогло укрепить их экономические связи и заложило основы сотрудничества в энергетической и военной сферах. Однако, как показывает история российско-китайских отношений, периоды «стратегического партнерства» между двумя странами нередко сменялись острой конфронтацией, а окончательно установленные границы подвергались пересмотру и редемаркации. Как будут развиваться отношения между крадущимся тигром и затаившимся медведем, какие архетипы поведения и мифологемы восприятия будут определять общее будущее двух стран покажет время.

Литература

1. Встреча Ху Цзиньтао с главой МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-07/22/content_674580.htm [Дата обращения: 19.07. 2011 г.]

2. Инь Цзяньпин. Китайцы на Дальнем Востоке: от «угрозы» до действующего фактора для стабильного развития экономики ДВ. [Электронный ресурс]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no6/yin1.pdf> [Дата обращения: 20.07. 2011 г.]

3. Мясников, В.С. Договорными статьями утвердили. М., РИО Мособлупролиграфиздата, 1996. 482 с.

4. Рябченко, Н.П. КНР – СССР: годы конфронтации (1969-1982). Владивосток, Дальнаука, 2006. 157 с.

5. Сергей Лавров: партнерство России и Китая – доказательство того, что различия не мешают сотрудничеству. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru/news/1658158> [Дата обращения: 19.07. 2011 г.]

6. Соколов, В.Н. Образ христианского царства на крайнем Востоке в европейской картографии XIV-XVIII вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arseniev.org/files/31.pdf> [Дата обращения: 14.05. 2010 г.]

УДК 656.612.004.67.001.7 (571.63)

Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А., Украинский В.Н.

Школа «Анналов» и её вклад в исследование экономического пространства

School «Annals» and its contribution to the study of the economic space

Представленная работа посвящена рассмотрению методологических принципов французской исторической школы «Анналов» и выявлению возможностей их применения в решении проблем пространственной экономики.

Ключевые слова: *экономическое пространство, пространственная экономика, методология, школа «Анналов», междисциплинарные исследования.*

This work is devoted to the methodological principles of the French historical school «Annals» and reveals the opportunities for their use in solving the problems of the spatial economy.

Key words: *economic space, spatial economics, methodology, school «Annals,» interdisciplinary studies.*

Введение

На первый взгляд, обращение к работам представителей французской исторической школы «Анналов» в контексте проблем пространственной экономики, как минимум, не совсем уместно. Однако не всё так просто. Дело в том, что ряд методологических положений впервые сформулированных именно в рамках этой школы, имеет непосредственное отношение к исследованию пространственных проявлений экономической деятельности. Более того, есть все основания считать, что эти методологические подходы могут быть не бесполезны и при разработке той области экономической науки, которая всё чаще обозначается как пространственная экономика¹.

Но все-таки для начала кратко о том, что есть школа «Анналов». Прежде чем дать краткую «биографическую справку», процитируем Р. Буайе, характеризующего тот исторический контекст, в котором происходило формирование школы «Анналов»: «в один из самых беспокойных

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д.г.н., главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru
ДЯТЛОВА Любовь Александровна, к.г.н., заместитель директора АНО «Хабаровская школа управления» (г. Хабаровск). **E-mail:** pavel_130975@mail.ru
УКРАИНСКИЙ Вадим Николаевич, старший консультант-аналитик Хабаровской школы управления (г. Хабаровск). **E-mail:** schtirl@rochtamt.ru

¹ Отметим, что авторы придерживаются точки зрения на пространственную экономику, изложенную в: [27].

исторических периодов в противовес несколько догматическому характеру официального марксизма возникла школа «Анналов»» [13, с. 76].

Итак, всё началось с журнала «Анналы экономической истории»¹, который в 1929 г. в Страсбурге стали издавать Марк Блок и Люсьен Февр². Этот журнал сыграл огромную роль в становлении школы «Анналов», на его страницах были сформулированы те методологические позиции, которые, дали основание говорить о «новой исторической школе». Отличительная черта этой школы: отход от «коллекционирования фактов» и переход к «истории-проблеме», т.е. к поиску в прошлом ответов на актуальные проблемы современности. Еще одна характерная черта «школы Анналов» на этапе становления: отказ от политической истории в пользу исследования социальных и экономических структур и процессов.

Наконец, особо следует отметить, что отцы-основатели «школы Анналов» заложили традицию, которая сохранилась до настоящего времени и которую можно обозначить, как стремление к междисциплинарным исследованиям.

Несмотря на сказанное выше, следует иметь в виду, что «Анналы» первого поколения (поколения Блока и Февра) были живым, задиристым, боевым, но ещё мало влиятельным журналом³. Хотя после издания ряда фундаментальных работ М. Блока [3-5] и появления первых учеников и последователей, школа, несомненно, получила, как минимум, европейскую известность.

Новый этап в развитии и журнала и школы «Анналов» начинается с середины 50-х годов, когда, после смерти Л. Февра, во главе журнала «Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации» стал Ф. Бродель⁴, несомненно, наиболее известный представитель «второй волны» школы «Анналов». Характерной особенностью этого этапа стала попытка объединения всех наук о человеке. При этом предполагалось, что в изучении истории следовало, как можно шире применять количественные методы.

Именно под руководством Ф. Броделя «Анналы» превратились в самый авторитетный, всемирно известный исторический журнал, освещавший, главным образом, экономические и социальные процессы боль-

¹ Это название журнал сохранял до 1941 г. В годы оккупации регулярное издание журнала было прервано (выходили неперIODические «Сборники социальной истории» под редакцией Л. Февра), а с 1944 г. он стал выходить в Париже под названием «Анналы социальной истории» (*Annales d'histoire sociale*), а с 1946 г. – «Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации»; наконец, с 1994 г. по настоящее время – «Анналы. История, социальные науки».

² Марк Блок (Marc Léopold Benjamin Bloch; 1886 – 1944) французский историк автор трудов по западноевропейскому феодализму, аграрным отношениям во Франции, общим проблемам методологии истории, участник I и II Мировых войн, погиб, участвуя во французском движении Сопротивления. Совместно с Люсьеном Февром (Lucien Febvre; 1978-1956) разработал методологические основы «новой исторической школы» известной также как школа «Анналов» по названию журнала, который с момента основания по настоящее время является одним из наиболее авторитетных изданий по проблемам экономической и социальной истории.

³ По оценке Ф. Броделя, приведённой В.П. Смирновым [30], у них насчитывалось не больше 300-400 читателей во Франции и около 100 в Италии.

⁴ Фернан Бродель (Fernand Braudel, 1902 – 1985) – академик Французской академии, член-корреспондент 10 зарубежных академий, почётный доктор 18 университетов, основатель «геоистории» и «глобальной истории», один из основоположников «новой исторической науки». С 1949 г. помимо руководства журналом «Анналы» и осуществлял руководство ещё двумя крупными научными центрами – Шестой секцией Практической школы высших исследований и кафедрой в «Коллеж де Франс». В США создан Центр Фернана Броделя, который с 1977 г. издаёт журнал «Review. A journal of the Fernand Braudel Center for the study of Economies, Historical Systems and Civilizations».

шой длительности на стыке истории, экономики, географии и социологии. Именно в это время журнал, по выражению Жака Ревеля, одного из руководителей современных «Анналов», «стал своего рода фирменным знаком французской исторической науки» [29, с. 65].

Следующий этап в истории «Анналов» начался в конце 70-х годов, когда к руководству журнала пришли представители «третьей волны»: Жак Ле Гофф, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Марк Ферро¹. В 1979 г. в программном заявлении редакция выказала намерение обновить тематику прежде всего за счет политико-событийной истории и истории новейшего времени. С точки зрения объекта исследования, это был отход не только от традиций М. Блока и Л. Февра, для которых отказ от событийной и политической истории был важной частью историографического поворота, но и от броделевской истории структур и процессов большой длительности. Но отход от традиций предшественников в выборе объектов исследования, не сказался на методологии и методах исследования. Здесь авторы разделяют оценку ситуации, данную Л.А. Пименовой: «Обращение к истории индивидов и событий означает не возврат к той истории, что писалась до Блока и Февра, а проникновение современных принципов и методов научного анализа в область биографической, политической и событийной истории» [28, с. 206].

Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на почтенный возраст школа «Анналов», это вовсе не объект истории науки, а вполне успешно развивающаяся часть научного сообщества, опирающаяся на вполне отчетливо оформившуюся методологию исследования. Хотя в последнее десятилетие время от времени появлялись публикации (в том числе и на страницах «Анналов»), в которых говорилось о кризисе школы. Очевидно, в этом есть доля правды (может быть даже и большая), но судить об этом из российского далека дело не благодарное.

Наверное, на этом можно было бы завершить общее знакомство с историей «Анналов», но есть один сюжет, который следует хотя бы обозначить: контакты представителей школы «Анналов» с отечественными историками, которые, как это может показаться неожиданным (не для историков), были прочными и длительными. Трудно сказать, каковы истоки этого взаимоотношения, но за отправную точку можно взять публикацию в 1957 году на русском языке монографии М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории» (к этой работе мы ещё вернёмся) с предисловием А.Д. Люблинской, которое в свою очередь было опубликовано в «Анналах». Комментируя это предисловие и приветствуя сам факт издания русского перевода работы М. Блока, Ф. Бродель категорически отвергает столь близкое сердцу отечественных историков-марксистов навешивание ярлыков².

Примерно в это же время на страницах «Анналов» появляется статья Базиля Кербляя [41]. В последующем «русская тема» неоднократно и по разным случаям (НЭП, советская экономика в годы Второй мировой войны, возникновение культа личности В.И. Ленина и т.д. и т.п.) появлялась в журнале. Причём до середины 80-х годов прошлого века полноценного диалога не получалось. Если авторы «Анналов» занимались исследованием различных сторон становления и развития тех или иных

¹ Формально Ф. Бродель оставался в руководстве журнала до своей смерти, но фактически отошёл от дел в 1969 г.

² Впрочем, самому Ф. Броделю было на роду написано служить мишенью для политизированной критики и не только со стороны советских историков, но и со стороны французских коммунистов и даже студентов, а также молодых коллег, прошедших школу студенческих бунтов 1968 года.

социальных и экономических структур в России (и СССР)¹, то работы отечественных авторов по большей части имели своей целью анализ методологических основ французской «новой исторической науки»², естественно, с марксистских позиций. Ситуация стала меняться во второй половине 80-х годов XX века, когда начинается публикация переводов на русский язык фундаментальных работ Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа и Э. Ле Руа Ладюри, в первую очередь.

С этого момента работы представителей школы «Анналов» стали доступны не только для достаточно узкого круга специалистов по проблемам французской историографии, но и для представителей смежных отраслей знания, в том числе и экономики. И той её части, которая имеет отношение к проблемам эволюции пространственных форм проявления экономической деятельности. Авторы посчитали бы большой удачей, если бы им удалось привлечь внимание как можно более широкого круга специалистов к достижениям школы «Анналов». Ибо, к сожалению, в настоящее время в лучшем случае можно встретить ссылки на трехтомную монографию Ф. Броделя [6-8].

Школа «Анналов»: основные черты методологии

Итак, закончив с «биографической справкой» школы «Анналов», следует попытаться по возможности кратко рассмотреть основные положения методологии исторических исследований, присущих представителям этой научной школы.

Естественно, что эта тема неоднократно обсуждалась отечественными историками [1, 14-21; 28, 30], но она практически осталась вне поля зрения специалистов в области экономики и географии³.

И это несмотря на то, что к настоящему времени были переведены основные работы представителей школы «Анналов», в которых в той или иной мере рассматриваются эволюционные процессы в экономических структурах, в том числе и пространственные проявления экономической жизни.

Начнём с того, что в работах М. Блока, Л. Февра, а затем Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа [3-12; 15, 25, 26, 34-36, 38] было выдвинуто и в последующем обосновано положение, согласно которому на смену повествовательному описанию исторических фактов выдвигается принцип «история проблемы»⁴.

Иначе говоря, задача исследователя видится в поиске в отдаленном или не в очень отдаленном прошлом ответа на вопрос: в чём причины современных проблем, с которыми сталкивается современное общество,

¹ К этому следует добавить, что ряд представителей, причём весьма авторитетных (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф) школы «Анналов» публиковались и в СССР, прежде всего на страницах «Французского ежегодника». Более того, до настоящего времени представители школы «Анналов» (впрочем, как и представители англо-саксонской школы экономической истории) вовсе не прочь использовать в своих исследованиях теоретические концепции русских экономистов, в частности теорию крестьянского хозяйства А.В. Чаянова. См., например [24].

² При этом большая часть публикаций отечественных авторов посвящённых истории Франции, при несомненном их качестве, что неоднократно отмечали их французские коллеги, всё-таки находились за пределами проблемной области школы «Анналов».

³ Судя по всему, проблема небрежения к работам школы «Анналов», лишь проявление более общей проблемы. Её можно сформулировать следующим образом: потеря традиции ретроспективного анализа в отечественной научном сообществе, изучающем пространственные (и не только) проявления экономической деятельности.

⁴ Означает ли это, что описания есть нечто, чем можно пренебречь идёт ли речь об истории, географии или экономики? Конечно, нет, но любое описание не более, чем этап анализа, а поэтому, в подавляющем большинстве случаев, – не самоцель.

или отдельные его институты, те или иные социальные группы и т. д.¹

Это крайне важное положение, имеющее значение не только для методологии истории, но и для методологии пространственной экономики. Увы, но авторам неоднократно приходилось слышать: «О чём вы говорите? За сто лет прошла коллективизация и индустриализация, а поэтому нечего нам рассказывать о том, что было сто лет назад. Сейчас всё по-другому!!!»².

И не Бог весть, какая беда, если бы всё ограничивалось такого рода высказываниями. Много хуже то, что со страниц экономической научной периодики практически исчезли работы посвящённые изучению экономической истории России, истории отечественной экономической мысли. Что же касается монографических исследований, посвящённых данной проблематике, то их – считанные единицы. И это происходит на фоне многочисленных ссылок на исторический опыт, и реже – призывов к его изучению.

Но можно пойти и по другому пути. Действительно, многое меняется, но многое остается практически неизменным. Остаются проблемы, решение которых зачастую невозможно, без всестороннего изучения предшествующих этапов эволюции экономических систем, без выявления и оценки исторического опыта. К тому же многие экономические процессы отличаются явно выраженной цикличностью, не говоря уже о том, что в настоящем времени функционируют экономические механизмы, имеющие «заложение» в весьма далеком прошлом.

Именно в этом контексте для нас особое значение имеют следующие методологические положения, сформулированные в рамках школы «Анналов».

Во-первых, *историю нельзя отрывать от современности, именно современность ставит перед исследователем проблемы, подлежащие изучению*. Иными словами, исследователь должен задавать прошлому те вопросы, которые существенны для современности и дают возможность завязать с людьми другой эпохи продуктивный диалог.

Поэтому, начало исследования – не «сбор материала», а постановка проблемы и разработка системы вопросов (задач), которые исследователь ставит перед источниками.

Нетрудно заметить, что в этом отношении представители школы «Анналов» действуют как заправские «системщики». Очевидно, это не случайно: отказ от изучения отдельных фактов и процессов, изолированных от общего движения истории, и выдвигание на первый план массовых явлений – переход на качественно новый уровень сложности³.

Наверное, не случайно в сфере корпоративного менеджмента, когда он сталкивается с масштабными проблемами, всякий раз возникает потребность понять причины возникновения проблемных ситуаций и нередко ответы находятся в прошлом. Впрочем, обращение к прошлому – это вовсе не поиск «интересных фактов» и «поучительных уроков». Это вполне логически выдержанная процедура, которая начинается с

¹ Здесь следует иметь в виду, что поиск истоков (или как у М. Блока – «проклятие истоков») скорее ложная проблема, чем проблема научного исследования.

² Здесь, конечно, можно напомнить оппонентам: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл 1: 9). Но законы жанра требуют, чтобы авторы предоставили аргументацию и научного свойства, что они по мере своих сил и возможностей и представили.

³ Это означает переход к исследованию сверхсложных систем, что неизбежно ведёт к использованию методологии системного подхода в историческом исследовании. Коль речь зашла о системном подходе, то следует отметить, что таковой (во всяком случае, его элементы), явно присутствует и в работах отечественных экономистов-аграрников начала XX в., т.е. задолго до появления первых работ Л. Берталанфи.

описания проблемы и критики источников¹, а заканчивается выяснением того, в какой точке эволюционного процесса мы находимся и в какой мере события и решения, принятые в прошлом, оказывают влияние на сегодняшнюю ситуацию. Ибо, как справедливо отмечал М. Блок, вовсе нередки случаи, когда «прошлое господствует над настоящим» [5, с. 313]. Хрестоматийным примером служит не только традиционное хозяйство малочисленных народов, но и сельская экономика в целом.

Но вполне резонно расширить сферу ретроспективного анализа путем включения его, как элемента стратегического анализа, когда мы имеем дело с разработкой региональных стратегий. Это обусловлено тем, что в эпоху массового стратегирования, для начала не плохо бы разобраться с тем, а нужна ли конкретному региону новая стратегия или сложившиеся (как правило, спонтанно) региональные стратегии вполне приемлемы в обозримой перспективе.

Здесь будет уместно привести мнение современного исследователя: «Вообще говоря, стратегия экономического (социально-экономического) развития нужна не для всех объектов и не во все времена. История «кусочно-линейна» и периоды стабильности, линейности сменяются периодами высокой волатильности, турбулентности. И именно в такие периоды полифуркации стратегия как план действия становится необходимой» [31, с. 6-7].

Во-вторых, декларируемый представителями школы Анналов *отказ от изучения отдельных обособленных и неповторяющихся явлений и выдвигание на первый план исследования массовых явлений требует усиления интеграции с другими науками*, и в том числе с географией, экономикой, социологией и прочими смежными дисциплинами. Иначе говоря, встав на путь изучения проблемной ситуации, мы вольно или невольно должны выйти за жесткие рамки той или иной научной дисциплины и быть готовыми к проведению междисциплинарного исследования.

Здесь следует подчеркнуть, как минимум два обстоятельства: первое – именно синтез, а не эклектика, и второе – мало желать синтеза, нужно ещё и мочь, а это требует, помимо всего прочего, вполне определённого типа организации научных исследований. Данный тип организации, в свою очередь, предполагает, что исследователь должен как минимум владеть двумя языками описания научной проблемы, т.е. помимо языка исторической науки, языками тех наук, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме: социологии, экономики, географии и других, образующих в конечном итоге совокупность наук о человеке и его поведении².

Второе обстоятельство, которое способствовало междисциплинарному синтезу, это – организация исследовательской деятельности в университетах Франции в первой трети XX века, и в Страсбургском, в частности. Чтобы дать читателю возможность самому ощутить и понять, что представляли собой тридцатые годы, дадим возможность высказаться Люсьену Февру: «Что за славные то были годы – тридцатые годы в Страсбурге! Славные годы яростного, самоотверженного и плодотворно-

¹ Здесь будет уместно обратить внимание на то, что «критика источников» имеет место в современной отечественной экономической науке. Только заканчивается она на том, что констатируется хорошо известный факт: информация, предоставляемая органами государственной статистики, не всегда достоверна. Следующий шаг: выяснение, в каких пределах можно доверять этой информации, делается крайне редко. Ещё реже делается попытка сравнения информации из разных источников. И уж совсем экзотика: экспедиционные (полевые) исследования, для получения информации под свою исследовательскую задачу.

² В этой связи показательно, что М. Блок характеризуется своим старшим товарищем Л. Февром, и как историк, и как географ [34].

го труда. И что за невероятное стечение обстоятельств способствовало успеху этой работы!».

Теперь об обстоятельствах: «прежде всего дружеские связи, не только отличавшиеся горячей сердечностью, но и служившие источником взаимного соревнования». Затем, «ни Блок, ни я, ни остальные наши коллеги не замыкались в стенах нашего факультета». К тому же, как свидетельствует Л. Февр: «Посещали нас и временные гости». И среди этих гостей не только великий Сильвен Леви и другие французские ученые, но и зарубежные гости, среди которых Анри Пиренн. «Словом, нас окружали звезды первой величины». И ещё один штрих: «А фоном этому созвездию служила наша библиотека Страсбургского университета, чьи манящие взор сокровища всегда были у нас под рукой» [34, с. 137].

Впрочем, страсбургские ученые не только принимали гостей, но и сами были желанными гостями. Так, М. Блок «активно и достойно представлял Францию в Брюсселе, Генте, Мадриде, Лондоне и Оксфорде – особенно в Лондоне, где перед компетентной аудиторией Лондонской школы экономики был прочитан блестящий доклад ... «Французская сеньория и английский минор» [34, с. 137].

Итак, что в сухом остатке? Не так уж и мало. Оказывается, что для организации успешных междисциплинарных исследований необходимы талантливые исследователи, которые в состоянии выстроить доверительные отношения со специалистами из смежных отраслей знаний, при этом нужно, чтобы исследователи были вовлечены не только в отечественные, но и международные сети научных коммуникаций, и, наконец, они должны иметь возможность пользоваться услугами первоклассной научной библиотеки. Но при всем при том следует помнить, что всё перечисленные выше условия: «невероятное стечение обстоятельств». Поэтому, когда слышны призывы о том, что нужно создавать научные школы, более того, когда на сайтах тех или иных научных учреждений и особенно вузов находишь десятки научных школ, то невольно приходишь к выводу: есть школы и есть школы.

Что же касается конкретных взаимодействий, то обычно, когда речь заходит о междисциплинарности, как о характерной черте исследований, выполненных в рамках школы «Анналов», вспоминают, и не без основания, социологию. И это, действительно, так. Работы социологов начала XX века и в первую очередь Э. Дюркгейма оказали существенное влияние и на становление научного направления, и на его последующее развитие. Показательна в этом отношении работа М. Блока [38], опубликованная в 1932 г. на страницах «Анналов». В данной статье историк рассматривает проблему соответствия между природными регионами (т.е. географическими объектами) и социальными группами, которые, вне всякого сомнения, являются объектами социологии.

Другое направление междисциплинарных исследований, реализованное в рамках школы «Анналов», – взаимодействие историков и географов. Суть этого взаимодействия заключается в том, что «для нас география станет способом по-новому прочесть, оценить, истолковать прошлое Франции в соответствии, разумеется, с нашими собственными научными интересами. Впрочем, географии это ничуть не противопоказано» [9, с. 19].

Более того, в ходе интенсивного обмена идеями и методами на стыке истории и географии, усилиями, прежде всего, Ф. Броделя (но не только его), возникло специфическое научное направление – «геоистория» или, другими словами, историческая география¹.

Подробно влияние школы «Анналов» на французскую географию

¹ В данном случае историческая география, это – не вспомогательная историческая дисциплина, а пограничная научная дисциплина, находящаяся на стыке двух систем

рассмотрено в монографии А. Баттимер [2]. Поэтому здесь мы ограничимся следующими высказываниями французских географов, приведенных в упомянутой книге. Жорж: «Любое воздействие со стороны школы Люсьена Февра и Марка Блока было для нас крайне важным»; Папи: «Annales оказывали, бесспорно, влияние на географов, поскольку удавалось оценить перспективы, открывавшиеся перед историками» [2, с. 191-192]¹.

К этому следует добавить, что и французские географы, оказывали обратное воздействие на последователей школы «Анналов». И это во все не удивительно: и Л. Февр, и особенно М. Блок испытали большое влияние со стороны П. Видаля де ла Блаша². Это воздействие осуществлялось главным образом не столько в теоретическом плане, сколько в инструментарном. Здесь, возможно, следует напомнить, что Видаля де ла Блаш акцентировал внимание на изучении взаимосвязей между человеком и непосредственно окружающей его средой. Как правило, такого рода исследования осуществлялись путем исследования относительно небольших однородных (по условиям жизнедеятельности человека) территориальных образований, за которыми закрепилось название «пеи» (pays). Причём особое значение приобретает «образ жизни». Этим термином во французской географии обозначали поведенческий паттерн, который вырабатывало население, проживающее в пределах того или иного «пея».

Отсюда всего лишь один шаг до следующего методологического посыла, свойственного школе «Анналов», который может быть обозначен, как *особое внимание к исследованию истории ментальностей*, т. е. не сформулированных чётко и не вполне осознаваемых манер мыслить, подчас лишенных логики умственных образов, которые присущи данной эпохе и/или определённой социальной группе. Эти способы ориентации в социальном и природном мире представляют собой своего рода автоматизмы мысли; люди пользуются ими, не вдумываясь в них и не замечая их. Но эти внеличностные установки сознания приобретают тем более принудительный характер, что они не осознаются. «В основе этого перемещения центра научных интересов, – как справедливо отмечал А.Я. Гуревич, – лежит стремление преодолеть тот барьер, который существует между социально-экономической историей, с одной стороны, и историей духовной жизни, с другой» [16, с. 79].

Особенно важно изучение истории ментальностей для сельского общества и сельской экономики, характеризующимися медленными изменениями, отследить которые зачастую можно, только оперируя «временем большой протяженности». Это далеко не всегда осознается современными реформаторами, которые искренне верят, что если в рамках

научного знания – географии и истории. В нашем отечестве ближе всех к такой трактовке исторической географии подошёл Л.Н. Гумилёв.

¹ О том, что этот сюжет, а шире проблема междисциплинарного синтеза в рамках школы «Анналов» всё ещё остаётся объектом научных исследований, свидетельствуют многочисленные публикации, среди которых особо следует отметить монографию С. Фридман «Марк Блок социология и география» [40]. Показательно, что рецензии на эту работу появились практически одновременно и во Франции, и за рубежом, что само по себе весьма показательно [42].

² О П. Видале де ла Блаше и французской географии конца XIX – начала XX веков в: [22]. Что же касается современного состояния французской экономической географии и влияния на её становление Видаля де ла Блаша: [37]. В частности в этой работе мы находим следующую характеристику: «Видаля де ла Блаш наглядно продемонстрировал пространственное понимание экономической деятельности, в которую вовлечены две противостоящие силы: концентрация и дисперсия. Он исследовал роль транспорта, концентрации и поляризации экономической деятельности, городов как структурных элементов регионального пространства в формировании этих сил» [37, р. 323].

национального проекта обеспечить определённый уровень инвестиций в сельское хозяйство, ввести (а не вырастить) те или иные институты, то и проблем в сельской местности просто не останется.

Впрочем, в последние годы становится всё более очевидным, что проблема ментальностей выходит далеко за рамки социальной психологии и истории и всё чаще становится объектом исследования в экономике и менеджменте.

Непосредственно с проблемой изучения истории ментальностей связано ещё одно важное в методологическом отношении положение, а именно: *представление о множественности временных ритмов*. Переход от понятия «монолитное время событийной истории» к понятию «спектр социальных времен», включающему как «время большой протяженности», так и время более быстрых изменений вплоть до краткого, «нервного» времени событий, сопровождался сосредоточением внимания ученых на времени медленных, подспудных изменений. Ф. Бродель особо подчеркивал необходимость включения в поле зрения историков не одних только динамических изменений, но и статических состояний, когда история как бы неподвижна. Именно на этом уровне изучается история ментальностей, ибо они отличаются, как правило, чрезвычайной стабильностью, изменения их заметны только при рассмотрении больших отрезков истории.

В основу представления о множественности временных ритмов Ф. Броделем и его единомышленниками была положена своеобразная концепция «иерархии сил», действующих в истории. Согласно этой концепции различают три основные группы факторов, обладающих собственными ритмами: «постоянства», «структуры» и «конъюнктуры».

«Постоянства» характеризуют, прежде всего, природно-географические условия, в которых существует и развивается общество. «Структуры» это долговременные факторы истории, экономика, социальные институты, духовный строй общества. «Конъюнктуры», напротив, быстро изменчивы; таковы по большей части события политической жизни, изменения в объёмах производства, цен, заработной платы и т. п.

Для нас важно то обстоятельство, что процессы, обладающие различной ритмикой, а равно и структуры, формируемые ими, отличаются сложной пространственной организацией. Это, в частности, находит своё отражение в различной степени освоённости территории и различной степени вовлечённости отдельных местностей в рыночные отношения.

В методологическом плане весьма значимо и *представление о трёхслойной структуре экономики*, разработанное главным образом Ф. Броделем. Сразу же оговоримся, что Ф. Бродель не был здесь пионером. При желании сходные и близкие идеи можно без труда найти и у Дж. Гэлбрейта, и у В.И. Ленина, на что указывает и сам Ф. Бродель. Новизна здесь заключается в другом – концепция трёхслойной структуры экономики используется как инструмент историко-экономического анализа. Ф. Бродель использует этот инструмент для выявления причин становления капитализма, как экономической системы, хотя это вовсе не означает, что этот инструмент не может быть использован не только на уровне мирового хозяйства, но и на других уровнях (региональном и, возможно, локальном).

Если коротко, то трёхслойная структура экономики по Броделю выглядит следующим образом. Под рынком (рыночной экономикой) находится «элементарная «базовая» деятельность, которая встречается повсеместно и масштабы которой попросту фантастичны» [6, с. 34]. Для этой экономики самодостаточности весьма характерно то, что обмен продуктов и услуг протекает в весьма ограниченном пространстве и,

как правило, такая экономическая структура чаще всего встречалась и встречается до сих пор в сельской местности. По этой причине не может быть полноценного изучения истории аграрной экономики и сельского общества в целом, «если невозможно систематически проследить жизнь людей ниже «этажа» рынка» [7, с. 46].

Рынок по Ф. Броделю это и процесс, и результат этого процесса – система, т.е. рынок, с одной стороны, это процесс, образованный совокупностью всех форм обмена, стоит им лишь выйти за рамки самодостаточности, а, с другой, – рынок может быть отождествлен с понятием «рыночная экономика», иными словами, с определённой экономической системой. При этом независимо от того, в каком из двух упомянутых выше смыслах мы рассматриваем «рынок», он всегда (или почти всегда) гетерохронное образование. Чем выше иерархический уровень «рынка», тем больше вероятность встретить в его структуре элементы, возникшие в разные исторические эпохи. В свою очередь над рынком, по мнению Ф. Броделя, «возвышаются активные иерархические социальные структуры» [6, с. 34].

Наконец, последнее по порядку, но не значению, во всяком случае, для авторов данной статьи, положение: пространство это то, что формирует разнообразие социальных и экономических структур. Здесь, по нашему мнению, будет уместно привести мнение Ф. Броделя, который, обосновывая логику своего последнего монографического исследования, одновременно раскрывает характер взаимоотношений между пространством и разнообразием экономических и социальных структур. Итак, «Вначале мы исследуем нашу страну как разнообразный множественный конгломерат автономных краёв» [9, с. 19]. Но эти края (они же «пеи») и области, деревни и города «связаны взаимными обязательствами; рознься, они дополняют друг друга, а торговля и дороги прошивают всю страну насквозь, скрепляя её ещё прочнее» [9, с. 19].

Далее, следует выявление «тех связей, которые превращают сельские и городские территории в более или менее обширные и упорядоченные структуры» [9, с. 20]. Поэтому «Единой Франции не существует; говорить следует о многих Франциях. Более того, не существует и единой Бретани, перед нами – несколько Бретаней, несколько Провансов, несколько Бургундий, Лотарингий, Франш-Конте и Эльзасов» [9, с. 26]. Тут трудно удержаться от параллелей: если существует много Франций, и нет единой Франции, то что говорить тогда о России? о Дальнем Востоке?

Однако выяснить причины пространственного разнообразия экономических и социальных структур и дать соответствующие объяснения можно «лишь прибегнув к помощи различных наук: должны сказать своё слово география (которая и сама по себе – сумма других наук), экономика, политика (точнее, её история), культурология... Между тем, хотя все гуманитарные науки охватывают сразу несколько уровней реальности, каждая из них лучше всего умеет объяснить лишь один аспект этой реальности» [9, с. 40]. Потому и необходимы междисциплинарные исследования, когда речь заходит о пространственном разнообразии условий и форм экономической деятельности.

*Пространство экономики в исследованиях
представителей школы «Анналов» на этапе становления*

Начнём по порядку с начала, т.е. с того периода в эволюции школы «Анналов», когда происходило заложение её методологических основ и одновременно организационное оформление.

Упростим себе задачу и остановимся лишь на работах Л. Февра и

М. Блока, в которых в той или иной мере рассматривались пространственные аспекты экономической деятельности.

Первая работа, которая сделала известным не только имя её автора, но и нарождающейся научной школы была монография М. Блока «Характерные черты французской аграрной истории», изданная в 1931 г. одновременно в Осло и в Париже. Сразу же отметим, что в ней нет ни одной главы, и ни одного параграфа, который был посвящён целиком пространственной организации экономики, вообще, и сельской в частности. В то же время реальное пространство, в котором разворачивается эволюция аграрной экономики Франции, присутствует повсеместно. Но прежде, приведём цитату из работы М. Блока, которая раскрывает её основной методологический посыл: «Только те работы, которые разумно ограничиваются узкими локальными рамками, могут дать необходимые фактические данные для окончательных решений. Но они почти неспособны поставить большие проблемы. Для этого нужны более широкие перспективы, где основные контуры не подвергаются опасности затеряться в тёмной массе мелких фактов» [5, с. 30].

Действительно аграрная эволюция Франции (но с таким же успехом можно сказать и России) содержит огромное разнообразие проблем. «Проблем невероятно сложных, но и заманчивых. Заслуга Блока в том, что он заметил их, а, заметив, решительно вторгся в этот новый мир и открыл его для всех» [34, с. 134]¹.

Возникает законный вопрос, и каким же образом ему это удалось? Прямого ответа в работе – нет, но он был очевиден для Л. Февра: «стоявшие перед ним проблемы могли, оказывается, проясниться с помощью географии» [34, с. 135]. Здесь буквально напрашиваются аналогии с работами отечественных экономистов, которые, исследуя проблемы эволюции сельского хозяйства России, опять-таки широко и продуктивно использовали инструментарий географической науки².

По большому счету, вся первая глава, посвящённая выявлению и описанию основных этапов освоения земли, представляет собой один сюжет, который анализируется с разных сторон, при этом используются разные источники и инструменты, а именно: каким образом происходило взаимодействие между человеком и природной средой в ходе освоения земельных ресурсов³.

Для нас особый интерес представляло то, каким образом на этом фоне происходила эволюция систем расселения, пожалуй, наиболее показательного и в то же самое время наиболее универсального параметра, описывающего состояние экономического пространства. Так, общество X-XI вв., базировавшееся на крайне слабом освоении земельных

¹ Отметим, что вторгся М. Блок в этот мир аграрных проблем не очертя голову, а самым тщательным образом подготовившись. Л. Февр так описал эту подготовку: «Выучил несколько языков, как новых, так и старых. ... В то же самое время начал он приобщаться и к реальным сторонам сельской жизни. К особенностям севооборота. К технике корчевания и расчистки почвы, к технике пахоты и жатвы. И открыл для себя ту необъятную область позональных переписей и планов» [34, с. 134].

² В этой связи можно вспомнить работы А.И. Скворцова, А.С. Ермолова и конечно А.Н. Челинцева, а также организационно-производственную школу в целом. Здесь нет необходимости останавливаться подробно на этом сюжете, тем более, что он был достаточно подробно освещён в целом ряде публикаций в «Пространственной экономике» за 2005 – 2008 гг.

³ Позднее в «Феодалном обществе» [3] М. Блок рассматривает это взаимодействие уже на уровне природная среда и экономика в целом. Много позднее, Ф. Бродель в своей трилогии посвящённой истории Средиземноморья [10-12] сужает временные и пространственные рамки анализа, но добивается большей объясняющей силы в выявлении региональных вариантов взаимодействия экономических и социальных структур, с одной стороны, и природной среды – с другой.

ресурсов, было обществом «разбросанных ячеек, в котором группы людей, маленькие сами по себе, жили, кроме того, далеко друг от друга» [5, с. 45]. Напротив, характеризуя эпоху крупных распахек целины¹, М. Блок обращает внимание на то, что наряду с групповыми поселениями (деревнями разного размера), появляются отдельные крестьянские дворы. При этом он делает весьма важное замечание: «Совсем другое дело – изолированный дом; он предполагает другой социальный режим, другие привычки, возможность и склонность избежать жизни коллективом, локоть к локтю» [5, с. 51]. Иначе говоря, выбор той или иной формы организации экономической деятельности в пространстве, может быть определён не только экономическими причинами, но и ментальными установками.

Интересно и обоснование причин, повлекших около 1300 г. прекращение освоения новых земель. С одной стороны, это дефицит людских ресурсов, но – с другой, и это значимо: «распахка целины могла продолжаться до тех пор, пока это позволяли земледельческие возможности, ибо леса и пустоши нельзя бесконечно превращать в пашни» [5, с. 57-58].

Это в свою очередь связано с тем, что аграрная или точнее сельская экономика, в эпоху крупномасштабных расчисток, и сейчас, и во Франции, и в России, не сводима к экономике сельского хозяйства. Именно это имеет в виду М. Блок, опираясь на многочисленные источники, когда он пишет о том, что «Целые толпы лесовиков, часто возбуждавших подозрения у оседлых людей, бродили по лесам или строили там себе хижины. Это были охотники, углежогы, кузнецы, искатели дикого мёда и воска (...), добыватели золы, которую использовали для выделки стекла или мыла, обдиральщики коры, служившей для дубления кож и плетения верёвок» [5, с. 46].

Но и это ещё не все, так как «главная экономическая роль леса была в другом – в том, чем в наше время мы уже отвыкли его видеть. Свежая листва, молодые побеги, трава подлеска, жёлуди и плоды букковых деревьев леса, прежде всего, кормили скот. Количество свиней, которое могли прокормить различные части леса, было в течение долгих веков, при отсутствии всякого правильного межевания, наиболее обычным мерилом леса. ... Эти стада животных жили почти в диком состоянии» [5, с. 47].

Конечно, теперь стада животных не кормятся дарами леса, и конечно, не бродят по лесам Франции «добыватели золы», но сама природа сельской экономики, её зависимость от состояния природной среды и возможностей её адаптации к антропогенным воздействиям, сохранилась.

Вторая группа вопросов, находившаяся в центре внимания М. Блока, это эволюция землевладения, которая протекает на фоне процесса освоения земель. Для начала приведём описание того, что М. Блок обозначил как «старое землевладение». Итак, «Не было ни одной деревни, ни одного хозяйства, которые бы не отводили под хлеб лучшие свои поля. Хлеб возделывался даже в тех округах, где природа, казалось бы препятствовала этому... Условия жизни долгое время препятствовали всякой рациональной специализации земель... Обмен ... в течение долгих веков был редким и затруднённым ... для того, чтобы в стране установилась экономика, основанная на обмене, для этого недостаточно общей

¹ О значении этого периода в истории не только Франции, но и Европы можно судить по следующему фрагменту из работы М. Блока: «Около 1050 года (в некоторых районах с особо благоприятными условиями, как например в Нормандии или Фландрии, возможно несколько раньше, в других – несколько позже) началась новая эра, которая закончилась только к концу XIII века, – эра крупных распахек целины, давшая, по всей видимости, наибольшее приращение обработанной площади, когда-либо имевшее место в нашей стране с доисторических времён» [5, с. 45-46].

обстановки. Необходимо, чтобы у масс возникла психология покупателя и продавца» [5, с. 63-64].

Такова общая картина. Комментировать здесь практически нечего: все черты присущие сельской экономике того периода, прописаны предельно чётко. Если и есть на что обратить особое внимание, так это на то, что для формирования рыночной экономики недостаточно экономических условий, необходимо, чтобы в массе населения утвердилась «психология покупателя и продавца». Именно этот фактор, к сожалению, не был учтён в России, когда мы все вошли в полосу радикальных рыночных реформ.

Теперь ещё одна цитата, содержание которой даёт основание говорить о том, что хотя зерновое хозяйство доминировало, тем не менее, были и исключения: «земли, расположенные поблизости от большого торгового пути, могли осмелиться нарушать ... традиционные принципы...связи между областями были очень слабые, а вино, благодаря алкоголю и вкусовым качествам, требовалось везде, а также для культовых целей» [5, с. 64-65].

Что же касаемо аграрных порядков, которые существовали во Франции на протяжении нескольких столетий практически в неизменном виде, то здесь целесообразно обратить внимание на следующие выводы, к которым приходит М. Блок, и которые вовсе не потеряли своей актуальности, во всяком случае, для России.

Первый из них – *«Любой аграрный распорядок характеризуется не только последовательностью культур. Каждый из них представляет сложный комплекс технических приёмов и принципов социальной организации»* [5, с. 77]¹.

Очень важный вывод, как говорится, на все времена. К сожалению, насколько он очевиден, настолько он труден для того, чтобы использовать его в процессах реформирования сельской экономики. Так, как с одной стороны, он имеет технологическую составляющую, и в этой части всё достаточно просто: нет техники, удобрений, семян и т.п. – выделяем необходимые финансовые ресурсы и приобретаем всё что необходимо². Что же касается второй составляющей – социальной, то проблемы, корящиеся в ней, не имеют простых решений.

Здесь самое время обратиться к ещё одному выводу, которой был сделан М. Блоком: «Сельское общество состояло из классов, причём резко разграниченных. Однако богатые, как и бедные, подчинялись традиционному закону своей группы, которая была хранительницей, как некоторого социального равновесия, так и соотношений между различными формами обработки земли» [5, с. 89].

Опять-таки трудно кого сейчас удивить тем, что в сельской местности большое значение имеют неформализованные механизмы координации, в том числе и экономической деятельности³. В частности, очень часто забывают, что право это не только совокупность норм и правил, утверждённых законодателем, но и традиционное право. Отсюда возникают неоправданные ожидания, связанные с законодательной деятельностью: будет хороший закон, и всё будет работать как надо.

И ещё одно обстоятельство, на которое обращает М. Блок: «каждый аграрный обычай есть прежде всего выражение определённого образа

¹ Отметим, что этот тезис можно найти и в работах отечественных экономистов, занимавшихся исследованием аграрных проблем в первой четверти XX века.

² Конечно, мы здесь намеренно огрубил ситуацию.

³ У Блока по этому поводу есть замечательное наблюдение: «Общинные сервитуты были обязаны своей основной силой могуществу общественного мнения» [5, с. 239]. В этой связи нам осталось только определиться с ответом на вопрос: а нам нужно общественное мнение?

мыслей» [5, с. 100]. А этот образ мыслей крайне трудно поддается изменениям. Не случайно, идея, что посредством распыления парцелл можно уравнивать шансы всех пользователей общинных угодий, настолько укоренилась в крестьянском сознании, что дожила до времени написания М. Блоком книги.

Наконец, мы подходим, к тому выводу, который интересует нас в наибольшей степени. У Блока он сформулирован следующим образом: «Следует признать, что подобно тому, как языковые явления не легко группируются в диалекты (границы различных лингвистических особенностей не совпадают точно друг с другом), так и явления аграрной жизни нельзя заключить в такие географические рамки, которые были бы строго одинаковыми для всех категорий родственных явлений» [5, с. 103].

Наверное, это суждение справедливо не только в отношении «явлений аграрной жизни». Позднее, Ф. Бродель облёк это суждение в форму вопроса: «В самом деле, какие границы, можно установить, когда речь идёт не о растениях или о животных, рельефе или климате, но о людях, не стесняемых никакими рамками, преодолевающих все преграды?» [10, с. 237].

Следует ли эти два суждения двух представителей школы «Анналов», принадлежащих разным поколениям, считать свидетельствами принципиальной невозможности установления границ экономических, лингвистических, аграрных и иных районов, порождённых человеческой деятельностью?

Обращение к текстам цитированных выше работ даёт все основания, говорить о том, что, как правило, районы, которыми оперируют исследователи социальных процессов и структур, не отличаются постоянством своих границ. Это справедливо даже в отношении тех структур и процессов, которые отличаются малой изменчивостью. И здесь нет никакого противоречия: природная среда действительно может быть практически неизменной, но социальные («социальное» в данном случае имеет самую широкую трактовку, как антитеза природному) районы формируются в результате деятельности людей¹.

Теперь следует попытаться ответить на вопрос: а зачем в ходе исследования эволюции сельской экономики (или иных столь же сложных социальных структур) следует использовать районирование. Ответ М. Блока: «Учитывая разнообразие промежуточных районов, где всегда были благоприятные условия для процветания смешанных типов, и, оставая в стороне различные взаимодействия, можно всё же различить во Франции три главных типа аграрной цивилизации, тесно связанных как с природными условиями, так и с историей общества» [5, с. 103].

Оказывается всё просто: районирование, в основу которого положены, с одной стороны факторы природного характера, а с другой – социального позволяет выделить типы эволюционных процессов; что само по себе не так уж и мало. Хотя бы уже потому, что выделение типов эволюционных процессов даёт основание для дифференциации государственной аграрной или шире экономической политики.

Опустим детали, имеющие отношение к эволюции сеньориального землевладения во Франции² и отметим лишь несколько результатов, на которые следует обратить внимание.

Это, во-первых, следствие, идущее из констатации того факта, что

¹ Здесь можно вспомнить опять-таки Ф. Броделя: «Средиземноморье ... таково, каким его сделали люди» [10, с. 237].

² Хотя и здесь есть, как минимум один сюжет, представляющий несомненный интерес, который затем вновь возникнет в «Феодальном обществе» – территориальное распространение сеньориального землевладения.

XIV в. во Франции это «завоевание земли буржуазией, быстро укрепившей свои позиции», суть которого заключается в том, что «новым людям присущ новый дух» [5, с. 180-181]. По поводу «нового духа», можно много о чём вспомнить (М. Вебера, Й. Хейзингу), но можно обратиться к А.П. Чехову и его пьесе «Вишнёвый сад».

Во-вторых, «нет ничего выгоднее, чем вести хозяйство самому, но если это делается разумно. А это предполагает постоянное жительство на одном месте» [5, с. 189]. Не здесь ли кроется причина неудач крупных отечественных компаний, которые возжелали войти в агробизнес? Оказывается, есть специфика в организации управления в экономике сельской и в «городской». Нежелание учитывать это обстоятельство, механически перенося системы и процедуры из сферы корпоративного (промышленного, по преимуществу) менеджмента в сферу сельской экономики сопровождается потерями не только экономическими, но и социальными. Но оставим на время современную Россию, и вернёмся к М. Блоку, тем более что анализ социальных групп представляет для нас непосредственный интерес.

В частности, анализируя различные социальные группы, эволюционирующие в рамках сельского общества: деревня, сеньория, семейная община или манс (крестьянское семейное хозяйство) М. Блок всякий раз акцентирует, что эти группы всегда были одновременно и социальной, и территориальной единицей.

Интересно и наблюдение М. Блока о пространственных границах сельской общины, которые, как правило, подчинялись различным правилам (преимущественно неформальным) совместной эксплуатации земельных, лесных и водных ресурсов. Интересно, что когда дело доходило до эксплуатации особо ценных ресурсов, то это служило «иногда причиной объединения более обширных человеческих групп, чем одна деревня». В частности, таковыми были «ширенейские «долины» – конфедерации, скрепляющим элементом которых были пастбища» [5, с. 240]. Иначе говоря, при определённых условиях, обычно при совпадении экономических интересов по поводу совместного использования природных ресурсов, сельские общины формировали территориальные экономические системы, отличавшиеся к тому же устойчивостью.

Что же касается характера границ сельских обществ, то он менялся от места к месту. Так, границы сельской общины были «особенно четкими в областях открытых полей, являвшихся вместе с тем районами очень плотного населения» [5, с. 240]. И, напротив, имели весьма призрачный характер в малонаселённых районах.

Не менее интересны мысли Блока и по поводу агротехнического переворота, который он рассматривает, как явление европейского масштаба. Приведём одну из них: «Кто говорит об истории техники – говорит об истории контактов между умами. Подобно всем другим переменам того же порядка, источником распространения аграрных преобразований стали несколько пунктов, которые оказали своё влияние на людей. Это были министерства или интендантства, где вскоре нашлись люди, ставшие на сторону новой агрономии; сельскохозяйственные общества, официальные более чем на половину; особенно эти более скромные, но и более эффективные центры, которыми становились в самой деревне отдельные разумно обрабатываемые имения. Инициатива редко исходила от крестьян» [5, с. 280].

Комментировать здесь практически нечего – всё достаточно очевидно, как, впрочем, и напрашивающиеся аналогии с сегодняшней Россией. Нужны не национальные краткосрочные проекты, а систематическая работа, рассчитанная на многие годы, которая предполагает выращивание целого ряда институтов (сельскохозяйственных обществ,

кооперативов, опытных полей и ферм пр. и пр.), так как надеяться, что инициатива будет исходить от крестьян вряд ли стоит, во всяком случае, на начальном этапе реформирования.

Далее было бы логично, рассмотреть, а что же с современной Францией, но современная Франция – это Франция между двумя Мировыми войнами. Поэтому мы ограничимся тем, что вслед за М. Блоком повторим ещё раз: «чтобы показать всё многообразие и основные черты сегодняшней аграрной Франции ... надо прежде всего обратиться к развитию аграрной Франции XV-XVII веков» [5, с. 205].

Если не абсолютизировать место (Франция) и время (XVI-XVII вв.), то очевидно, что это ключевой методологический тезис, причём не только данного исследования, но и всей школы «Анналов». Понять, а следовательно, иметь возможность прогнозировать эволюцию экономических и социальных структур можно, если обратиться к предшествующим этапам, т.е. к истории.

Завершая, конечно не полный обзор работ М. Блока, считаем важным привести мнение его старшего коллеги и единомышленника Л. Февра: «Блок не был поставщиком систем. Он был искателем. «Характерные черты» были для него не самоцелью, а, скорее, отправной точкой» [34, с. 136]. Действительно, далее были «Феодальное общество» и «Апология истории или ремесло историка». И, если в первой из них Блок анализирует процессы эволюции уже не только сельской экономики, но общества в целом, то во второй (своёобразном завещании учёного) он развивает методологию исторического исследования социальных и экономических структур.

Но идеи, заложенные Л. Февром и М. Блоком, оказали влияние и получили развитие не только в работах второго и третьего поколения школы «Анналов», но и послужили отправной точкой для построения теоретических моделей в социологии и экономике.

Здесь невольно приходит мысль о том, что работы Л. Февра и особенно М. Блока во многом предвосхитили теории эволюционной экономики (Р. Нельсон, У. Дж. Уинтер), с одной стороны, и многие идеи, которые затем успешно разрабатывались не одним поколением французских экономистов пространственников (Ф. Перру, Ж. Будвиль, К. Понсар, А. Лицец, Ф. Айдало) – с другой¹. Поэтому не случайно, Франция оказалась той страной, «где богатая традиция политической географии и исторической школы «Анналов» через какое-то время породила множество исследований, в основе которых лежало пространство» [23, с. 70].

Окончание следует

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Фернан Бродель и гуманитарное знание / Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006. С. XIII-XXVIII.
2. Баттимер А. Путь в географию. М.: Прогресс, 1990. 440 с.
3. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.

¹ Подробно о французских экономистах-пространственниках [32].

4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973.
5. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М.: ИЛ, 1957. 314 с.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I. Структура повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд. М.: Весь Мир, 2006. 592 с.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. II. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
8. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. III. Время мира. М.: Прогресс, 1992. 680 с.
9. Бродель Ф. Что такое Франция? В 2 т. Т. I. Пространство и история. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1994. 406 с.
10. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
11. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.II. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
12. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.III. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004. 640 с.
13. Буайе Р. Теория регуляции. Критический анализ. М.: Наука для общества, 1997. 213 с.
14. Гуревич А.Я. Марк Блок и «Апология истории» / Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. С. 170-208.
15. Гуревич А.Я. «Новая историческая школа» во Франции: достижения и трудности / История и историки 1981. М., 1985.
16. Гуревич А.Я. Проблема ментальности в современной историографии / Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып.1.М.:1989. С.75-89.
17. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра / Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С.501-541.
18. Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции / Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992.
19. Гуревич А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и «временной большой длительности» / Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: Ч.III. События. Политика. Люди. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.508-535.
20. Даллин В.М. Историки Франции. М., 1981.
21. Демьяненко А.Н., Дятлова Л.А. Школа «Анналов» и геоистория / Демьяненко А.Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2003. С.47-53.
22. Джеймс П., Мартин Дж. Все возможные миры. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
23. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С.67-116.
24. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. 224 с.
25. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
26. Ле Гофф Ж. Существовала ли французская школа «Annales» / Французский ежегодник 1969. М.: Наука, 1970.
27. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010.

№ 2. С. 6-32.

28. Пименова Л.А. *Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации* // THESIS. 1993. № 1. С.203-213.

29. Ревель Ж. *История и социальные науки во Франции. На примере эволюции школы «Анналов»* // Новая и новейшая история. 1998. № 6.

30. Смирнов В.П. Фернан Бродель: жизнь и труды / Французский ежегодник 2002. М.: 2002.

31. Суслов В.И. *Стратегия экономического развития макрорегиона: подходы к разработке, структура, модели* // Регион. 2009. № 4. С.3-32.

32. Украинский В.Н. *Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем* // Пространственная экономика. 2011. № 2. С.92-126.

33. Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. 630 с.

34. Февр Л. *Марк Блок в Страсбурге* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С. 13-145.

35. Февр Л. *Проблема «человеческой географии»* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С.159-175.

36. Февр Л. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II* / Февр Л. *Бои за историю*. М.: Наука, 1991. С.176-186.

37. Benko G., Desbiens C. *French Economic Geography: Introduction to the Special Issue* // *Economic Geography*. 2004. Vol. 80. № 4. Pp.323-327.

38. Bloch M. *Regions naturelles et groupes sociaux* // *Annales d'histoire economique et sociale*. N 17, 1932. Pp.489-510.

39. Braudel F. *Marc Bloc a l'honneur* // *Annales. Economies. Societes. Civilisations*. 1959. № 1. Pp.91-92.

40. Friedman S. W. *Marc Bloch, Sociology and Geography: Encountering Changing Disciplines*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 258 p.

41. Kerblay B. *L'evolution de l'alimentation rurale en Russie (1896-1960)* // *Annales. Economies. Societes. Civilisations*. 1962. № 5. Pp.885-913.

42. Pitte J-R. *Quand l'histoire et la geographie se frequentaient* // *Annales de Geographie*/ 1998. № 601. Pp.337-338.

УДК 338. 47

Вахненко Р.В.

Региональные аспекты трансформации пассажи́рских связей в рыночных условиях (на примере российского Дальнего Востока)

**Regional aspects of transformation of passenger communications
under market conditions
(by example of the Russian Far East)**

В статье анализируются современное положение и тенденции развития пассажирских связей населения Дальнего Востока в новых рыночных условиях. Проблема пространственного взаимодействия для населения актуальна и не является новой для региона, но изменились факторы, оказывающие влияние на этот процесс, изменились возможности и условия поездок. Рассматриваются возможности преломления сложившейся ситуации для улучшения транспортного обслуживания населения.

Ключевые слова: *транспорт, подвижность населения, регион, Дальний Восток, интенсивность пассажирских связей.*

In the article the current situation and tendencies of the development of passenger communications between the Far Eastern population and new market conditions are analyzed. The problem of spatial interaction for population is actual and is not new for the region. Nevertheless, possibilities and conditions for trips but the factors influencing this process have changed. The possibilities to change the current situation for improvement of transport services of the population are considered.

Key words: *transport, population mobility, the region, the Far East, intensity of passenger communications.*

В сегодняшней ситуации выявление динамики перемен, анализ тенденций становления новых форм и факторов, ускоряющих или тормозящих развитие транспортной подвижности населения, представляется актуальным направлением научных исследований. Актуальность изучения транспортной подвижности предопределена резким спадом пассажирских перевозок на всех видах транспорта, возникших в связи с низкой платёжеспособностью населения и высокими транспортными тарифами на проезд. Глубина и серьёзность транспортных проблем на Дальнем Востоке требует постоянного отслеживания и оценки происходящих процессов.

Транспортная мобильность населения рассматривается нами, прежде всего, как инструмент анализа, для поиска внутренних закономер-

ВАХНЕНКО Римма Васильевна, к.г.н., старший научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** vahnenko@tig.dvo.ru

ностей, для уяснения важнейших проблем качества жизни населения. Являясь проявлением социальной деятельности людей, транспортная подвижность населения зависит с одной стороны от объективных экономических, социальных и естественных условий, с другой – от индивидуальной реакции населения на эти условия.

Общая картина транспортного обслуживания и подвижности населения в регионе. Проблема транспортной подвижности населения – многоаспектна и тесно связана с вопросами экономики, демографии, инфраструктурной обустроенности, геополитического положения и т.д. Для Дальнего Востока существуют общие и резко отличающие его от других регионов России условия транспортных взаимосвязей. Общими чертами являются снижение масштабов поездок и минимизация обязательных передвижений.

Транспортная подвижность населения во многом определяется уровнем развития и функционирования транспортной инфраструктуры. Важную особенность пассажирских перевозок составляет неравномерность распределения транспортной сети по территории. Если в европейской части России магистральный транспорт соединяет и пересекает практически все главные города, то на Дальнем Востоке далеко не так.

Проблема надёжной транспортной обслуженности и доступности территории всегда была актуальна для Дальнего Востока, а в условиях рынка она ещё более обострилась. В годы перестройки существующая схема транспортных связей резко изменила характер своей деятельности. Прекратили действовать регулярные каботажные морские линии, которые связывали между собой прибрежные тихоокеанские поселения. Подавляющее большинство местных воздушных аэропортов закрылись, а ведь качество жизни в регионе напрямую зависит от транспортной доступности. Ограничение мобильности существенным образом влияет на территориальную целостность региона, вызывает социально-культурные проблемы.

На Дальнем Востоке объективно больше, чем в центральных районах страны, затраты на передвижения. Ведь перевозки пассажиров на 200-300 км стоят дешевле, нежели на 7-10 тыс. километров. Нейтрализовать издержки от снижения объёма внутренних перевозок сложно. Тарифы растут, повышаются цены на электроэнергию, топливо и т.д. Дальневосточники от этого страдают больше, чем те, кто проживает в центральной России.

Сравнительный анализ транспортной подвижности населения Дальнего Востока показывает, что за период с 1990 по 2000 гг. интенсивность пассажирских связей значительно снизилась. Число поездок на одного жителя в год в среднем по региону стало в 4 раза меньше, чем в 1990 г. и в 6 раз меньше, чем в среднем по России [1].

Транспортная подвижность населения является своеобразным показателем уровня жизни и поэтому проблема снижения активности в поездках рассматривается нами как один из важнейших элементов дестабилизации устойчивого развития региона.

Межпоселённые поездки это один из важнейших индикаторов отражающих трансформацию территориальных структур расселения и служат катализатором развития и изменения в жизни общества. Высокие транспортные тарифы стали одним из факторов, способствующих дальнейшей депопуляции региона. За период с 1990 по 2010 гг. существенно ухудшилась демографическая ситуация, численность постоянного населения на Дальнем Востоке сократилось с 8 до 6,4 млн. человек. Ни один регион России не имеет таких потерь.

Ключевой проблемой региона является то, что на сегодня связи с центром страны доступны далеко не всем. Материальный уровень жиз-

ни населения, находится в числе основных факторов, определяющих транспортную подвижность населения. Глубокую бедность и социальное неблагополучие значительной части населения региона отражают данные Комитета государственной статистики по уровню доходов населения. Например, средний доход россиянина составляет 15 тыс. 421 рубль. На Дальнем Востоке средний доход на душу населения 15 700 рублей. Среднестатистический житель Сахалина зарабатывает 23 100 руб., Чукотки – 22 073, Магаданской области – 21 054, Камчатки – 20 300, Якутии – 18 572, Хабаровского края – 15 256, Амурской области – 13 295, Приморского края – 12 800. Самую большую зарплату по-прежнему получают москвичи – средний доход на душу населения в столице составляет 41 500 [4].

Из-за больших расстояний и высоких тарифов пассажирские перевозки являются для населения высоко затратными (табл. 1). Ограниченные финансовые возможности основной части населения приводят к необходимости отказываться от регулярных поездов.

Таблица 1. Конкурентоспособность железнодорожного и воздушного транспорта по маршруту Владивосток-Москва (на 2009 г)

Параметры	Самолёт	Поезд (СВ)
Стоимость поездки, руб.	9,5-28 тыс руб	12 162 руб
Продолжительность поездки, час.	8 час ИЛ-86	6 суток 12 часов
Вес багажа, разрешенного к бесплатному провозу, кг.	20 кг	36 кг, вагон СВ – 50 кг

Одним из показателей социального дискомфорта пассажиров является нарушение выполнения расписания движения пассажирских поездов, автобусов и самолётов. Например, в Приморском крае удельный вес авиарейсов без опоздания в 2008 г. составил 65,8 %, пассажирских поездов проследовавших без опоздания – 91,2%. И в настоящее время ситуация по-прежнему продолжает оставаться сложной. Элементы рынка (частная собственность, конкуренция, либерализация цен) оказывают чаще всего негативное влияние на транспортную подвижность населения региона.

Особенности железнодорожных пассажирских перевозок. Железнодорожный транспорт на Дальнем Востоке имеет колоссальное значение, поскольку других способов сообщения наземным транспортом с центральной Россией здесь просто нет. Опорным элементом транспортной инфраструктуры для региона можно рассматривать Транссиб, по которому идёт основной пассажиропоток. Другая меридиональная железнодорожная линия – БАМ отличается неразвитостью транспортного сообщения. Полностью отсутствует магистральный железнодорожный транспорт в Магаданской области, Камчатском крае и на Чукотке.

Характерной чертой в мобильности населения является высокий уровень снижения железнодорожных поездов. Вместе с тем, железнодорожный транспорт, связывающий воедино огромные пространства, некогда являлся одним из самых востребованных на рынке услуг по перевозке пассажиров.

Резкое падение пассажирских перевозок и снижение числа пользователей услугами железнодорожного транспорта отмечается в Хаба-

ровском крае, Амурской и Еврейской Автономной областях. В Приморском крае в 2010 г. сократилось отправление пассажирских поездов по сравнению с 2009 г. в 2,2 раза и составило 2454 единицы. Число пригородных поездов уменьшилось на 8 % (16428). Сложившееся положение фиксирует серьёзное неблагополучие на внешнем транспорте. Однако некоторые позитивные изменения в обслуживании пассажиров железнодорожным транспортом всё же есть. В ближайшие годы планируется реконструировать линию Комсомольск-Ванино. На маршруте Хабаровск-Благовещёнск начал курсировать (с 2007 г.) скорый поезд «Амурский экспресс».

Одним из перспективных направлений развития железнодорожных пассажирских перевозок является развитие высокоскоростного сообщения. Высокая скорость открывает большие возможности в повышении конкурентоспособности железных дорог по сравнению с другими видами транспорта и способствует высокой мобильности населения. (Средняя скорость пассажирских поездов 49-50 км/час, высокоскоростное движение свыше – 150 км/час).

Актуальны в регионе вопросы организации пассажирских перевозок, технического содержания и использования вагонов по так называемым малодейственным железнодорожным линиям. Пассажиров они перевозят мало, зато их содержание в мало-мальски пригодном состоянии обходится весьма недёшево. Самые большие убытки дают грузопассажирские поезда на Тынду, Советскую Гавань, на Комсомольск-на-Амуре и др. Малодейственные местные железные дороги на Дальнем Востоке могут получить вторую жизнь только при активном экономическом развитии региона.

И всё же железнодорожный транспорт остаётся одним из самых востребованных видов общественного транспорта. Так, ежегодно через железнодорожный вокзал Владивостока проходят более 20 млн. пассажиров пригородного и дальнего сообщения, в т.ч. иностранные туристы, совершающие поездки по Транссибу. Одной из важнейших задач в обслуживании пассажиров на железнодорожном транспорте является не только обеспечение надёжности сообщения, но и значительное повышение комфортности поездок, за счёт внедрения новых технологий.

Особенности использования воздушного транспорта. Среди всех регионов России, пожалуй, Дальний Восток отличается наиболее высокой востребованностью воздушных перевозок. Очаговая освоенность территории и огромные расстояния между поселениями при отсутствии наземных путей сообщения обуславливают широкое использование авиации. В регионе более 60 % пассажирооборота в междугородном сообщении выполняется воздушным транспортом. Удельный вес этого вида транспорта в общем объёме пассажирских перевозок в 2 раза выше, чем в среднем по стране. Причём, в северных районах в данном виде сообщений доля авиации превышает 90 %.

Некогда доступный вид транспортного сообщения – воздушный – стал практически недостижим для подавляющего большинства населения. За годы перестройки прекратили своё существование многие провинциальные аэропорты. Из 830 аэропортов на Дальнем Востоке осталось не более 150 [2].

В своё время вся территория региона была покрыта густой сетью местных авиалиний. Авиaperезовки между населёнными пунктами региона были также доступны, как и автомобильные – в южной его части. Внутренние рейсы из крупных районных центров, например, в Магадан, Комсомольск-на-Амуре, Петропавловск-Камчатский совершались по нескольку раз в день.

К особенностям региона относится то, что даже местные внутри-

региональные воздушные линии имеют значительную протяжённость, которая зачастую превышает 1000 км. В европейской части страны с её высокой плотностью населения перевозки пассажиров на такие расстояния соответствуют межреспубликанским и межобластным связям.

Сегодня авиакомпании, работающие на внутренних рейсах, выживают за счёт дотационных подпиток из региональных бюджетов и ограничиваются лишь чартерными рейсами, в основном по заказу крупных горнодобывающих предприятий. В жёстких рыночных условиях необходимо снижение тарифа на авиаперевозки до уровня, обеспечивающего транспортную доступность для населения.

В последние годы ведущие региональные аэропорты постепенно выходят из кризисного положения. По итогам 2008 г. по объёму пассажирских авиаперевозок Владивостокский международный аэропорт занимал лидирующее место в Дальневосточном регионе. Но, следует заметить, что почти четверть часть пассажиров была перевезена на международных направлениях. Однако ситуация постоянно меняется. Например, в 2010 г. перевозки на воздушном транспорте возросли на 16,4 % (по сравнению с 2009 годом), но удельный вес международных перевозок на воздушном транспорте составил 9,8%, снизившись на 6,3 %. Это тенденция говорит о том, что перевозки пассажиров воздушным транспортом в межрегиональном сообщении имеют тенденцию роста [3].

Для устойчивого обеспечения надёжных связей с Сибирью, Уралом и Европейской Россией для населения региона необходим комплекс мер развития транспортной инфраструктуры и социальных гарантий на проезд. В этом направлении наметились кое-какие сдвиги. Так, с апреля 2009 года для наиболее слабо защищённых слоёв общества (для лиц в возрасте до 23 лет и старше 60) была введена 50% льгота на авиаперелёты с Дальнего Востока в западные районы страны – в Москву, Санкт-Петербург и Сочи. Опыт показал, что государственные субсидии на авиаперевозки широко востребованы и возможностью путешествовать с меньшими затратами воспользовались только в Приморском крае более 160 тыс. граждан России.

В 2010 г. в рамках выполнения правительственной программы субсидирования воздушных перевозок государство взяло на себя расходы при перелётах внутри Республики Саха. К маршрутам в европейскую часть России добавились местные авиалинии внутри ДВФО из Магадана, Якутска, Анадыря, Петропавловска-Камчатского во Владивосток и обратно. Благодаря популярности данной социальной программы, и за счёт расширения географии полётов жители северных территорий смогут проводить свой летний отпуск на юге региона, на побережье сравнительно тёплого Японского моря.

По мнению экспертов, социальная политика, направленная на поддержку населения в предоставлении льгот на авиаперелёты, призвана стать важным элементом смягчения негативных последствий функционирования рынка. Меры, предпринимаемые властями, во многом зависят от их экономических возможностей. Однако их реализация способствует повышению доверия к действиям властей и ведёт к более быстрому восстановлению связей между субъектами Дальневосточного федерального округа.

Роль автомобилизации в транспортной подвижности населения. Пожалуй, нет другого такого фактора, который бы так сильно изменил нашу повседневную жизнь как автомобиль. Растущая автомобилизация граждан становится символом нового образа жизни, который формируется в России. Усиление потенциала мобильности проявляется в таких показателях, как возрастание числа лиц, имеющих водительские удостоверения, увеличивается число автотранспортных средств в расчёте

на одного потенциального водителя и т.д.

Фактор автотранспортной подвижности населения в современном обществе приобретает всё более определяющий характер. Использование индивидуальных легковых автомобилей значительно повышает качество личной жизни населения, расширяет зоны транспортной доступности организующих центров территории, способствует приросту вновь осваиваемых территорий под застройку. Закономерным следствием автомобилизации является наличие возможностей более широкого выбора мест отдыха.

За последние десятилетия процесс уровня автомобилизации проходит ускоренными темпами. Его рост в регионе является не только результатом открытой внешней политики, но и объективным следствием модернизации общества и связанными с ней социально-экономическими процессами. *Рис. 1* показывает, что уровень автомобилизации населения идёт по нарастающей.

Учитывая современный уровень автомобилизации населения, следует отметить, что существующая сеть дорог, по своим параметрам не соответствует ни сегодняшним, ни тем более перспективным транспортным потокам. Развитие автодорожной сети, по-прежнему, отстаёт от темпов автомобилизации населения. В регионе необходимы новые автомобильные дороги с надёжным асфальтобетонным покрытием.

Международные поездки. В условиях становления рыночных отношений – возросло значение таких экономико-географических факторов как международная интеграция. Открытая внешнеэкономическая политика государства послужила дополнительным толчком роста транспортной подвижности населения. Характерной чертой нового времени является кардинальное изменение межстранового пассажирского взаимодействия с соседними государствами. В структуре международного выездного пассажиропотока приоритетна роль Китая. Так, например, поездки в КНР из Приморского края составляют 96,6 %, в Республику Корея – 1,1 %, в Таиланд и Японию – менее 1,4 % (каждое из направлений). Преимущественное направление поездок в КНР определяется непосредственной близостью, доступностью поездок по финансовым затратам и дешевизной шопинга.

Количество российских туристов, ежегодно посещающих провинцию Хейлунцзян, с 1990 по 1999 гг. увеличилось в 21 раз с 13,1 до 280 тысяч человек, а в 2005 году этот поток составил уже 828 тыс. человек. Динамика международных связей в последние 20 лет была неровной. Подвижность населения носит циклический характер и зависит от экономической ситуации (дефолт 1998 г.), форс-мажорных обстоятельств (цунами, атипичная пневмония 2003 г.), чутко реагирует на административно-командные решения. Последний пример. С января 2009 г. таможенные органы России ввели ограничения на челночный бизнес. Это привело к снижению пассажиропотока в приграничный Китай и в результате через Дальневосточное таможенное управление в 2009 г. прошло не 5,5 млн. пассажиров, как в 2008 году, а чуть более 3 млн. человек. Количество пассажиров только через пункт Суйфэньхэ в 2009 г. сократилось на 60 % до 330 тыс. человек, тогда как в 2008 г. их было 825 тыс. Но всё же пассажиропоток как таковой не иссяк, и по экспертным оценкам в перспективе увеличится спрос на оздоровительно-познавательные туры, а поездки будут носить более цивилизованный характер.

Выводы: Проведённое исследование пространственной мобильности населения в регионе показало, что дальние социальные связи (поездки к родственникам, на отдых, на учёбу и т.д. – в европейскую часть страны), лежащие в основе подвижности населения в 80-х годах, всё более утрачиваются. Ещё совсем недавно развитие пассажирских связей в

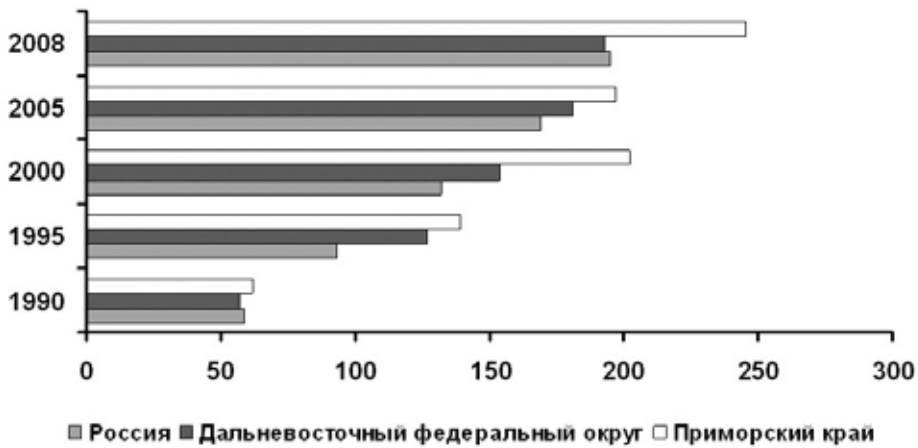

Рис. 1. Сравнительная характеристика уровня автомобилизации населения. (число машин на 1000 жителей)

регионе было ориентировано в основном на перевозки внутри страны.

Возможности дальнейшего роста транспортной подвижности населения в межрегиональных связях зависят от инновационной стратегии развития транспортной инфраструктуры и государственной поддержки населению, а также от реального снижения транспортных тарифов и повышения жизненного уровня населения.

В практическом плане анализ транспортной мобильности населения является необходимым условием комплексного информационно-аналитического обеспечения для принятия ключевых государственных решений, для выявления приоритетных задач в формировании региональных транспортных потоков, а в будущем и трансконтинентальных потоках.

Литература

1. Вахненко Р.В. Транспорт как социально-коммуникационная среда // Социальная география, регионы России и сопредельных территорий: фундаментальные и прикладные исследования. Научные труды. Всерос. науч. конф. Иркутск: ИГ, 2008. Том 2. С. 164-167.
2. Петров Е. Под крылом самолета // Дальневосточный капитал. Региональный журнал деловых кругов Дальнего Востока. Владивосток. 2008. № 6. С. 32-34
3. Транспорт в Приморском крае. Статистический сборник. Владивосток. 2010. 54 с.
4. Уровень доходов // Утро Востока. №4, 25 сентября 2009.

УДК [947.083:343.352](571.63)

Позняк Т.З.

Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века

The Chinese immigrants and corruption of the officials on the Russian Far East in the beginning of XX century

Статья посвящена коррупционным практикам дальневосточного чиновничества и полиции, связанным китайской иммиграцией на российский Дальний Восток в начале XX в. В статье обобщены и проанализированы материалы служебных расследований по делам о коррупции во Владивостокской полиции, большая часть из них впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: коррупция, китайские иммигранты, российский Дальний Восток, дореволюционная история, проституция, преступность, полиция, чиновничество.

The article is devoted to corruption practices of the fareasten bureaucracy and police, connected with the Chinese immigration to the Russian Far East in the beginning of XX century. The author generalizes and analyzes materials of service investigations on affairs about corruption in the Vladivostok police, the most part from them is used in such scientific investigation for the first time.

Key words: Chinese immigrants, the Russian Far East, prerevolutionary history, prostitution, police, crime, corruption, officials.

Рост общественного и научного интереса к проблеме коррупции в современной России вполне обоснован. По оценкам экспертного сообщества, общий объём коррупционного оборота в России оценивался в 250-300 млрд. долл. в год, наша страна по индексу восприятия коррупции в 2008 г. занимала 143 место в мире из 180 [5, с. 70-71]. Несмотря на то, что власти демонстрируют решимость в борьбе с этим явлением не только на уровне обсуждения, но и на уровне принятия законодательных и практических мер, проблема остаётся по-прежнему нерешённой [3, с. 30-32]. В области изучения коррупции в России лидируют экономисты, социологи, юристы, в работах которых вполне естественно доминирует внимание к юридическим аспектам, экономическим и социальным

ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии, этнографии ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** tzpoznyak@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., гос.контракт №02.740.11.0347 «Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири, XIX начало XXI вв.».

последствиям коррупции.

Термином «коррупция» обозначают чаще всего использование должностными лицами своего служебного положения и властных полномочий в целях личного обогащения. Феномен коррупции включает в себя скрытые, невидимые практики с большим количеством нормативных нюансов. Как в современном российском законодательстве, так и в дореволюционном, под это понятие подпадал целый ряд должностных преступлений. Сюда можно отнести также действия государственных служащих, которые не являвшиеся преступлениями с точки зрения юридической практики того времени, но и не соответствовали морально-этическим нормам рассматриваемого общества.

Основная цель данной статьи – на примере материалов нескольких служебных расследований, проводившихся во Владивостоке в начале XX в., показать особенности взаимодействия чиновников и китайских иммигрантов на дальневосточной окраине, неформальные способы адаптации китайцев к российской жизни, основные виды коррупционных практик среди дальневосточного чиновничества. В данной статье «дальневосточное чиновничество» – условное название лиц, находившихся на государственной службе (как имевших, так и не имевших чина), включая представителей полиции. Во Владивостоке с 1908 г. по 1915 г. было проведено несколько служебных расследований, в результате некоторых из них на скамье подсудимых оказались «организованные преступные группировки», включавшие служащих полиции и китайцев-переводчиков и содержателей притонов. Большинство дел о коррупции было связано с присутствием в регионе китайских иммигрантов и их нелегальной деятельностью. Владивосток не был в этом плане чем-то исключительным, подобные расследования проводились во всех дальневосточных городах.

Сложность рассмотрения данной проблемы обусловлена неполной сохранностью источников и особенностями ведения следствия в дореволюционное время, возможной дачей ложных показаний не только обвиняемыми по делу, но также «истцами» и «свидетелями», что не позволяет выявить степени виновности или отсутствие вины основных действующих лиц.

В ноябре-декабре 1908 г. военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу и приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру поступило несколько жалоб на действия Владивостокской полиции. В прошениях фигурировал ряд обвинений: во-первых, действовавшее во Владивостоке Китайское национальное собрание в реальности являлось игорным домом, причём чины полиции получали незаконные доходы, взимая плату за дозволение азартных игр в нём; во-вторых, в городе действовало огромное количество нелегальных игорных заведений (так называемых банковок) и полицейские чины осуществляли регулярные поборы с их владельцев; в-третьих, врачебно-полицейский комитет города подвергал замужних китайянок незаконному медицинскому освидетельствованию и ставил на учёт, как проституток (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 4, 13).

Приамурский генерал-губернатор в письме на имя и.д. военного губернатора области Я.П. Омелянович-Павленко от 3 декабря 1908 г. подчеркнул: «...весьма частое поступление ко мне подобных заявлений указывает на возможность действительного существования некоторых оснований к жалобам...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 11), и распорядился начать детальную ревизию деятельности полиции Владивостока. Для проведения ревизии во Владивосток из Хабаровска был послан чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе, статский советник В.В. Перфильев, который завершил проверку к сере-

дине февраля 1909 г. Уже будучи во Владивостоке, Перфильев получил заявление китайского подданного Джан-хо-лина¹, якобы тот являлся сборщиком денег с банковок в пользу полицмейстера Г.И. Лединга, помощника его П.А. Кельбедина, пристава 3 полицейской части города И.С. Вакурова, околоточного надзирателя В.В. Новицкого и китайского переводчика Ян-ю-бо (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 22об.).

Результаты ревизии и дознаний свидетелей по делу были представлены Перфильевым генерал-губернатору в двух докладах о Китайском собрании и системе поборов с банковок (от 15 и 16 февраля 1909 г.) (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 20-32). Насколько можно судить по материалам дознаний и жалобам, в городе сформировались две противоборствующие группировки, включавшие не только полицейских, но и других чиновников, они предъявляли друг другу взаимные обвинения в коррупции, и не только активно вовлекали в свои ряды китайцев, но и обвиняли друг друга в подкупе свидетелей. Одну возглавлял полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, другую – адъютант военного губернатора Приморской области штабс-капитан Ермолаев². Лединга его «оппоненты» обвиняли в получении взяток от сборщика податей с банковок Джан-хо-лина и содержателя притонов Чин-гоу, а также в потворстве азартным играм в Китайском собрании. Он, в свою очередь, не отрицая существование в городе системы поборов с китайцев, категорически отвергал собственную причастность к подобным преступлениям и обвинял противников в оговоре, подстрекательстве китайцев к даче ложных показаний с целью сместить его с должности полицмейстера, ибо он, добросовестно исполняя свои обязанности, мешал преступникам (т.е. его оппонентам) развернуться в полную силу. В качестве свидетелей Ледингом были привлечены околоточные надзиратели Скарнель, Порняк, бывший заведующий городской стражей Званнер и несколько китайцев (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 42-47).

Материалы ревизии Перфильева послужили основанием для соответствующих оргвыводов. Решением военного губернатора Приморской области действие Китайского национального собрания было приостановлено с 7 февраля 1909 г., а постановлением Приморского областного по делам об обществах и союзах присутствий от 26 февраля 1909 г. оно было закрыто (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 40). В конце марта 1909 г. по распоряжению военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга было начато предварительное следствие по делу о взятках и поборах во Владивостокской полиции, а в апреле 1910 г. дело было передано в суд. В сентябре 1910 г. дело рассматривалось во Владивостоке на выездной сессии Иркутской судебной палаты. Ход судебных заседаний подробно освещался на страницах газеты «Далёкая окраина» [1]. В качестве основных фигурантов дела выступали полицмейстер Владивостока Г.И. Лединг, помощник полицмейстера Г.К. Петров, губернский секретарь П.А. Кельбедин, пристав Владивостокской городской полиции И.С. Вакуров, околоточный надзиратель В.В. Новицкий и китаец Джан-хо-лин. На время следствия Г.К. Петрова командировали в Хабаровск помощником начальника Хабаровского уезда, П.А. Кельбедина – в Никольск-Уссурийский помощником начальника Южно-Уссурийского уезда, пристава 3-й части И.С. Вакурова и околоточного надзирателя В.В. Новицкого отстранили от должностей, вопрос о Г.И.Лединге был отложен, поскольку он не исполнил своих обязанностей из-за болезни (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 50а-50а-об., 183-185). Они обвинялись в сборе

¹ Здесь и далее написание китайских имён и фамилий дано в соответствии с дореволюционными источниками во избежание разночтений.

² Относительно последнего также было начато расследования, однако материалы его в архиве пока не найдены.

неустановленных законом поборов с китайских игорных домов. Ежедневная выплата с каждой банковки была 3 руб., что в сумме составляло 1500 руб. в мес., которые распределялись между полицейскими в зависимости от чина. В случае отказа владельца платить означенный сбор, игорное заведение закрывалось. Свидетелями по делу выступили содержатели банковок и переводчик китайского языка Кауфман (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 189-194). В результате длительных судебных прений удалось доказать, что подобные поборы существовали, однако осудили за них только помощника полицмейстера Петрова и пристава Вакурова к 1,5 годам и китайца Джан-хо-лина к 8 месяцам тюрьмы. Вина остальных осталась недоказанной, адвокаты настаивали, что обвинения владельцев банковок являются наговорами из-за борьбы, которую полиция ведёт в городе с игорным бизнесом и опиекурением [1].

Несмотря на то, что вина Г.И. Лединга также не была доказана (возможно, он действительно сам не брал взятки), как полицмейстер он, бесспорно, был ответственен за существование системы поборов в подведомственном ему городе, ибо не смог организовать устойчивого противодействия коррупционному поведению местной полиции. Это расследование было не единичным случаем.

Целый ряд служебных расследований был связан с существованием во Владивостоке тайной китайской проституции и попытками региональной администрации установить контроль над ней. В конце XIX – начале XX в. в городах Дальнего Востока начали организовывать Врачебно-полицейские комитеты (далее – ВПК), в задачи которых входил медицинский и полицейский надзор за проституцией. Во Владивостоке ещё с начала 1880-х годов были организованы медицинские осмотры и открыта лечебница для проституток зарегистрированных домов терпимости (японских и русских). Здесь же ранее, чем в других дальневосточных городах, был организован и начал действовать ВПК (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 43-44). Основные проблемы в деятельности комитета во Владивостоке возникли при попытке установить контроль над тайной китайской проституцией.

В начале ноября 1908 г. приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру поступила жалоба китайских подданных Джао-фу, Хотифа, Джан-кин-куй на незаконные действия помощника полицмейстера Владивостока П.А. Кельбедина и переводчика китайского языка при нём Чушанму. Китайцы ссылались на своё предыдущее прошение военному губернатору Приморской области, в котором указывали, что эти лица «обложили незаконными поборами почти всё китайское семейное население Владивостока»; а когда военный губернатор области поручил чиновнику особых поручений провести дознание, в их адрес стали поступать угрозы от разных, неизвестных лиц, «что всех нас за нашу жалобу на Чушанму и Кельбедина выселят из Владивостока или засадят в тюрьму». Часть обвинений китайцев выглядит довольно гротескно: «... переводчик от имени Кельбедина ходит по квартирам с револьвером в руках и требует денег... на следующий день в квартиры, где Чушанму не дали денег, явился Кельбедин с городскими и арестовал наших жён, матерей и даже маленьких детей. ... Им было арестовано 28 наших китайских женщин, среди которых были и глубокие старухи и самые маленькие дети» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 4-4об.).

После переписки канцелярией Приамурского генерал-губернатора военный губернатор Приморской области распорядился начать предварительное следствие по этому делу. По версии обвиняемого китайцами в коррупции П.А. Кельбедина, исполнявшего в то время обязанности члена-распорядителя Владивостокского ВПК, эти жалобы были вызваны попытками установить надзор за тайной китайской проституцией в

городе. 18 августа 1908 г. комитет постановил приступить к регистрации китайских проституток в городе. Китайский подданный Чушанму, также фигурировавший в заявлении китайцев, был нанят в качестве тайного агента для сбора предварительных сведений, с чем он успешно справился: им было выявлено место проживания и работы 451 проститутки с указанием улиц, домов, квартир, но без фамилий (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 176). Однако предложенный и согласованный с председателем ВПК Н.Е. Акацатовым план Кельбедина о внезапной облаве по выявленным адресам и принудительной регистрации домов терпимости вызвал возражения и.о. полицмейстера Г.К. Петрова (того самого, который позднее был осуждён по вышеизложенному делу о поборках с банковок). Петров настаивал на собственном плане, ибо, по его словам, он как здешний старожил, «знает китайцев, вырос с ними и они сами пойдут навстречу ему...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177). Он распорядился заготовить повестки о вызове содержателей домов терпимости в китайский театр, где им будет предложено добровольно зарегистрировать свой заведение. Согласно показаний Кельбедина, «из вызванных в театр Юн-хо-зана более ста содержателей китайских домов терпимости явилось человек 15, которые по объявлении им цели вызова высказали лишь нежелание подчиниться регистрации, и... по истечении данного срока ни один из содержателей регистрации добровольно не подчинился. Переводчик Чу-шан-му... присутствуя в театре... был узан содержателями домов терпимости, как приходивший к ним, почему в тот же день ими и было заявлено, что он будто бы брал с них деньги, почему на следующее утро и был арестован и заключён под стражу» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177). Дальнейшие облавы в доме Е-фу-гуя (владельца одного из домов, где находились тайные притоны) выявили только уже зарегистрированных проституток. В качестве поручителей Е-фу-гуя выступили областной инженер Федосеев и присяжный поверенный Дмитренко, которые в полицейском участке обещали, что не только задержанные проститутки, но и все остальные добровольно подчинятся регистрации. Однако вместо исполнения данного обещания губернатору поступили жалобы от содержателей домов терпимости, и Е-фу-гуя в том числе (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 177об.).

Дальнейшие попытки ВПК путём облав, организации технико-санитарных осмотров зданий вынудить содержателей тайных домов терпимости зарегистрировать свои заведения продолжались в декабре 1908 г., январе-апреле 1909 г., но также не увенчались успехом. Основными причинами было отсутствие жёсткости, последовательности и единства требований со стороны чиновников разных ведомств, противоречия в российском законодательстве по надзору за проституцией, но главное активное противодействие китайцев, заинтересованных в весьма доходном «бизнесе» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 233-237).

Каждая попытка установить надзор вызывала волну жалоб и обвинений чинов полиции и иных должностных лиц, вплоть до губернатора области в «насилии, взяточничестве и превращении власти». Весьма показательным в этом плане было поступившее в июне 1909 г. на имя приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера заявление 11 китайских подданных. Они обвиняли полицмейстера Владивостока Г.И. Лединга и военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга в поборках с китайских проституток и освобождении из-под ареста китайского подданного Чан-пэя, который якобы занимался разбоями и грабежами и был главарём шайки хунхузов в 200 человек, за взятку в 1000 руб. от жены Чан-пэя (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 136).

Приамурский генерал-губернатор распорядился передать это заявление военному губернатору Приморской области с просьбой прове-

сти расследование, о его результатах В.Е. Флуг доложил в канцелярию генерал-губернатора в конце сентября 1909 г. Материалы доклада свидетельствовали, что «ни одного из упомянутых в заявлении китайских подданных в городе не оказалось..., случая ареста китайского подданного Чан-пэй вовсе не было, ...никаких денежных сборов с проститутки не производилось и не производится...», «хотя и предлагалось Врачебно-Полицейскому Комитету приступить к регистрации китайской проституции г. Владивостока, но предложения эти по тем или иным причинам не выполнялись и регистрация китайок-проституток по сие время не введена...». Заявление же 11 китайцев в действительности было написано китайским подданным Лан-хун-ды, подававшим жалобу генерал-губернатору на отказ принять его переводчиком 3-й полицейской части Владивостока. Кроме того, через опрос свидетелей установлено, что именно Лан-хун-ды, проживая в городе без определённых занятий, и был вымогателем сборов с тайных притонов. Материалы дознания по жалобе Владивостокский полицмейстер передал судебным властям на предмет привлечения Лан-хун-ды к ответственности, а сам он «в виду ясности улики» заключён под стражу. Несмотря на ходатайство Лединга о высылке Лан-хун-ды на родину за клевету на должностных лиц, Флуг, будучи сам замешан в этот скандал, не счёл удобным высылать его своей властью, а запросил канцелярию генерал-губернатора, не будет ли расследование поручено чиновнику, не состоявшему в его подчинении (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 670. Л. 153-153об.).

Очередная попытка ВПК зарегистрировать китайских проституток в январе-феврале 1910 г. также не увенчалась успехом из-за уже апробированной тактики китайцев. 1 февраля 1910 г. на имя прокурора Владивостокского окружного суда Стёпковского поступили прошения китайских подданных Ван-хе-ли, Цзе-и-ки и Ли-хун-юе, жаловавшихся на незаконное задержание полицией их жён, насильственно подвергнутых медицинскому осмотру и выдаче «жёлтых билетов». В России проститутки обязаны были регистрироваться в полиции и регулярно проходить медицинские осмотры. Вместо паспортов, которые хранились в полицейском участке, им выдавались медицинские книжки, где делались отметки об осмотрах. Книжки были жёлтого цвета, отчего и именовались в просторечии «жёлтыми билетами» [2, с. 27-31]. Прокурор переправил эти прошения и.д. военного губернатора Приморской области Я.И. Омелянович-Павленко, который в свою очередь поручил Г.И. Ледингу провести личное расследование. В начале марта жалобы от этих же и других лиц поступили и приамурскому генерал-губернатору. Китайцы настаивали на собственной невиновности, оскорблении чести и достоинства своего и их жён, а также незаконных действиях полиции, включая поборы.

В ходе расследования выяснилось, что прошения последовали за полицейской облавой, проведённой ранним утром 22 января 1910 г., в ходе которой были выявлены безбилетные китайцы и тайные дома терпимости. Из 22-х задержанных китайок у 11 чел. во время медицинского обследования обнаружили венерические заболевания (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 63об.). Представители полиции и ВПК настаивали на законности своих действий. Они руководствовались предписаниями Приамурского генерал-губернатора от 8 октября 1909 г. и военного губернатора Приморской области от 27 октября 1909 г. о принятии энергичных мер к регистрации китайской проституции, а также агентурными сведениями о наличии тайных домов терпимости в доме № 8 (Е-фу-гуя) по Косому переулку и сокрытии преступников, обвинявшихся в убийстве. Китайцы же, подавшие прошения, по мнению представительницы полиции, являлись сутенёрами, а те, кого они выдавали за своих

жён, проститутками, за счёт которых они жили.

В ходе следствия полиция выявила, что часть заявлений была написана подставными лицами, в показаниях китайцев присутствовала масса нестыковок и противоречий, от некоторых обвинений в адрес полиции китайцы отказались, в домовых книгах и русских билетах китайцев наличествовали подделки, приписки другими чернилами и более позднего времени, и пр. Показательны в этом плане материалы дознания одного из китайцев – Ван-сюе-ли (он же Ван-хе-ли), который не отрицал, что, не имея собственных заработков, жил вместе с женой на средства, заработанные племянницей Сяо-куй-сир, работавшей в китайском театре Ван-ли-лина (что, впрочем, не подтвердилось в ходе опроса директора и кассира этого театра). Прощение, по его словам, писал «незнакомый русский», который и вставил по собственной инициативе слова о поборах полиции. Ван-хе-ли утверждал, что какой-то городской на смешанном русско-китайском языке и жестами показывал, что, если он даст взятку, жену освободят. Его жена дала несколько иные показания, утверждая, что живут они на средства, заработанные актрисами Сяо-куй-сир и Сяо-куй-юер дочерьми Ван-хе-ли от первого брака. Этих девушек полиция найти не смогла (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 72-74об.). Подобные нестыковки и противоречия присутствовали в материалах дознаний всех китайцев. Одного из писавших прошение «мужей» не узнала «жена», когда он пришёл забирать её из венерической больницы (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 76).

В рапорте полицмейстера военному губернатору Приморской области от 3 марта 1910 г. было сказано: «Из вышеизложенного Ваше Превосходительство изволите усмотреть, что огульные обвинения, возводимые на чинов Владивостокской полиции, в нарушении обязанностей службы, лихоимства и самоуправства дознанием не только не подтвердились, но обнаружена заведомая их ложность; податели прошений – отнюдь не оскорблённые в своих семейных чувствах люди, а содержатели проституток-китаянок, торговцы живым товаром, снабжавшие им Владивостокский рынок разврата. Действиями полиции 22 января были, правда, нарушены их материальные интересы, основанные на торговле женским телом, и под влиянием и руководством посторонних лиц, материально заинтересованных в недопущении регистрации китаянок-проституток, просители заведомо ложно возбуждают обвинения в тяжких преступлениях по должности чинов вверенной мне полиции» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 379. Л. 63-63об.).

Подобные жалобы приамурскому генерал-губернатору продолжали поступать в марте-июне 1910 г., продолжались и расследования, и переписка между чиновниками, полицией, членами Врачебно-полицейского комитета. Но большинство чиновников сходилось во мнении, что подобные дела часто инициировались китайцами – содержателями тайных притонов – с целью уклонения от регистрации, а в действиях полиции не было состава преступления.

Иного рода было дело советника Приморского областного правления Г.Г. Фон-Ундрца. В январе 1914 г. во Владивосток приамурским генерал-губернатором была направлена Комиссия для обследования «жёлтого и еврейского вопросов» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 30-41). В её состав входили делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора Н.П. Щербаков, старший помощник делопроизводителя Л.Г. Ульяницкий, чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Л.И. Звездин. Уже на месте членам комиссии поступили жалобы от китайских подданных Лян-вен-цзы и Чи-сян-ге на незаконные действия советника Приморского областного правления Г.Г. Фон-Ундрца. Первый обвинял чиновника в незаконной высылке своего брата Лян-вен-

шаня, который прожил 20 лет во Владивостоке, служил переводчиком в полиции, затем занимался коммерцией и имел репутацию честного солидного коммерсанта. Причиной высылки, по мнению Лян-вен-цзы, стало выступление Лан-вен-шаня в качестве свидетеля по делу Е-фугуя и Ундрица. Второй проситель ходатайствовал о возвращении своего незаконно высланного брата Чжоу-зун-сана, который занимался торговлей под фирмой «Тай-юань-дунь» по Алеутской ул. в доме Купера и управлял домами Купера.

Во время дознаний Чи-сян-ге показал, что в июне 1913 г. к брату пришёл переводчик военного губернатора Сун-фу-цин и просил занять для Ундрица 500 руб., угрожая высылкой, брат отказался и был три раза оштрафован, а затем 22 августа выслан на родину. Он назвал фамилии купцов, как дававших взятки Ундрицу, так и высланных за отказ от дачи взятки (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 6, 30-31).

По делам IV отделения Приморского областного правления комиссия установила, что оба китайца были высланы на родину по постановлениям военного губернатора Приморской области как «порочные» иностранцы за содержание опиекурилен и банковок. Кроме того, они неоднократно подвергались штрафам как арендаторы домов, в которых были выявлены тайные притоны, что подтверждалось протоколами об-лав.

Однако в ходе следствия жалобы китайцев на неблагоприятные поступки Ундрица нашли подтверждение в ряде свидетельских показаний. Комиссия пришла к выводам, что Г.Г. Фон-Ундриц, пользуясь служебным положением и особым доверием военного губернатора области М.М. Манакина, из корыстных соображений в соучастии с бывшим переводчиком китайского языка Сун-фу-цином «вымогал с китайцев деньги под угрозой выселения в случае отказа...» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 37об.). Члены комиссии выяснили подробности неблагоприятной деятельности чиновника: он установил систему поборов с китайских купцов, держателей банковок и опиекурилен, причём в случае отказа платить, применял штрафные санкции, а затем высылал из области; подобные регулярные поборы под видом займов он осуществлял и с Китайского общества (размер «позаимствований» составлял 150-300 рублей), а затем и вовсе поменял состав правления общества, чем «приобрёл сильное влияние на его дела». Он организовал систему, когда задержанные китайцы освобождались на поруки только местному Китайскому обществу (разумеется, не безвозмездно). Переводчик Су-фу-цин содержал собственную банковку, в которой проигрывались большие суммы, затем делившиеся между «компаньонами» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 36об.).

Свидетели привели немало фактов, когда арендаторы домов, где выявлялись притоны, и владельцы банковок не подвергались наказаниям, так как либо ежемесячно платили Ундрицу по 400-500 руб., либо делали ему крупные подарки. В качестве таких примеров свидетели назвали держателя банковки Згута, владельца гостиницы «Крымские номера» И.К. Боровикса, владельцев домов Ван-и-лина и Тан-вен-зяна. Китаец же Де-вэн-цзян принуждён был купить в магазине Мао-чан на 1000 рублей железа для постройки дачи Ундрица. (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 33-33об.).

Владивостокский полицмейстер Г.И. Лединг в личной беседе с делопроизводителем канцелярии генерал-губернатора Щербаковым сказал, что Ундриц часто прибегал к займам денег у пристава 3-й части С.К. Процука, вызывая его постоянно в шантаны, где он кутил и денег не платил, запугивая держателей своим служебным положением. Ундриц жил не по средствам, постоянно кутил за счёт заведений в шанта-

не «Мулен Руж», гостинице «Европа», ресторане «Золотой Рог». Обо всех преступлениях Лединг «не заявлял Управляющему Областью только потому, что считает это бесполезным и в то же время опасным для себя», так как Ундриц сумел составить себе в глазах своего начальства репутацию «делового, верного служаки» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 39об.-40об.).

Комиссия пришла к выводу, что дальнейшее расследование было возможно «только при условии устранения влияния Ундрица на китайские дела» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 910. Л. 41-41об.). К сожалению, в материалах дела отсутствуют сведения о дальнейшем ходе расследования, однако Г.Г. Фон-Ундриц продолжал служить в Приморском областном правлении и в 1911 г., правда, на иной должности [4, с. 15].

Сохранившиеся не в полном объёме в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока материалы – переписка, материалы дознаний, проверок, протоколы облав и опросов свидетелей – не позволяют достоверно судить, были ли наказаны все виновные или кто-либо не понёс наказания в виду недостаточности собранных доказательств, имели ли все перечисленные обвинения в коррупции под собой реальные основания или были способом дискредитации должностных лиц, добросовестно исполнявших свои обязанности. Однако даже по имеющимся материалам можно проследить, что, во-первых, во Владивостоке в начале XX в. существовала разветвлённая сеть тайных притонов, владельцами которых могли быть как китайские, так и российские подданные, во-вторых, существование этой сети было возможно либо при прямом покровительстве и соучастии представителей полиции и чиновников разного уровня, либо при их попустительстве и невмешательстве.

Китайские иммигранты, зарабатывавшие в большинстве своём честным трудом, не избегали и нелегальных заработков. Существование незаконного предпринимательства неизбежно сопровождалось коррупцией среди должностных лиц. Отдельные чиновники и полицейские фактически безнаказанно занимались поборами с китайского населения. Возможно, в городе действовали «организованные преступные группировки», включавшие чинов полиции и содержателей разного рода притонов. Однако нельзя огульно обвинять всех представителей полиции в коррумпированности, среди них было немало тех, кто добросовестно исполнял свои обязанности, вёл борьбу с преступностью, нелегальными притонами и пр. Эта борьба вызывала активное противодействие со стороны криминальных группировок, которые действовали весьма изобретательно, пользуясь как прорехами в российском законодательстве, так и неповоротливостью российской бюрократической системы.

Материалы данных исследований позволили не только вскрыть проблему преступности иммигрантов и коррумпированности должностных лиц, но и по-новому взглянуть на проблему межкультурной коммуникации и адаптации иммигрантов в принимающем обществе. Рассмотренные следственные материалы свидетельствовали, с одной стороны, о распространении неформальных механизмов экономической адаптации иммигрантов в разных формах – от ухода от налогообложения до преступной деятельности; с другой – о тесном межкультурном взаимодействии и «успешной» социальной адаптации мигрантов. Иммигранты, защищая свои законные или незаконные интересы, апеллировали к власти в лице военного губернатора области или Приамурского генерал-губернатора, в некоторых случаях доходя до министра внутренних дел или императора, демонстрировали знание законов и правил обращения по инстанциям. Даже учитывая, что часть прошений китайцы составляли не самостоятельно, а либо обращались к посредникам – юристам, писцам, переводчикам, либо за этими прошениями стояли инициаторы-

россияне, по документам можно проследить довольно свободное владение практикой подобных обращений.

Литература

1. Далёкая окраина. Владивосток, 1910. 18, 19, 21, 22 сент.
2. Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 г. М.: Новый хронограф, 2008. 560 с.
3. Охотский Е.В. Коррупция: сущность, меры противодействия // Социологические исследования. 2009. №9. С.25-33.
4. Торгово-промышленный справочник г. Владивостока и его пригородов на 1911 год. Владивосток, 1912. 288 с.
5. Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. №10. С.70-79.

УДК 316.4.066

Бадмаева Л.В., Ганн Г.В.

Социальное самочувствие населения как индикатор развития социальной инфраструктуры села Бурятии

Social well-being of the population as an indicator of the development of social infrastructure in rural areas of Buryatia

В статье рассматривается анализ феномена «социальное самочувствие» населения через призму развития социальной инфраструктуры. Согласно концепции авторов, показатели уровня социального самочувствия коррелируют с результатами функционирования инфраструктуры. В свою очередь, субъективная оценка удовлетворенности населения обследованного субъекта РФ различными сторонами жизнедеятельности представляет собой некий количественный конструкт – интегральный индекс социального самочувствия.

Ключевые слова: *социальное самочувствие, социальная инфраструктура, интегральный индекс, удовлетворенность жизнью, субъективная оценка материального положения семьи, адаптивность, социальная активность*

The article deals with the analysis of the phenomenon of «social health» of the population through the prism of social infrastructure development. According to the concept of authors, indicators of social well-being correlate with the results of infrastructure's functioning. In turn, the subjective assessment of satisfaction of the population of the surveyed subject of the Russian Federation by the various aspects of life represents certain quantitative construct – an integral index of social well-being.

Key words: *social well-being, social infrastructure, integral index, life satisfaction, subjective assessment of the material conditions of family, adaptability, social activity*

В условиях провозглашенной парадигмы «стратегического регионального развития и конкурентоспособности», когда уже определены или ещё определяются факторы, детерминирующие конкурентоспособность региона, когда намечены или ещё намечаются векторы регионального социально-экономического развития, представляется весьма актуальным анализ такого феномена как «социальное самочувствие». Именно этот показатель может выступать своеобразным индикатором оценки развития социальной инфраструктуры во мнениях населения.

БАДМАЕВА Людмила Владимировна, к.соц.н., старший научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** socludvlad@mail.ru

ГАНН Георгий Викторович, инженер-социолог Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ). **E-mail:** gunngv@mail.ru

В свою очередь, социальная инфраструктура занимает важное место среди компонент условий и качества жизни, и «выступает в качестве материально-вещественной базы воспроизводства человека, его духовного и физического развития, обеспечивает благоприятные условия жизнедеятельности: расселения, досуга, занятости, условий труда и т.п. «Она является тем материальным объектом (или совокупностью объектов), на основе которого реализуются общественные отношения и контакты» [2, с. 154].

Бесспорно, уровень развития социальной инфраструктуры не ограничивается лишь показателями социального самочувствия и наряду с субъективными показателями, к которым относится исследование самочувствия населения, анализироваться должны и данные официальной статистики. И если статистические данные демонстрируют фактическое положение дел в этой сфере за определенный период времени, отражая мощности, пропускную способность, количество объектов социальной инфраструктуры и т.п.,¹ то данные о социальном самочувствии, полученные с помощью социологического опроса, позволяют определить степень удовлетворенности населения работой этих объектов, а значит косвенно оценить эффективность их деятельности.

В настоящее время нет однозначного определения понятий «социальное самочувствие» и «социальная инфраструктура», как нет и их однозначной операционализации через систему индикаторов и показателей, но обобщая имеющиеся представления, можно сделать вывод, что между социальной инфраструктурой и социальным самочувствием существует прямая связь, и они находятся в отношениях цели и средства.

В целом можно заключить, что социальное самочувствие представляет собой целостную, относительно устойчивую эмоциональную реакцию субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности. Оно «выступает результатом осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, вырастает из непосредственных условий бытия человека, определяющих степень удовлетворения его многообразных потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации» [1]. Подобный подход свидетельствует о том, что при определении составляющих показателей феномена «социальное самочувствие» помимо концепта «социальная удовлетворенность» необходимо рассмотреть в качестве составных элементов социального самочувствия такие конструкты как адаптивность и социальная активность.

В свою очередь, социальная инфраструктура характеризует связи (прямые и обратные) материально-вещественной среды и социального субъекта (личности, группы, класса, общества). Наиболее адекватной трактовкой анализируемого понятия, как нам представляется, выглядит понимание Ж.Т. Тощенко. В его редакции «социальная инфраструктура представляет собой устойчивую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для рациональной организации всех основных видов деятельности

¹ Здесь следует отметить, что в составе утвержденного Указом Президента от 28 июня 2007 г. № 825 перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ появились такие оценки как: 1) удовлетворенность населения медицинской помощью (процент от числа опрошенных), 2) удовлетворенность населения качеством общего образования, начального и среднего профессионального образования (процент от числа опрошенных), 3) удовлетворенность населения деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, в том числе их информационной открытостью (процент от числа опрошенных). Кроме того, при оценке таких направлений деятельности органов власти субъектов РФ, как поддержка здоровья населения, образование, культура, физическая культура и спорт, используется показатель «капитальные расходы» (к сожалению, подобные показатели предоставляются органами официальной статистики не повсеместно).

Рис.1 Индексы удовлетворенности жизнью населения обследованных поселений Еравнинского района

– трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой» [3, с.12[3].

Очевидно, что уровень развития социальной инфраструктуры оказывает непосредственное влияние на уровень удовлетворенности населения в реализации своих потребностей в различных сферах жизнедеятельности человека. Уровень удовлетворенности населения различными сторонами своей жизнедеятельности, соответственно, детерминируется степенью реализации смысложизненных потребностей индивида. Отсюда социальное самочувствие выступает в качестве определенного результата рефлексии человеком собственной жизни, своих успехов и неудач¹. При этом развитие инфраструктуры не должно стать самоцелью, она призвана повышать уровень удовлетворенности и социального самочувствия. Поэтому показатели, отражающие уровень социального самочувствия населения, должны отражать результаты функционирования инфраструктуры, и представлять степень удовлетворения потребностей населения, выраженную в интегральном индексе социального самочувствия, составляющие которого – индекс удовлетворенности жизнью, индекс социальной активности, индекс удовлетворенности материальным положением и индекс адаптивности.

При разработке перечня эмпирических индикаторов социального самочувствия нами были обозначены основные сферы социальной жизнедеятельности, степень оценки благополучия в которых (достаточность или нехватка соответствующих социальных благ) определяет общий уровень социального самочувствия индивида в целом.

¹ Заметим, что степень социальной удовлетворенности не зависит лишь от уровня развития социальной инфраструктуры. Не менее важным фактором является способность проявить социальную активность, то есть сознательно ориентировать свою деятельность на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в данный исторический момент. Четкое определение своей позиции в отношении различных социальных факторов (своей работы, материального положения, межличностных взаимоотношений, образа жизни) – также является одним из факторов социальной удовлетворенности, но именно уровень развития социальной инфраструктуры позволяет четче проявить социальную удовлетворенность.

Рис.2 Индексы удовлетворенности материальным положением и Индексы удовлетворенности жизнью населения обследованных поселений Еравнинского района РБ.

Одним из важнейших показателей социальных настроений и социального самочувствия населения является то, насколько люди удовлетворены в целом той жизнью, которую они ведут в настоящее время, поэтому первым составным элементом индекса социального самочувствия была принята оценка удовлетворенности жизнью в виде индекса. Еще одним важным показателем социального самочувствия населения может служить удовлетворенность респондентов материальным положением семьи, в этой связи второй составляющей индекса социального самочувствия был принят индекс удовлетворенности материальным положением. В связи с тем, что высокий уровень социальной удовлетворенности населения может быть достигнут за счет высокого уровня способности населения достигать желаемого, то есть, проявлять социальную активность, соответственно третьим составным элементом был принят индекс социальной активности. Между тем, проявление социальной активности в условиях сформировавшейся и, в идеале, успешно развивающейся социальной инфраструктуры, детерминировано адаптацией (деадаптацией) к сложившейся социальной реальности, в связи с чем, индекс адаптивности был также принят в качестве составного элемента интегрального индекса социального самочувствия.

Как известно, согласно данным официальной статистики, Республика Бурятия в целом традиционно имеет сельскохозяйственную направленность. Доля валовой продукции сельского хозяйства в валовом региональном продукте составляет 11%. В общем объеме продукции сельского хозяйства Российской Федерации доля Республики Бурятия составляет 0,75-1,2 %. В сельском хозяйстве Бурятии занято свыше 20 % работников отраслей материального производства. В связи с этим в качестве исследовательской базы в контексте нашего исследования была выбрана социальная среда Еравнинского района Республики Бурятия, как удовлетворяющего двум основным критериям одновременно – соответствие отраслевой направленности региона и приграничное положение района. Это типичный сельскохозяйственный район республики, граничащий с Забайкальским краем, что вносит свои коррективы в уровень развития социальной инфраструктуры.

Рис. 3 Индексы удовлетворенности жизнью и индексы социальной активности

На основе полученных эмпирических данных, были рассчитаны вышеуказанные индексы, с использованием субъективных шкал весовых коэффициентов. Для расчета обозначенных индексов нами была использована методика, апробированная в проекте «Евразийский мониторинг» в Мониторинге социальных настроений населения стран постсоветского пространства¹.

В своей работе мы рассматривали социальное самочувствие населения обследованного района в поселенческом разрезе, поскольку статья базируется на эмпирических материалах социолого-экономической экспедиции отдела региональных экономических исследований БНЦ СО РАН (ОРЭИ БНЦ СО РАН) в Еравнинском районе Республики Бурятия. Данный район, наряду с Кяхтинским районом Республики Бурятия, был выбран в качестве пилотного в рамках НИР Отдела региональных экономических исследований по проекту «Социально-экономическое обновление села Республики Бурятия на факторах конкурентоспособности».

Проведенное исследование свидетельствует, что в оценках удовлетворенности своей жизнью населения 8 (восьми) обследованных поселений Еравнинского района существуют заметные различия. На основе полученных эмпирических данных был рассчитан индекс удовлетворенности жизнью, с использованием субъективной шкалы весовых коэффициентов: «вполне удовлетворен» = 1,0; «скорее удовлетворен, чем нет» = 0,6; «скорее не удовлетворен» = 0,4; «совершенно не удовлетворен» = 0; «затрудняюсь ответить» = 0. Значения индекса располагаются в интервале от 0 до 100%. (см. Рис. 1).

Наиболее удовлетворенным жизнью, по самооценке респондентов, выглядит население следующих муниципальных образований: МО «Телемба» (75,4), МО «Сосново-Озерское» (73) и МО «Ульдурга» (64,8%). Социальная инфраструктура именно этих поселений, по данным муниципальной статистики, имеет наиболее высокие показатели. На более высокий вес индекса удовлетворенности жизнью населения МО «Сосново-Озерское» влияет поселенческий фактор, так как муниципальное образование является районным центром. Соответственно,

¹ <http://www.eurasiamonitor.org/rus/>

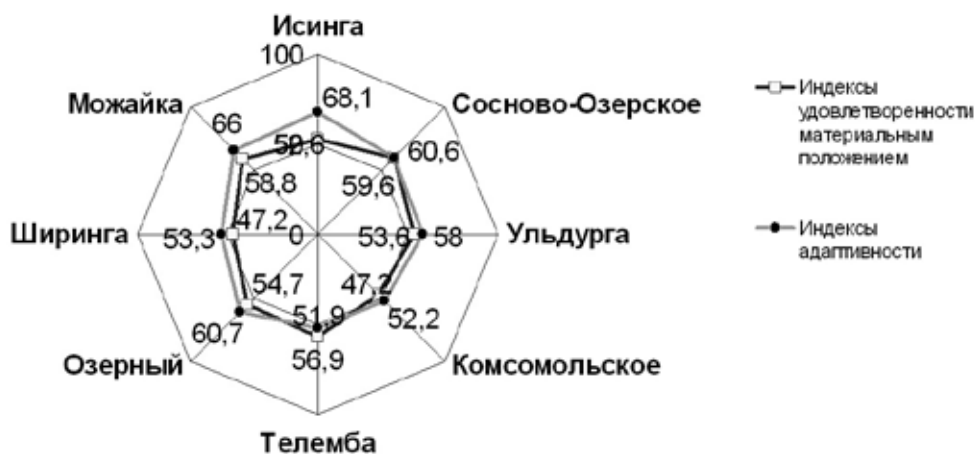

Рис. 4 Индексы удовлетворенности материальным положением и индексы адаптивности

наряду с относительно развитой социальной инфраструктурой занятость, доходы населения и т.п. занимают более высокие позиции, по сравнению со среднерайонными показателями и показателями других муниципальных образований. Сравнительно высокий вес индекса удовлетворенности жизнью населения МО «Телемба» объясняется в первую очередь также расселенческим фактором – приграничным расположением с Забайкальским краем. В связи с этим население МО «Телемба» выражает более оптимистическую жизненную позицию и строит жизнеутверждающие планы на будущее. Помимо официальной занятости, у населения развиты неформальные виды занятости, такие как: сбор дикоросов, заготовка леса и т.п. с дальнейшей реализацией этой продукции на территории Забайкальского края. Относительно высокий показатель индекса удовлетворенности жизнью населения МО «Ульдурга» объясняется сложившейся традицией животноводства. Один из самых высоких показателей поголовья скота на душу населения в Еравнинском районе приходится на МО «Ульдургинское» (8,46). Наименьший индекс удовлетворенности демонстрирует МО «Комсомольское» – 44,2%. Индекс удовлетворенности жизнью среднестатистического еравнинца = 63,4%. По сравнению с общероссийским показателем удовлетворенности жизнью, можно сказать, что население Еравнинского района демонстрирует мироощущение, близкое некоему «европейскому эталону» (60-70%), фиксирующему высокую степень заявленной гражданами комфортности существования. Общероссийский индекс удовлетворенности жизнью на 2009 год составил 47,8%.

Следует заметить, что приведенный нами относительно высокий вес показателя по району (63,4%) отнюдь не свидетельствует об объективно высоких показателях жизнедеятельности в обследуемом районе. Так, например, согласно данным муниципальной статистики, в районе практически отсутствует благоустроенное жилье¹, хотя показатель комфортности и благоустройства жилья является одной из характеристик качества и уровня жизни в государственной статистике. Кроме того, жиз-

¹ Нами был проведен анализ социально-экономических паспортов обследованных поселений и всего района.

ненные стандарты и притязания сельского населения Еравны, далеки от аналогичных по сравнению с жителями урбанизированных поселений и тем более не дотягивают до европейских. Поэтому сравнительно высокий индекс удовлетворенности жизнью, демонстрируемый обследованным сельчанином, не выглядит столь уж оптимистично. Верифицировать этот показатель можно с долей скептицизма, в которой значительный вес принадлежит субъективным мироощущениям респондентов с невысокими притязаниями и жизненными стандартами.

Рассматривая ещё один важный показатель социального самочувствия населения, которым является удовлетворенность респондента материальным положением семьи (см. Рис. 2), в заданном ракурсе, отметим, что здесь проявляется принципиальное различие (противоречие) в содержании объективных (экономических) и субъективных «социальных» показателей. Так, в большинстве поселений при достаточно высоких показателях удовлетворенности жизнью индекс удовлетворенности материальным положением намного ниже.

Сравнительно высокие показатели веса индекса удовлетворенности материальным положением населения МО «Сосново-Озерское» (60,6), МО «Телемба» (56,9), МО «Можайка» (58,8%) объясняются относительно высокими показателями занятости населения (в том числе неформальными видами занятости, например, МО «Сосново-Озерское» и МО «Телемба»), среднедушевых доходов населения (МО «Сосново-Озерское», МО «Можайка»). Сравнивая индекс удовлетворенности жизнью населения и индекс удовлетворенности материальным положением, мы наблюдаем как раз тот случай, когда показатели второго индекса ниже показателей первого индекса. Наибольший разрыв между показателями, составляющий порядка 19%, демонстрирует МО «Телемба». Возможным объяснением внешне противоречивой ситуации, когда в поселении с более высоким показателем материального удовлетворения отмечается сравнительно низкий уровень удовлетворенности жизнью, может служить различие в уровне жизненных притязаний и жизненных ценностей жителей, и ряд дополнительных факторов, причём в «МО Сосново-Озерское» и МО «Телемба» они дополняют и усиливают фактор материального благосостояния, а в МО «Комсомольское» и МО «Озерное» – напротив, нейтрализуют его.

Третьим конструктом социального самочувствия является социальная активность акторов. При рассмотрении социальной активности, как составляющей концепта «социальное самочувствие», нами были приняты следующие составные показатели: 1) миграционные намерения, где желание смены места жительства рассматривалось как отсутствие социальной активности (т.е. по субъективной шкале весовых коэффициентов присваивался вес = 0); 2) планы по улучшению материального состояния; 3) ведение ЛПХ; 4) занятость. (см. Рис. 3).

Парадокс значительного разрыва между показателями индексов удовлетворенности жизнью и индексов социальной активности объясняется тем, что в большинстве случаев желанию исправить ситуацию может способствовать недовольство. В случае высокой степени удовлетворенности жизнью и удовлетворенности материальным положением семьи уровень социальной активности может снизиться, что и наблюдается на примере сел «Сосново-Озерское» и «Телемба»¹. Следующим показателем интегрального индекса социального самочувствия является индекс адаптивности, характеризующий некий результат успешности протекания процесса адаптации к изменяющейся социальной реально-

¹ Здесь результаты исследования перекликаются с результатами работы, проведённой рядом специалистов, при участии Харченко К.В. в 2007 г. (http://www.isras.ru/abstract_bank/1210591836.pdf)

сти.

Анализ эмпирических данных показал, что уровень адаптивности в большей степени зависит от субъективной оценки своего материального положения. В данном случае мы не брали во внимание реальный доход респондента. Исходя из допущения, что самочувствие является именно субъективным восприятием человека своего места и роли в обществе, успешности реализации своей деятельности, удовлетворения своих потребностей, а также уровня своего материального положения. В результате мы наблюдаем определенную тенденцию: зависимость показателя индекса адаптивности от самооценки собственной материальной обеспеченности. Люди, считающие себя почти полностью и более-менее обеспеченными, отличаются, в большинстве случаев, относительно высокими показателями адаптивности. Верно и обратное – чем выше показатель адаптивности, тем выше показатель удовлетворенности материальным положением и в целом выше уровень социального самочувствия. Подобная тенденция полностью подтверждает наше предположение о том, что именно степень успешности прохождения процесса адаптации оказывает решающее влияние на уровень социального самочувствия. (см. Рис. 4).

В результате проведенного исследования был рассчитан интегральный индекс для каждого поселения (см. Табл. 1.).

Таблица 1. Интегральный индекс социального самочувствия в разрезе поселений

№ п\п	Поселение (село)	Индекс социального самочувствия
1	Телемба	61,8
2	Сосново-Озерское	61,6
3	Можайка	61,6
4	Исинга	60,3
5	Ульдурга	59,3
6	Озерное	55,4
7	Ширинга	53,9
8	Комсомольское	50,9

Приведенные данные свидетельствуют о том, что социальное самочувствие населения выше там, где уровень развития социальной инфраструктуры имеет более высокие показатели, где жизненная стратегия и адаптация населения выше. Разумеется, мы не претендуем на полноту изложения в заданном аспекте, поскольку анализ социального самочувствия сельского населения Еравны был проведен нами в поселенческом разрезе. В дальнейшем, динамику индексов удовлетворенности жизнью можно отслеживать при организации системы наблюдения и лабораторного контроля (СНЛК). При этом, целью СНЛК будет являться регулярное измерение основных показателей социальных настроений жителей региона (района), что, безусловно, является индикатором развития социальной инфраструктуры.

Литература

1. Бочканова Е. Н. Социальное самочувствие горожан – ориентир муниципальной социальной политики / Е.Н. Бочканова // Известия Уральского государственного университета. 2007. №51. URL: (http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0051%2804_03-2007%29&xsln=showArticle.xslt&id=a04&doc=./content.jsp)

2. Маршалова А.С., Ковалева Г.Д., Унтура Г.А. и др. Под ред. А.С.Новоселова. Конкурентоспособность и стратегические направления развития региона. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 528 с.

3. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей: Юрайт-М, 2001. 511 с.

УДК 72.03

Брумфилд У.К.

Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке

Asian motives in church architecture of Siberia in XVIII

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой ещё не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом, в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору.

Ключевые слова: *Сибирь, Тобольск, Бурятия, русская церковная архитектура, буддистская архитектура*

Russian communications with the Asian people and cultures represent a theme which borders are not investigated yet, especially in mutual relations of Russian and Asian architecture. The present article does not try to give a detailed picture of this extensive theme of the Russian-Asian relations, but marks specific examples, mainly in the Siberian church architecture of a XVIII-th century which specify in a susceptibility of Russia to the East Asian decor.

Key words: *Siberia, Tobolsk, Buriatia, Russian Orthodox church architecture, Buddhist architecture*

За восточными берегами Байкала слияние русской и местных культур – практически, бурятов – принимает ещё более разнообразные формы. Первые русские поселения к югу и востоку от озера Байкал на территории, известной как Забайкалье, или, ещё шире, Даурия, появились в середине XVII века. На этом раннем этапе казаки и служивые люди разведывали новые торговые пути в Китай, а также стремились собирать дань в форме пушнины (главным образом соболей мех) у местных жителей, бурятов и тунгусов. Первая русская крепость (острог) на этой огромной территории была построена в 1648 году и реки Баргузин за 40 километров от восточных берегов озера Байкал.

Однако направление заселения русских в западном Забайкалье вскоре переместилось к югу вдоль более удобной реки Селенги. Селенга, берущая своё начало в Монголии, являющаяся самой большой рекой, впадающей в озеро Байкал, с XVII по XVIII век служила главным кана-

Окончание. Начало в № 2, 2011 г.

БРУМФИЛД Уильям Крафт (William Craft Brumfield), д.слав.яз., профессор славистики Университета Тулейна (г. Новый Орлеан, США)

Все фотографии сделаны Уильямом Брумфилдом

Рис. 8. Посольское. Собор Преображения Господня, Преображенский монастырь. Юго-западная сторона.

лом для торговли и расселения на восток. Стало очевидно, что основной стратегический пункт расположен на Селенге в месте её слияния с Удой, и в этом месте, на крутом берегу над соединяющимися реками, в октябре 1665 года была построена Удинская крепость, служившая зимовьем [35].

В последнее десятилетие XVII века важность Удинского поселения как места торговли зерном возросла благодаря размерам крепости вопреки номинальному превосходству Селенгинской крепости (см. ниже), расположенной ближе к китайской границе. Нерчинский договор, заключенный между Россией и Китаем в 1689 году, предусматривал уход России с обширных территорий Амурского бассейна, но делал более устойчивым положение таких русских поселений, как Удинск, который получал определенную выгоду не только от торговли, но и от поездок высокопоставленных дипломатов в Китай [1, с. 72-75; 41]. Первая церковь поселения, посвященная Всемилостивому Спасу, была построена из дерева в 1696 г.

Возрастающее значение Верхнеудинска, как он стал известен в XVIII веке, также базировалось на его роли административного центра западного Забайкалья и его расположении у одного из главных восточных торговых путей от Иркутска к городам Кяхтинская Слобода и Троицкосавск у монгольской границы. К 1780 г. в городе проходили по две торговые ежегодные ярмарки, в конце зимы и в середине лета. Как и для других провинциальных русских городов времен правления Екатерины Великой, для Верхнеудинска был разработан детальный план, одобрен-

Рис. 9. Посольское. Собор Преображения Господня, Преображенский монастырь. Западный фасад с главным порталом.

ный в 1793 г. [22, с. 17]. Хотя план был изменен в 1839 году, многие из его особенностей сохранились и поныне.

Растущая экономическая активность Верхнеудинска в конечном итоге сделала возможным строительство первой каменной церкви, Кафедрального собора Одигитриевской иконы Богородицы, начатое в 1741 г. неподалеку от одноименной деревянной церкви, построенной в начале XVIII века. Как и в других случаях, типичных для строительства каменных церквей от Соликамска на Русском Севере до Енисейска и Иркутска, церковь возводилась в два этапа (*фото 7*). Нижняя церковь (использовавшаяся зимой) была завершена в 1770 г. Ее алтарь был посвящен Богоявлению. Верхняя церковь с главным алтарем была освящена только в 1785 г. [10, с. 28-29; 23, с. 27-29; 22, 21-25]. Неудивительно, что основной план и детали экстерьера Собора Одигитриевской иконы связаны с более ранними церквями Иркутской области, такими как церковь Спаса Нерукотворного в Иркутске и, ещё более тесно, с церковью Спаса Нерукотворного в Урике и церковью Архангела Михаила (Св. Харлампия) в Иркутске, – все – явные примеры «Сибирского барокко» [28, с. 119-120]. Двойные фронтоны окон собора и ярко выраженные наличники характерны для церковного зодчества XVIII века восточнее Урала, в том числе для региона Енисея. Также, к чертам барокко относятся волюты, соединяющие барабаны под главным куполом и куполами алтаря, равно как и овальные окна, расположенные на уровне крыши.

Восточные элементы, однако, заметнее в другом примере православной церковной архитектуры в Бурятии конца XVIII века: у собо-

ра Преображенского монастыря, расположенного в селе Посольское на восточном берегу озера Байкал (*фото 8*). Вопрос происхождения монастыря осложнен дискуссиями о расположенном неподалеку Троице-Селенгинском монастыре, монахам которого была дана земля, право на рыбную ловлю, а также прилегающие воды Байкала как часть их владений. К концу XVII века казначей этого монастыря Макарий построил маленькую часовню в память об убитом в 1661 году Ерофее Заболотском, царском эмиссаре в Монголии, чей отряд был разбит местными бурятами [33; 23, с. 17-18]. С того времени это место стало называться «Посольское».

Однако Игнатий, митрополит Сибири и Тобольска, решил расширить памятник и в 1770 г. подписал грамоту, оговаривавшую строительство алтаря дополнительно к часовне. Так возникла церковь, посвященная Иконе Знамения Богородицы. Содержание этой церкви привело к появлению отдельного монастырского института, поддержанного двумя указами (в 1707 и 1713 гг.) Петра I, направленными против оппозиции Троицкого монастыря, который противился уменьшению своих владений [22, с. 122-123]. В этот период новый монастырь в Посольском получал активную поддержку со стороны Григория Осколкова, известного купца, связанного с торговлей в Кяхтинской Слободе [23, с. 18]. Осколков, похороненный в монастыре в 1714 г., оставил значительные средства, в том числе 300000 кирпичей и другие материалы, на постройку собора, посвященного Преображению. Однако проект каменной церкви был остановлен, когда Петр I запретил строительство каменных храмов за пределами его новой столицы, Санкт-Петербурга [22, с. 123]. Поэтому церковь была построена из дерева и освящена в 1722 г.

Парадоксально, но судьба Преображенского монастыря изменилась к лучшему после пожара в 1769 г., разрушившего обе его деревянные церкви, как и часть монастырских построек. Несмотря на падение статуса монастыря во времена правления Екатерины Великой, были найдены средства на возрождение проекта каменной церкви, в большой степени благодаря тому обстоятельству, что кирпичи, запасенные Осколковым шестьюдесятью годами ранее, были все ещё пригодными. Строительство Преображенской церкви началось в 1773 г. и завершилось в 1778 г., вероятно, в нем принимали участие каменщики из Иркутска, откуда можно было попасть в монастырь, переплыв Байкал.

План Преображенской церкви отражает типично сибирскую композицию, состоящую из зимней церкви, расположенной на первом ярусе (посвященной Иконе Знамения), и верхней церкви с главным алтарем и двумя рядами окон. От апсиды до основной структуры, от трапезной до колокольни – все компоненты и их пропорции имеют сходство с аналогичными элементами Одигидриевского Собора в Верхнеудинске. Орнамент фасада, однако, имеет другой порядок. К сожалению, Преображенская церковь была серьезно повреждена в советские времена, когда купола над обеими главными структурами, апсида и вся верхняя часть основной структуры были разрушены. Тем не менее, от фасадов осталось достаточно, чтобы увидеть сложность каменного орнамента церкви. Даже Одигидриевский Собор уступает ему в своем орнаменте вопреки общему сходству. Окна Преображенской церкви с терракотовыми пилястрами и соединенными фронтонами над вторым уровнем, завершаются жестким, хотя и наивным, зубчатым орнаментом, который разделяет два уровня всей структуры. Подобные мотивы присутствуют и у других церквей в бассейне Енисея, особенно в самом Енисейске. Другие мотивы фасада связаны с церковной архитектурой в Иркутске. Например, сложные терракотовые фигуры по углам каждого из структурных компонентов в Преображенской церкви напоминают стилизованные гуманоидные

фигуры по углам церкви Воздвижения Креста.

Самая замечательная особенность Преображенской церкви – это её возвышающийся западный портал (*фото 9*) с уникальной замысловатой конструкцией. Здесь есть прямое сходство с такими енисейскими памятниками, как Троицкая церковь, чье строительство было начато в 1772 г., экстерьер был завершен в 1776 г., интерьер – в 80-е гг. XVIII века [32, с. 99-101; 8, с. 43-45]. Кроме элементов церковного зодчества Вологды и Урала, Троицкая церковь включает в себя и характерные особенности, присущие как Восточной, так и Западной Сибири. Хотя эта прекрасная церковь было значительно разрушена в советский период, а то, что осталось, используется под склад, сохранившаяся структура имеет отчетливые оконные бордюры с треугольными фронтонами, которые, возможно, несут в себе азиатские мотивы.

Каково бы ни было сходство между западным порталом в Посольском и сохранившимися фрагментами западного фасада Троицкой церкви в Енисейске, для храма в Посольском характерна более пышная техника бордюров, кульминирующая в резном фронтоне над дверью. Эта комплексная форма узора встречается и у окон основной структуры церкви Воздвижения Креста в Иркутске. Северный и южный порталы иркутской церкви, однако, решены иначе – замечательным, по-своему, образом – благодаря использованию детального терракотового орнамента. Кроме того, первоначальный западный портал иркутской церкви был частично скрыт позднейшими перестройками и добавлениями.

Таким образом, портал Преображенской церкви в Посольском весьма необычен благодаря тому, что он хорошо сохранился, а также благодаря декоративной сложности. Западная сторона ансамбля – портал, резные рамы, рельефные фигуры с каждой стороны, – производят впечатление, что он далек от православной архитектуры. Действительно архаическая сила замысла экстраординарна, она словно творит преддверие храма, где служат некий неясный обряд. Как и в случаях наличия соответствующих форм и орнаментальных мотивов на фасадах других церквей в бассейне Енисея, в Посольском также существует вероятность восточного источника, хотя Преображенской церкви недостает таких явно буддистских элементов, как колесо Дхармы, имеющих у церкви Воздвижения Креста. В действительности, буддизм в его индо-тибетском варианте, – не единственный возможный источник орнаментов, особенно ввиду культур бурятов и якутов.

В то же время вопрос архитектурного происхождения храмов в Посольском остается вопросом спекуляции. Один специалист недвусмысленно заявил, что Преображенская церковь и церковь Воздвижения были построены одним и тем же архитектором, утверждающим, что внимательное изучение архитектуры Преображенской церкви и церкви Воздвижения Креста позволяет сделать заключение, что они были построены одним зодчим, что в архитектуре Преображенской церкви мотивы, которые были развиты в поразительном иркутском храме, не только повторяются, они переработаны по-новому, и, главное, использованы с убедительной экономикой и логикой [22, с. 126-127].

Все же, при чисто формальной оценке, западный, основной, фасад церкви в Посольском ближе к фасаду Троицкой церкви в Енисейске. Возможно ли, что один и тот же мастер (или мастера) участвовали в строительстве всех трех церквей – в Иркутске, в Енисейске и в Посольском? И откуда этот мастер (или мастера) так хорошо знали азиатский орнамент? Безусловно, водный путь Енисей-Ангара-Байкал служил проводником для идей, людей и материалов, в то время как река Селенга продолжала этот путь к Монголии и Китаю. Но в отсутствии документальных свидетельств это мнение остается гипотезой, учитывающей возможность орна-

ментального влияния со стороны буддизма и других азиатских источников. И все же допущение такого влияния вполне рационально, особенно в виду первоначальной миссии Преображенского монастыря, призванного распространять православную веру среди бурятов. В этом отношении вход в Преображенскую церковь мог бы быть поразительным символом православия в Азии [23, с. 2[3].

Один из позднейших примеров восточных мотивов в орнаменте фасадов храмов XVIII века относится к Покровской церкви в Красноярске, старейшему из сохранившихся памятников в городе. Строительство церкви было начато в 1785 г., два боковых алтаря завершены в 1790 г., однако главный алтарь был освящен лишь в 1795 г. [37, с. 157]. Главная структура церкви кульминирует в вытянутом барабане и куполе. Но внешний фасад, покрашенный в красный цвет с белыми деталями, украшен внизу значительным по размеру орнаментом, который, опять же ясно указывает на восточные корни и включает формы и ступы, и лотоса [7, с. 314-321].

Богатство эkleктической архитектуры XIX в. в Иркутске лучше всего, вероятно, видно по красочной церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери (не путать с разрушенным главным иркутским собором, посвященным ей же). Получившая пожертвование от купца Александра Сибирякова и построенная в 1885 – 1892 гг. Казанская церковь отражает пышный вариант русско-византийского стиля, обычного для позднего имперского периода [20, с. 73-74; 15, с. 120-121]. Мощные оранжевые стены храма, с четко выраженными формами и увенчанные бело-голубыми клетчатými куполами, напоминают что-то, стоящее ближе к британскому раджу в Индии XIX в., чем к типично русским храмовым постройкам того же периода. Цвета стен похожи на красный песчаник, применявшийся в так называемом индо-сарацинском стиле, где тоже часто использовались разнообразные полихроматические купола [48, с. 112-120]. Сравнение становится еще более уместным, если принять во внимание близость Иркутска к азиатским странам. Как конкурирующая имперская сила Россия, безусловно, знала о британской манере индийского правления в Индии и примерах использования архитектуры в том стиле. И вне зависимости от вопроса идентичности Казанской церкви зодчий (вероятно, учившийся или живший в Санкт-Петербурге) мог видеть опубликованные иллюстрации британской имперской архитектуры в Индии. Действительно, церковное строительство в Сибири во все возрастающих объемах, даже до Транссибирской железной дороги, являет сходное использование внушительных, исполненных символизма архитектурных форм как способ установления государственного присутствия на обширной территории в Азии.

Данный обзор орнаментальных форм на фасадах сибирских церквей (преимущественно XVIII столетия) демонстрирует возможные азиатские корни некоторых из наиболее явных мотивов. В частности, традиционная восходящая форма ступы с остроконечной заостренной формой, похоже, использовалась и во фронтонах окон, и в орнаменте фасадов между окнами. Более того, вероятно, эти мотивы, не являясь признаком принятия буддизма, являются чисто орнаментальными и возникают благодаря интенсивным торговым контактам между сибирскими городами (особенно расположенными у монгольской границы) и Китаем. Тем не менее, специфические формальные источники ближе не к китайской храмовой архитектуре, а к монголо-тибетской, которая, в свою очередь, унаследовала многое от индийских форм. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования в интересах углубления нашего знания о взаимоотношениях русской и азиатской культур.

Литература

1. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток: ДВО РАН, 1999.
2. Болдырев-Казанцев Д.А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Сб. 2. Иркутск, 1924.
3. Бочаров Г., Выгулов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М.: Искусство, 1983.
4. Брумфилд У. Великий Устюг: Взгляд через объектив американского ученого-фотографа // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Т.2. Вологда: Легия, 2000. С. 350-356.
5. Брумфилд У. Святые Русского Севера. Вологда: Арника, 2001.
6. Брумфилд У. Памятники церковной архитектуры Тотемского района // Тотьма: Краеведческий альманах. Т.3. Вологда: Легия, 2001. С. 278-285.
7. Буконина Г.Ф., Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю. Покровская церковь в Красноярске – памятник архитектуры XVIII века // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 314-321.
8. Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вверх по Енисею. М.: Искусство, 1980.
9. Грабарь И.Е. История русского искусства. Т.2. М.: Кнебель, 1909.
10. Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1998.
11. Единархова Н. О чае и чайной торговле // Земля Иркутская. 1996. №5. С.17-18.
12. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987.
13. Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества. СПб.: Стройиздат, 1995.
14. Калинина И. Культурное православное зодчество // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993.
15. Калинина И. Православные храмы Иркутской епархии. М.: Галарт, 2000.
16. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984.
17. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1979.
18. Копьев А.Н. О дате основания Иркутска // История СССР. 1960. №4.
19. Корзун А.В. Особенности культовой архитектуры Иркутска // Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск: ВСКИ, 1993. С.370-376
20. Крючкова Т. Усердием и капиталом. О меценатстве при строительстве Иркутских церквей // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 66-75.
21. Лукомский Г. Памятники старинной архитектуры России // Наша провинция. СПб., 1916.
22. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, 1983.
23. Митыпова Е.С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX вв.). Улан-Удэ: БГУ, 1997.
24. Огли Б.И. Архитектурные памятники Иркутска XVIII-начала XIX вв. // Архитектурное наследие. 1979. №27. С.161-169.
25. Перцева Т. Письма из Урика // Земля Иркутская. 1996. № 6. С. 60-65.
26. Полунина Н. Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990.
27. Полунина Н. У истоков каменного града. Иркутск: ВСКИ, 1979.
28. Проскурьятова Т.С. Особенности сибирского барокко // Архитектурное наследие. 1979. №27. С.147-160
29. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII-первой половины XIX в. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993
30. Резун Д. По поводу даты основания Иркутска // Земля Иркутская. 1994.

№ 1. С.4-5.

31. Романцева Т. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. №14. С.6-7

32. Рукша Г.Л., Быкония Г.Ф., Дроздов Н.И. и др. Памятники истории и культуры Красноярского края. Т.1. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989.

33. Румянцев Г.Н. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ: [б. и.], 1960

34. Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. Иркутск, 1915

35. Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1995

36. Торшина Т. Знаменский монастырь // Земля Иркутская. 1998. № 10. С.24-27

37. Царев В.И., Крушлинский В.И. Красноярск: история и развитие градостроительства. Красноярск: Кларетианум, 2001

38. Чернявская О. Из истории винокурения в Иркутской губернии // Земля Иркутская. 1996. № 5. С. 22-24

39. Шахеров В. Для пользы сообщества достаток источая // Земля Иркутская. 1996. № 5. С.2-10.

40. Шахеров В. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // Земля Иркутская. 1994. №1. С.9-14.

41. Bell J. A Journey from St. Petersburg to Peking (1719-22). N.Y.: Barnes and Noble, 1966

42. Brumfield W.C., A History of Russian Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993

43. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Irkutsk Region of Eastern Siberia: Visual Resources, 19 (2003) 2:107-147

44. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in Siberia: Tiumen Province: Visual Resources, 16 (2000) 4:309-50.

45. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Russian North: Vologda Province: Visual Resources, 14 (1998) 1:71-106.

46. James, C.Y. China: Dawn of a Golden Age, 200-750 AD. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004.

47. Marks S. Conquering the Great East // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1995. P.33-34

48. Metcalf T.R. An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. Berkeley: Univ. of California Press, 1989

49. Mitra D. Buddhist Monuments. Calcutta: Sahitya Samsad, 1969

50. Rowland B. The Art and Architecture of India. Harmondsworth: Penguin Books, 1953

51. Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. Harmondsworth: Penguin Books, 1971

УДК 72.03

Горюнова Е.А.

Программы трансграничного сотрудничества как фактор реализации Европейской политики соседства в Украине

The Programs of trans-border cooperation for Ukraine as a factor of realization
of the European Neighborhood Policy

В статье рассмотрен механизм реализации программ трансграничного сотрудничества с участием Украины в рамках осуществления нового внешнеполитического курса Европейского Союза – Европейской политики соседства.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, Европейская политика соседства, еврорегионы, Украина

The article is devoted to the procedure of trans-border cooperation of Ukraine in the process of realization of new foreign policy course of European Union – the European Neighborhood Policy.

Key words: the trans-border cooperation, the European Neighborhood Policy, Euroregion, Ukraine

Трансграничное сотрудничество (ТГС) выступает ведущим направлением региональной политики Европейского Союза. Сегодня этот механизм используется не только внутри ЕС как один из аспектов политики сплочения, но и на внешних границах в рамках Европейской политики соседства (ЕПС), которая предусматривает активизацию контактов между приграничными регионами ЕС и соседними странами.

В результате наиболее масштабного расширения Европейского Союза в мае 2004 г. и вступления в него Румынии в 2007 г. Украина получила общую границу с ЕС протяженностью 1432 км, что составляет 24 % всей государственной границы страны. Это открывает для Киева новые перспективы взаимодействия с европейскими соседями на региональном и локальном уровне в контексте реализации евроинтеграционной стратегии Украины.

Проблема трансграничного сотрудничества нашла своё отражение в исследованиях зарубежных и украинских исследователей, таких как Р. Ратти, Д. Виллерс, П. Еберхардт, Р. Федан, В. Билчак, И. Бураковский, Ю. Макогон, Б. Парахонський, В. Дергачев, С. Пирожков, С. Писаренко, И. Студенников и др.

Трансграничное сотрудничество становится определяющим факто-

ром углубления европейской интеграции в 80-е годы XX века, когда в политическом и научном дискурсе трансформируется смысл понятия «граница» от «линии раздела» к «фактору контакта», который «скорее уже не линия, а функциональное пространство», где соприкасаются «разные общества и коллективы» [15, р. 33].

Принятие в мае 1980 г. «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями» создало правовую базу для реализации механизма трансграничного сотрудничества, который активно используется как в рамках ЕЭС для «стирания» границ между европейскими регионами и решения проблем их выравнивания, так и за пределами Сообществ в контексте реализации стратегии расширения.

Таким образом, трансграничное сотрудничество становится мощным фактором европейского интеграционного процесса, содействуя углублению интеграции внутри Сообществ и развитию тесного сотрудничества с одновременным разрешением существующих противоречий между приграничными регионами Сообществ и соседних стран – кандидатов на членство.

Провозгласив курс на европейскую интеграцию, Украина уже в начале 90-х годов прошлого века начинает активно реализовывать различные интеграционные проекты, среди которых ведущее место отводится трансграничному сотрудничеству.

В 1993 году Украина присоединилась к «Европейской рамочной конвенции о трансграничном сотрудничестве между территориальными общинами или властями» (Постановление Верховной рады Украины от 14 июля 1993 года). В 1997 году была ратифицирована «Европейская хартия местного самоуправления», в рамках которой определены полномочия и возможности местных органов власти в процессах трансграничного сотрудничества [2].

24 июня 2004 года был принят Закон «О трансграничном сотрудничестве», который определил цель и задачи государственных органов власти в сфере трансграничного сотрудничества, полномочия субъектов ТГС Украины, принципы и формы финансирования ТГС со стороны государства [3]. Однако принятие данного закона, к сожалению, не смогло стимулировать дальнейшего развития трансграничного сотрудничества для украинских еврорегионов в силу целого ряда причин. Во-первых, в рамках Закона трансграничное сотрудничество рассматривается исключительно как инструмент экономического сотрудничества. В то же время ТГС является гораздо более сложным процессом сотрудничества в приграничных районах, который охватывает целый комплекс разнообразных проблем. Во-вторых, данный закон не предусматривает особого порядка финансирования данного направления, что означает отсутствие государственной финансовой помощи.

В феврале 2005 года на заседании Совета Украина – ЕС был подписан «План действий Украина – ЕС», в рамках которого предусматривались «интенсивные политические, экономические и культурные отношения, включая трансграничное сотрудничество» [9].

Новый внешнеполитический курс ЕС – Европейская политика соседства (ЕПС) – стартовал в 2004 году с целью формирования привилегированных отношений и активизации сотрудничества в различных сферах деятельности между Союзом и его 16 соседями на юге и востоке. ЕПС включает три базовых направления для сотрудничества: программы двустороннего сотрудничества, программы регионального и межрегионального уровня и программы трансграничного сотрудничества. Цели трансграничного сотрудничества в рамках ЕПС определены как содействие социальному и экономическому развитию приграничных

регионов, обеспечение безопасности границ, совместное решение существующих проблем в сфере охраны здоровья и окружающей среды и противодействия криминалитету, а также расширение контактов между людьми.

С 2007 года финансовым механизмом реализации программ ТГС выступает Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), который предусматривает реализацию двух типов проектов регионального и межрегионального сотрудничества: проекты вблизи сухопутной (или короткой морской) границы между двумя или несколькими странами и многосторонние проекты в бассейне морей.

Главными требованиями для реализации программ ТГС выдвинуты следующие:

- 1) Реализация программ по обе стороны границы;
- 2) Унификация процедуры подготовки, подачи и выбора заявки и имплементации проектов;
- 3) Равноправие партнеров;
- 4) Формирование общих органов управления проектами: Общий орган управления (Joint Managing Authority, ЖМА), Общий технический секретариат и Общий мониторинговый комитет. При этом на ЖМА возложены функции финансового управления и администрирования; он отвечает за выполнение программы и размещается на территории государства-члена ЕС [11].

Такой механизм управления призван содействовать повышению эффективности проектной деятельности в приграничных районах и противодействовать коррупции в противовес несбалансированным механизмам координации усилий в рамках еврорегионов.

В соответствии с Индикативной программой ТГС на 2007-13 гг. предусмотрена реализация 15 программ: 9 сухопутных, 3 вблизи морских границ и 3 в бассейнах морей. Украина является участником 3 сухопутных программ (совместно с Польшей и Беларусью, совместно с Венгрией, Словакией и Румынией и совместно с Румынией и Молдовой вдоль сухопутных границ и в программе «Черное море», которое объединяет 10 стран региона) [12]. Объемы финансирования данных программ представлены в *таблице 1* [12].

Таблица 1 Объем финансирования трансграничного сотрудничества программ с участием Украины

Программа	2007-10	2010-13	2007-13
Польша – Украина – Беларусь	97.107	89.094	186.201
Венгрия – Словакия – Румыния – Украина	35.796	32.842	68.638
Румыния – Украина – Молдова	66.086	60.632	126.718
Черное море	9.025	8.281	17.306
ИТОГО	208.014	190.849	398.863

Как видно из таблицы, на период 2007-13 гг. для проектов ЕИСП с участием Украины предусмотрено финансирование в размере почти 400 млн. евро. При этом наибольший процент финансирования приходится на программы с участием Беларуси и Молдовы, что вполне объяснимо желанием ЕС содействовать развитию региональных связей между постсоветскими республиками с учетом собственных интересов. Следует также отметить, что наряду с финансированием со стороны ЕС реализация каждого проекта предусматривает 10% софинансирование остальных участников проекта, что увеличивает бюджет каждой программы.

Например, в рамках программы Польша – Украина – Беларусь бюджет возрастает до 202. 959 млн. евро [14].

Сравнительный анализ специфики организации и важнейшие цели вышеназванных программ с процентным объемом финансирования приоритетов представлены в таблице 2 [13; 14; 16].

Ведущими элементами ТГС остаются еврорегионы как юридически оформленные территории для сотрудничества между территориальными громадами или местными органами власти приграничных регионов соседних государств, действующие в соответствии с национальным законодательством и международным правом.

На сегодняшний день в Украине функционирует 7 еврорегионов (еврорегион «Черное море» пока находится в стадии институционализации), среди которых под действие трансграничных программ ЕПС попадает 4 – «Буг», «Карпатский», «Верхний Прут» и «Нижний Дунай» [6, с. 116]. Эти еврорегионы включают Закарпатскую, Львовскую, Ивано-Франковскую, Черновицкую и Одесскую области Украины, а также административные единицы Польши («Буг», «Карпатский»), Венгрии и Словакии («Карпатский»), Румынии («Карпатский», «Верхний Прут» и «Нижний Дунай»).

Программы трансграничного сотрудничества ЕПС значительно расширяют географию участников за счет отдельных районов Ровенской, Хмельницкой, Тернопольской и Винницкой областей, которые, не имея выхода к границе с ЕС, получают возможность участия в реализации общих проектов.

Первый еврорегион с участием Украины («Карпатский») был создан в 1993 году. Первоначально в его состав вошли административные единицы Венгрии, Польши и Украины, чуть позже Словакии и Румынии. Сегодня еврорегион объединяет 19 территориально-административных единиц приграничных районов пяти государств. Его площадь составляет около 150 тыс. кв. км, а население – более 16 млн. человек.

Одним из важнейших условий для формирования данного еврорегиона исследователи считают общее историческое прошлое, т.к. территории, входящие в его состав, долгое время входили в состав империи Габсбургов, что содействовало «формированию общей транспортной инфраструктуры, взаимодополнению рынков, то есть созданию единого пространственного расположения» [4, с. 119]. С другой стороны, именно общее историческое прошлое послужило причиной серьезных разногласий между местными элитами разных стран, что потребовало вмешательства центральных властей, тем самым поставив под сомнение саму сущность трансграничного сотрудничества. Значительная площадь еврорегиона препятствовала консолидации усилий в решении насущных проблем, что в совокупности с недостатком финансирования «фактически парализовало функционирование еврорегиона» [4, с. 121].

Еврорегион «Буг» был создан в сентябре 1995 года на основе инициативы местных властей, которые стремились к развитию многостороннего сотрудничества. Основателями еврорегиона «Буг» стали Вольнская область Украины и 4 воеводства Польши, а в 1998 году к ним присоединились ещё одно польское воеводство и Брестская область Беларуси.

Главная проблема данного региона – в наличии польско-украинских разногласий на местном уровне, что обусловлено историческими причинами. Поэтому, как отмечают, исследователи в еврорегионе «Буг» усилия сконцентрированы исключительно на экономическом сотрудничестве. Хотя, как мы знаем, еврорегионы призваны содействовать преодолению и межэтнических противоречий [10, с. 111].

Еврорегион «Нижний Дунай» был создан в 1998 году, объединив Одесскую область Украины, 3 района Молдовы (в 1999 объединены в

Таблица 2. Сравнительный анализ программ трансграничного сотрудничества с участием Украины

Программа	Количество регионов-участников (основные / дополнительные)	Координатор	Приоритеты/ объем финансирования, % к общему бюджету программы (10% во всех программах выделяется на техническое оснащение)
Польша, Украина, Беларусь	10 / 7 *	Министерство регионального развития Польши	1) Повышение конкурентоспособности приграничных регионов / 30% 2) Повышение качества жизни (защита окружающей среды и обеспечение безопасности границ) / 35% 3) Институциональное сотрудничество и поддержка местных инициатив/ 25%
Венгрия, Словакия, Румыния, Украина	8 / 5 **	Агентство национального развития Венгрии	1) Развитие туризма и поддержка бизнеса / 15% 2) Защита окружающей среды, управление ресурсами и готовность к чрезвычайным ситуациям/ 25% 3) Развитие транспортной инфраструктуры / 30% 4) Сотрудничество между институтами и людьми /20%
Румыния, Украина, Молдова	10 / 5 ***	Министерство развития и публичной работы Румынии	1) Конкурентоспособная экономика / 45% 2) Экологические вызовы и готовность к чрезвычайным ситуациям / 35% 3) Взаимодействие между людьми и местными сообществами / 10%

* Украину представляют Волынская, Львовская и Закарпатская области, а также частично Ровненская, Ивано-Франковская и Тернопольская области.

** Украину представляют Закарпатская и Ивано-Франковская область, частично Черновицкая.

*** Украину представляют Черновицкая и Одесская область, отдельные районы Хмельницкой, Ивано-Франковской, Тернопольской и Винницкой областей).

один повет) и 3 повета Румынии. Этот еврорегион считается одним из наиболее динамичных среди всех, в состав которых входят административные единицы Украины.

Еврорегион «Верхний Прут» был основан в 2000 году после долгого переговорного процесса и объединяет Черновицкую область Украины, 2 повета Молдовы и 2 повета Румынии.

Следует отметить, что в еврорегионах «Нижний Дунай» и «Верхний Прут» экономическое сотрудничество не выступает доминирующим. Напротив, здесь в большей степени внимание местных властей сконцентрировано на защите и сохранении культурной, исторической и языковой самобытности румынского населения в Украине и Молдове [1, с. 136].

С 2009 г. в рамках каждой из программ трансграничного сотрудничества были объявлены конкурсы проектов, которые продемонстрировали высокий уровень заинтересованности региональных представительств. В частности, в рамках первого этапа программы Венгрия – Словакия – Румыния – Украина было подано 150 заявок на сумму 55 млн. евро; а в рамках второго этапа – сумма запросов достигла почти 100 млн. евро [13]. Наибольшее число заявок в первом туре поступило в рамках приоритетов институционального сотрудничества (27%), охраны окружающей среды (21%), развития туризма и контактов между людьми (по 18%) [13].

В ходе 2-го этапа конкурса больше всего заявок (29%) поступило на проекты институционального сотрудничества. Затем следуют малые проекты сотрудничества между людьми (18%) и взаимодействия в развитии туризма (17%) [13]. При этом максимальное финансирование предусматривали проекты по охране окружающей среды (19 342 млн. евро) и институционального сотрудничества (13 694 млн. евро) [13]. Большинство представленных проектов (61%) имеют двусторонний характер. Аналогичный конкурс проводится с 2010 года в рамках Программы Польша – Беларусь – Украина.

15 сентября 2010 года Кабинет Министров Украины своим распоряжением одобрил Концепцию Государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2011-2015 годы. Как отмечается в документе, «такое сотрудничество способствует объединению усилий субъектов для решения общих проблем приграничных регионов, осуществлению евроинтеграционных мероприятий на региональном уровне» [8].

По мнению авторов, важнейшей проблемой, препятствующей развитию трансграничного сотрудничества, является недостаточный уровень развитости социальной, экономической и экологической сферы приграничных областей Украины и финансовой поддержки его реализации. Поэтому Концепция предусматривает два варианта решения данной проблемы. Первый вариант рассчитан на стимулирование развития ТГС путем предоставления государственной поддержки проектам путем софинансирования (не менее 10 процентов общего бюджета проекта), что будет способствовать активизации ТГС и увеличению объемов финансовой поддержки таких проектов со стороны ЕС. Как видим, этот вариант рассчитан в большей степени на западные регионы Украины, т.к. предусматривает софинансирование со стороны ЕС, что ставит еврорегионы на востоке страны в неравные условия и фактически лишает их возможности государственного финансирования. Второй вариант предусматривает «создание комплексной системы развития трансграничного сотрудничества, на основе которой будет осуществляться финансирование проектов трансграничного сотрудничества на всей территории страны за счет средств государственного и местных бюджетов, международной технической помощи и средств субъектов трансграничного сотрудничества»

[8]. В этом случае предусмотрено сбалансированное развитие западных и восточных приграничных регионов страны. Но этот вариант требует больших вложений со стороны государства. Предусмотренный концепцией объем финансирования программ ТГС из бюджета Украины составляет 45000 грн. (порядка 4 тысяч евро) ежегодно, что несопоставимо с запросами даже в рамках конкурсного отбора по одной из программ в западных регионах страны. Таким образом, недостаток государственного финансирования останется главной проблемой для развития ТГС в Украине на ближайший период.

С другой стороны, программы ЕПС предусматривают расширение возможностей трансграничного сотрудничества за счет вовлечения в проекты наряду с органами местной власти и других партнеров – общественные организации, ассоциации, предпринимателей, что будет содействовать развитию гражданского общества. Изменение механизма финансирования призвано сломать уже устоявшуюся систему «донор – реципиент» в отношениях с ЕС и активизировать усилия местных структур по изысканию средств на реализацию совместных проектов.

Литература

1. Гакман С. Єврорегіон "Верхній Прут" у контексті транскордонного співробітництва /С. Гакман // На шляху до Європи. Український досвід єврорегіонів. / За ред. С. Максименка, І. Студеннікова. Київ, 2000. С. 131-136.

2. Европейская хартия местного самоуправления. Страсбург, 15 октября 1985 года. [Электронный ресурс]. URL: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_036. [Дата обращения 18.11.2010].

3. Закон України "Про транскордонне співробітництво" // Голос України. 22 липня 2004 р. – № 134.

4. Лендьел М. Досвід Карпатського Єврорегіону: поштовх до переосмислення моделі транскордонного співробітництва / М. Лендьел // На шляху до Європи. Український досвід єврорегіонів / За ред. С. Максименка, І. Студеннікова. – Київ, 2000. – С. 49-55.

5. Майже 150 проектних пропозицій було отримано в рамках першого конкурсу на подання заявок. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.huskroua-cbc.net/ua/novini/majze-150-proektnei-propozicj-bulo-otrimano-v-ramka-persogokonkuru-na-podannja-zajavok/36> [Дата обращения: 20.04.2011]

6. Мікула Н. Єврорегіони: досвід та перспективи. Львів: ІРД НАН України, 2003. 222 с.

7. На финансирование ТГС Венгрия-Словакия-Румыния-Украина по 2-му конкурсу заявок запрошено почти 100 миллионов евро. [Электронный ресурс]. URL: http://www.enpi-info.eu/main.php?id=25137&id_type=1&lang_id=471 [Дата обращения: 20.04.2011]

8. Об одобрении Концепции Государственной программы развития трансграничного сотрудничества на 2011-2015 годы. Распоряжение Кабинета Министров. [Электронный ресурс]. URL: <http://pravocenter.com/zakonodatelstvo/1061-ob-odobrenii-koncepcii-gosudarstvennoj-programmy.html> [Дата обращения: 25.04.2011]

9. План Дій «Україна – Європейський Союз». [Электронный ресурс]. URL: http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=994_693 [Дата обращения: 13.11.2010]

10. Розширення Європейського Союзу: вплив на відносини України з центральноевропейськими сусідами. К., 2004. 356 с.
11. Commission regulation (EC). No 951/2007/ of 9 August 2007 // Official Journal of the European Union [Електронний ресурс]. URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:210:0010:0025:EN:PDF> [Дата обращения: 12.12.2010]
12. Cross-Border Cooperation. Strategy Paper 2007-2013. Indicative Programme 2007-2010. [Електронний ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-cross-border/documents/summary_of_straregy_paper_en.pdf [Дата обращения: 18.11.2010]
13. Hungary-Slovakia-Romania-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. [Електронний ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-cross-border/documents/hungary-slovakia-romania-ukraine_adopted_programme.pdf [Дата обращения: 20.04.2011]
14. Poland-Belarus-Ukraine Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. [Електронний ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-cross-border/documents/poland-belarus-ukraine_adopted_programme_en.pdf [Дата обращения: 20.04.2011]
15. Ratti R. Borders and Regions in a Changing Europe – a Theoretical Framework / Ratti R. // Regional Contact. 1995. No 10. P. 30-37.
16. Romania-Ukraine-Republic of Moldova Cross-border Cooperation Programme 2007-2013. [Електронний ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-crossborder/documents/romania_ukraine_republic_of_moldova_adopted_programme.pdf [Дата обращения: 20.04.2011]

УДК 332

Ганопольский М.Г., Маркова Л.М., Фёдоров Р.Ю.

Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления

**Tyumen oil and gas civilization:
Historical and geographical outline of the formation**

Становление Тюменской области в качестве объекта нефтегазодобывающей цивилизации представлено не только как результат нового индустриального освоения, но и как итог предшествовавших ему цивилизационных волн (соледобычи, пушного промысла, горнозаводской промышленности, развития лесного хозяйства). В основе предложенного подхода – ретроспективный анализ организационно-производственных форм колонизации и соответствующих структур расселения, образующих цивилизационный ландшафт.

Ключевые слова: *Освоение Урала и Сибири, соледобыча, пушной промысел, горнозаводская цивилизация, маршруты колонизации, опорный каркас расселения, цивилизационный ландшафт*

Formation of the Tyumen region as the object of oil-gas producing civilization is represented not only as a result of new industrial development, but also as a result of its predecessor civilizational waves (salt production, the fur trade, mining industry, forestry). The basis of this approach has ready retrospective analysis of organizational and industrial forms of colonization and appropriate settlement patterns that make civilization landscape.

Key words: *The development of the Urals and Siberia, salt production, pro-fur mysel, mining civilization, colonization routes, the reference frame of settlement, civilization landscape*

Индустриальное наступление на нефтегазоносный Тюменский север, от начала которого нас отделяет чуть более полувека, явилось не только мощным фактором развития производительных сил, оно преобразило ландшафт этих мест, привело к формированию крупных поселенческих образований, создало совершенно особую духовную ситуацию. За короткий по историческим меркам срок на Тюменской земле сформировался уникальный цивилизационный комплекс, ориентированный преимущественно на добычу и транспорт нефти и газа. Для него

ГАНОПОЛЬСКИЙ Михаил Григорьевич, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*). **E-mail:** gamig@gala.net
МАРКОВА Лариса Михайловна, к.т.н., доцент кафедры транспорта углеводородных ресурсов Тюменского нефтегазового университета (*г. Тюмень*). **E-mail:** markova@tsogu.ru
ФЕДОРОВ Роман Юрьевич, к.ф.н., старший научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН (*г. Тюмень*). **E-mail:** r_fedorov@mail.ru

характерны: преобладание добывающей промышленности с её привязкой к конкретному месту, утилитарное отношение к природной среде, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий и др.

Не менее важен и тот добровольный массовый порыв, который привёл на некогда безлюдные земли не энтузиастов-одиночек, а сотни тысяч людей. Здесь они становятся агентами огромного индустриального конвейера. По образу и подобию производственных технологий создаётся система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации труда распространяются на остальные сферы жизнедеятельности. Даже место жительства – это, как правило, ведомственный посёлок с проецируемой на него производственной иерархией.

Такое единство человека и технологии, обоюдно укоренённых как в природной, так и в социальной среде нефтегазового комплекса позволяет рассматривать Тюменскую область в качестве особого социально-территориального объекта – *нефтегазодобывающей цивилизации*. Подобное рассмотрение – это не преувеличение и не претензия на авторскую новацию. Скорее, речь может идти об аналогии с горнозаводской цивилизацией Урала. Правда, в последнее время понятие горнозаводской цивилизации получило преимущественно публицистическое звучание, но это несколько не снижает его эвристической значимости. Как известно, ещё в 1926 году профессор Пермского университета П.С. Богословский впервые ввёл это обозначение, характеризуя сформировавшуюся в XVIII–XIX вв. на Урале систему производства-расселения, состоящую из более чем двухсот городов-заводов. [2, с. 20]. Он показал, что речь идёт не просто об экономическом районе, а о самобытном социально-территориальном комплексе, обладающем уникальными особенностями материальной культуры и духовной жизни.

Мы же видим свою задачу в том, чтобы, опираясь на данный пример, показать, что каким бы масштабным и внушительным ни выглядело здание нефтегазодобывающей цивилизации, возникло оно не на пустом месте. В фундаменте этого здания – промышленный опыт горных заводов Урала, соединённый со всем строем их жизни. Но не только он, поскольку явился важным, но не единственным эпизодом в череде колонизационных волн, заложивших основы цивилизационного ландшафта Урала и Западной Сибири и оставивших свой след на территории современной Тюменской области. Конспективно рассмотрим эти эпизоды в исторической последовательности.

Соледобывающая цивилизация. Разработка месторождений соли несомненно стала одним из импульсов продвижения России на Север и Восток. Вначале этим занимались отдельные мелкие промышленники. В дальнейшем лидирующее положение приобрела династия солепромышленников Строгановых. С их деятельностью связано развитие Сольвычегодска, занимавшего в XVI – XVII вв. ключевое место в промышленной добыче соли и солеварении. В 1558 году Строгановы получили царскую грамоту на владение приуральскими и прикамскими землями, а в 1564 ими было основано поселение Кергедан, получившее затем название Орёл-городок (именно отсюда на покорение Сибирского ханства отправился отряд Ермака, охранявший соляные вотчины Строгановых). В 1606 году рядом с ним был создан важный центр солеварения – Усолье. Другим, ещё более старым и крупным центром в Северном Прикамье являлся город Соликаамск, основанный в XV веке промышленниками Калиниковыми. Здесь начиналась знаменитая Бабиновская

дорога, построенная в 1597 году.

Выбор места для строительства этих городов вблизи месторождений, необходимость производственно-организационных связей и путей сообщения между ними предопределили кустовой характер расселения (рис. 1).

Правда, не всегда выбор места был удачен с точки зрения природно-климатических условий. Известна борьба Строгановых с паводками и затоплениями Сольвычегодска. Аналогичные сложности возникали и в Орёл-городке. Но борьба со стихией только укрепляла людей в стремлении утвердить на этих землях промышленные формы хозяйствования. Тем самым соледобывающая промышленность отчасти вопреки природе, но в основном естественным образом способствовала заселению и обживанию новых территорий, становилась оплотом государственности, подготавливала форпосты для будущего освоения Сибири. В сочетании производительных способов деятельности с естественными формами укоренения людей и состоит её цивилизационный потенциал.

Несмотря на своё периферийное положение, многие города – центры соледобычи стали важными культурными центрами. В XVI-XVII веках соль была прибыльным и стратегически значимым товаром. Весомая часть доходов солепромышленников нередко шла на поддержку прикладных художественных промыслов, на строительство храмовых и гражданских сооружений, являвших собой выдающиеся образцы зодчества (*строгановский стиль* в архитектуре и в иконописи и др.).

В дальнейшем судьба этих городов сложилась по-разному. На протяжении XVIII-XIX столетий их экономическое значение стало уменьшаться. Отчасти это было связано с введением Петром I в 1705 году государственной соляной монополии, ограничивавшей деятельность частных промышленников, но в основном с открытием ряда новых месторождений, расположенных значительно южнее. Благодаря этому валовая добыча существенно возросла, и соль стала более доступным и менее прибыльным товаром. А поскольку себестоимость её добычи на южных месторождениях была намного ниже, это сразу же отразилось на характере жизни большинства соледобывающих городов Русского Севера. С резким падением, а затем и полным прекращением соледобычи

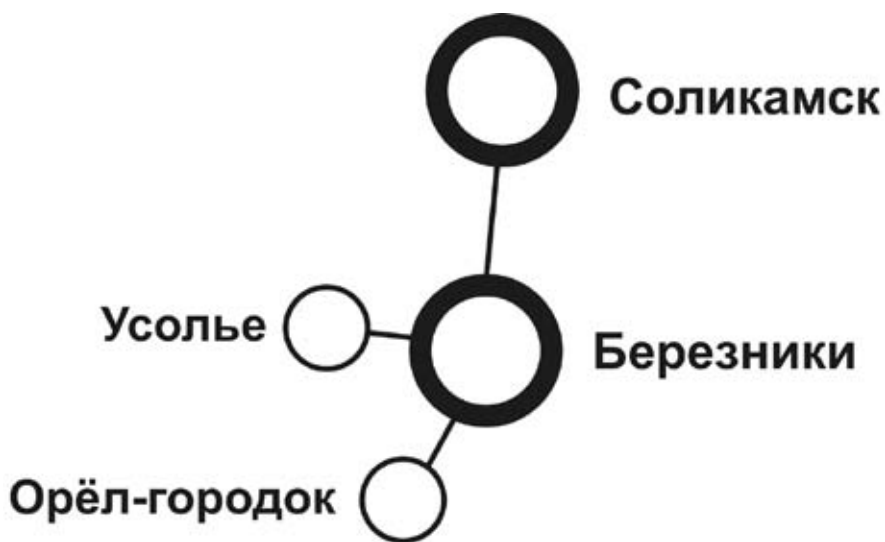

Рис. 1. Кустовая структура расселения в районах соледобычи Северного Прикамья

они стали угасать. В них почти не осталось промышленных предприятий. Только мелкое кустарное производство продолжало обслуживать потребности населения, численность которого год от года уменьшалась. Города не исчезли, но оказались словно законсервированными на целое столетие. Расположенные вдали от крупных промышленных центров Сольвычегодск, Солигалич, Тотма с их архаичной социокультурной средой и сегодня продолжают существовать в качестве своеобразных заповедников, сохраняющих ценности эпохи своего расцвета. Поэтому вполне естественно стремление развивать их как зону лечения, отдыха, туризма. Воду озера Солёное, находящегося в черте Сольвычегодска использует в лечебных целях местный бальнеологический курорт. Величественные храмы и усадьбы, построенные по заказам Строгановых и других богатых промышленников, превращены в архитектурные памятники и музеи.

Несколько иначе сложилась судьба куста соледобывающих городов Северного Прикамья. В конце XVII – начале XVIII века они, говоря современным языком, перепрофилировались, стали важным плацдармом формирования горнозаводской цивилизации. Однако затем утратили и эту роль, уступив её Перми и Екатеринбург. В начале XX столетия произошёл в некотором смысле «солевой ренессанс» данного района. Здесь были разведаны большие запасы калийных солей, в которых нуждались промышленность и сельское хозяйство страны. Это придало определённый импульс промышленному развитию района, оживило хозяйственную жизнь, торговлю. Оказалось востребованным и богатое культурное наследие Соликамска, Усолья, Чердыни. Его стали рассматривать как ресурс, имеющий высокую потребительскую ценность. В последнее время, будучи центрами культурно-познавательного туризма и историко-краеведческих исследований, эти города в большей степени известны своей музеефицированной историей, нежели современной повседневностью.

Пушная цивилизация. Пушнина стала своеобразным аттрактором, притягивающим к себе русских первопроходцев с первых шагов на сибирской земле. В XVI – XVIII вв. она была для русского государства стратегически важным товаром. Большая её часть поставлялась на экспорт, существенно пополняя казну. С добычей пушнины так или иначе связано возникновение большинства первых сибирских острогов. Конечно, основной их задачей было утверждение основ государственности на вновь присоединённых землях. Но осуществление военно-оборонительных функций, сбор ясачных повинностей с коренного населения органично сочетались с пушной охотой, поскольку это были два топологически близких вида «властвования» над территорией.

Освоение Сибири было маршрутно-каркасным. Роль узловых элементов и выполняли остроги. Именно здесь были сформированы прообразы будущих институтов государственной власти, построены первые в Сибири храмы и монастыри, созданы очаги оседлой хозяйственной жизни. «Пушные» города стали опорными элементами Сибирского пути – важной торгово-промысловой магистрали, которую иногда называют «дорогой, создавшей Россию». В первом за Уралом городе этого маршрута – Верхотурье с 1600 по 1753 гг. была размещена таможня, предназначенная для учёта и обложения налогом всей вывозимой из Сибири пушнины. Из-за этого Бабиновская дорога до середины XVIII века являлась единственным официально разрешённым путём в Сибирь.

Во второй половине XVIII века роль пушнины как стратегического товара начинает стремительно падать. Отсутствие ограничений на охоту привело к резкому сокращению численности популяций промысловых животных. Некоторые их виды были на грани истребления. В этих усло-

виях отечественная добыча пушнины не могла конкурировать с аналогичным промыслом, активно набравшим силу на Североамериканском континенте.

В хозяйственной жизни азиатской России сокращавшаяся добыча пушнины уступала место развитию промышленности, сельского хозяйства и кустарных ремёсел. Поэтому города, расположенные в местах разветвления Сибирского пути (Тюмень, Томск, Иркутск, Якутск), в силу своего удачного географического положения были лучше подготовлены к такого рода модернизации. Те же, что оказались на периферии новых экономических районов, утратили своё былое административное и хозяйственное значение и на долгие годы превратились в естественные заповедники архаичной культуры и традиционного жизненного уклада (Верхотурье, Тобольск, Тара, Енисейск).

И всё же пушная цивилизация не исчезла бесследно. Память о ней сохраняется в гербах многих «пушных» городов: соболь на гербе Верхотурья, бобр и лис на гербе Тюмени, горноста́й на гербе Тары, бабр, держащий в пасти соболя – Иркутск, песец на гербе Туруханска, лисица на гербе Салехарда и т.д. В некоторых городах – прежних центрах заготовки пушнины и по сей день существуют предприятия, специализирующиеся на разведении пушных зверей и изготовлении меховых изделий.

Но, конечно, этим значение пушной цивилизации не исчерпывается. Она стала не только средством упрочения экономического могущества страны, но и способом разведки и разметки территории Сибири. Пожалуй, единственным из возможных в тех условиях способом, адекватным огромному, слабозаселённому, неизведанному пространству. Будучи мощным стимулом продвижения русских первопроходцев на Север и Восток страны, она в то же время способствовала попутному аграрному освоению прилегающих земель, закреплению на них и тем самым – формированию первоначальной канвы расселения (рис. 2).

Горнозаводская цивилизация. К концу XVIII века в России был сформирован один из первых довольно чётко выраженных промышленных районов – Пермская губерния. Её становление связано со строительством крупных горных заводов и возникавших вокруг них городов.

Рис. 2. Основные маршруты распространения пушной цивилизации

К середине XIX века на территории Пермской губернии насчитывалось уже 260 таких городов-заводов. Это была чуть ли не половина всех промышленных поселений России [2, с. 37]. Сооружению горных заводов предшествовал почти полуторавековой период крестьянской колонизации края. Основной рабочей силой первых уральских городов-заводов и стали по большей части насильственно приписанные к ним крестьяне из близлежащих деревень. Здесь происходила переплавка крестьянской общины в промышленное сообщество [4, с. 45].

В отличие от пушной цивилизации, наметившей линейные маршруты простирания России, горнозаводская цивилизация способствовала формированию компактных локалитетов с довольно разветвлённой структурой производства-расселения (Рис. 3).

Иной стала и поляризация социального пространства. Если в городах-острогах основными градообразующими элементами были кремль, монастырь, приказная изба, дом воеводы и т.д., то фокусами пространства новых городов Урала становились заводы и такие светские учреждения, как Берг-коллегия, Горная канцелярия. Их место в культурном ландшафте Екатеринбурга и Перми отвечало принципиально иной архитектурно-градостроительной схеме, первоначально апробированной в Санкт-Петербурге, а затем модифицированной применительно к местным условиям.

В XIX и XX вв. прослеживается определённая дивергенция в развитии горнозаводской цивилизации. Часть предприятий оказывается на подъёме. На рубеже веков в них активно идёт техническое переоснащение, сопровождаемое социально-экономической модернизацией. Они органично воспринимают индустриальное обновление. Это характерно для заводов Перми, Нижнего Тагила, Екатеринбурга. Именно эти города стали форпостами последующих волн индустриализации Урала и Сибири: «капиталистической» конца XIX – начала XX века, социалистической индустриализации 30-х годов, развёртывания эвакуированных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны. Но наряду с предприятиями (и городами, где они были расположены), находившимися в авангарде перерастания горнозаводской цивилизации в индустриальную, на той же территории существовал архипелаг старопромышленных районов, где сохранялись на уровне раритетных ремёсел каслинское литьё, златоустовское оружие, сысертские изделия из самоцветов. Они и сейчас продолжают существовать, причём не на обочине цивилизации, а как полноценный самобытный слой цивилизационного ландшафта современного Урала.

В связи с этим считаем уместным сделать следующее отступление. Если О. Шпенглер считал цивилизацию смертью культуры, то в опыте освоения Урала и Сибири видим противоположное явление: затухающие (умирающие) цивилизационные волны оставляют после себя живой культурный слой. Так было с соледобычей, пушниной, и, как видим, с горными заводами Урала. Причём важны не только артефакты и сохранившиеся промыслы. Главное, это воспроизводящиеся из поколения в поколение особенности жизненного уклада и самобытные нравы многих населённых пунктов.

Лесной цивилизационный комплекс. Как известно, Тюменская область была образована в 1944 году в результате очередной перекройки административно-территориальных границ в этой части страны. Основная её часть была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской области. По территории новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям. В основном это была неудобь, казавшаяся непригодной для жизни и хозяйственной

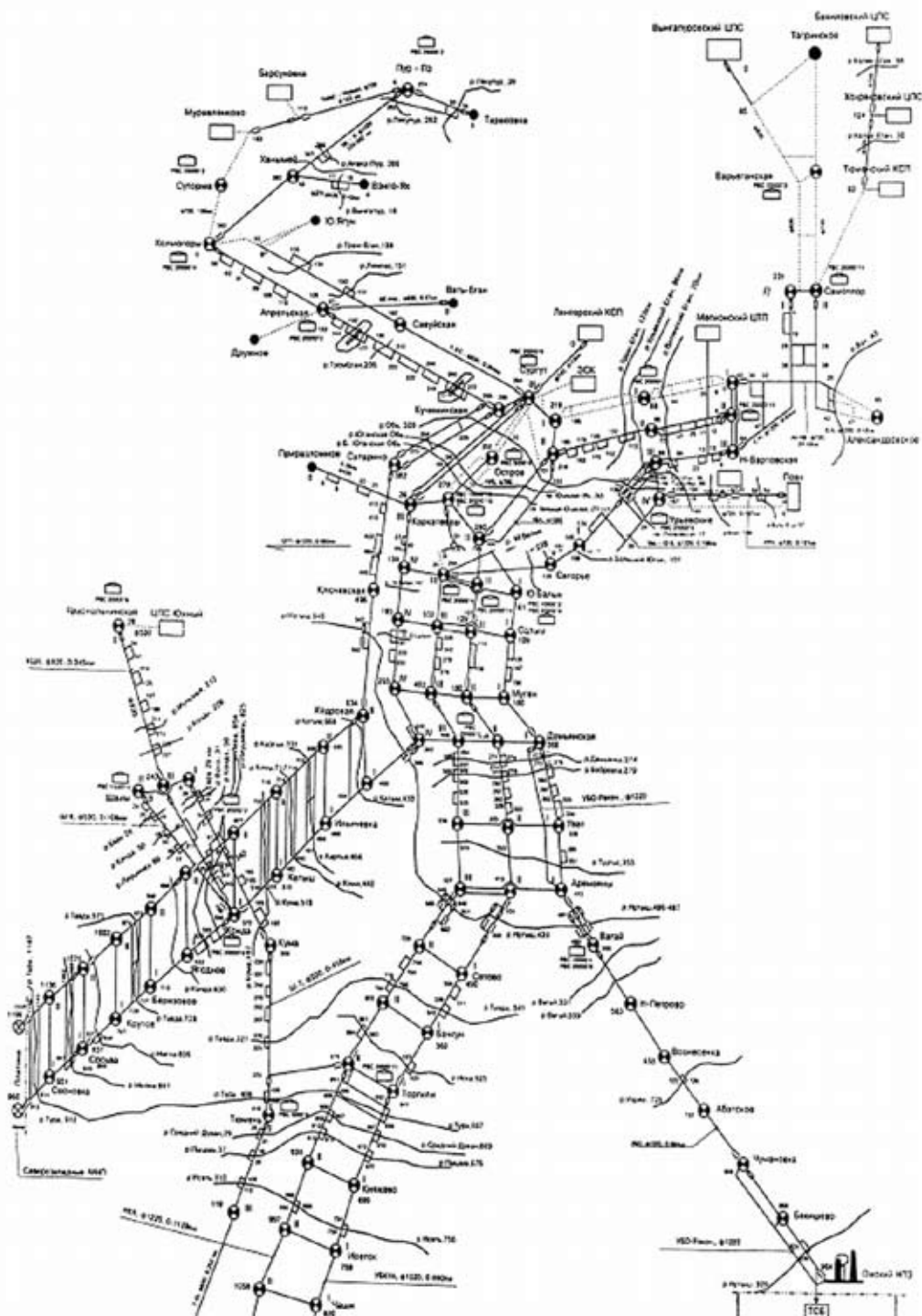

Рис. 3. Карта-схема Уральской горнозаводской цивилизации XVIII – первой половины XIX вв. (по Л.В. Баньковскому и Р.М. Лотаревой)

деятельности. Но это не совсем так. Около половины территории области сплошь покрыто лесами. Запас древесины в них оценивался в ту пору более чем в 6 миллиардов кубометров. Поэтому до открытия уникальных по своим запасам месторождений углеводородного сырья лесозаготовительная и деревообрабатывающая отрасли Тюменской области, по сути дела, определяли её промышленный облик [7, с. 8-14].

Впрочем, рассмотрение лесного комплекса с точки зрения истории и перспектив его цивилизационного развития – это отдельная самостоятельная задача, которую нам ещё предстоит решать. Что же касается воздействия данной цивилизационной волны на развитие нефтегазодобычи, то период активного индустриального переоснащения лесного комплекса в середине 60-годов и начальный этап индустриального наступления на нефтегазоносный Тюменский север не только совпали по времени и месту действия, но и в какой-то степени взаимообуславливали друг друга. Строительство железных дорог, связанные с этим изыскательские работы, развитие лесхозов и леспромхозов, их оптимальное размещение словно готовило территорию к активной геологической разметке и последующему возведению нефтегазового комплекса.

Нефтегазодобывающая цивилизация. Освоение нефтяных и газовых месторождений вызвало настоящую индустриальную экспансию огромных труднодоступных территорий, занимающих около одного процента мировой суши, привело к их массовому заселению.

Геологические партии, экспедиции – это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микрообщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии – наиболее яркие представители безместного утопического сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустойчивости, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур – подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они стали следовать заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории, игнорировавшая схему административного подчинения её фрагментов, а с другой – динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции, основой будущего цивилизационного комплекса. По сути дела, происходило превращение области как административно-территориальной единицы – в регион, понимаемый как единица пространства цивилизационного.

Но для того, чтобы это превращение состоялось, нужно было достичь баланса между производственным принципом организации труда и поселенческой топологией внепроизводственной сферы. Если в промышленных районах Европейской части страны доминирование производственного принципа нейтрализовалось развитой поселенческой инфраструктурой (социальной, бытовой, культурной и т.д), то в Тюменской области всё происходило иначе. Монофакторная, а затем и корпоративно-ячейная структура закладывались в формы расселения изначально, на первом этапе освоения. Такая практика вряд ли была способна сформировать не то что общность со всем спектром удовлетворения социальных потребностей, но даже целостную региональную популяцию. Радиальная привязка к инстанциям управления только усиливала разобщённость отдельных (ведомственных) фрагментов территории. Если и про-

исходили в этих условиях общностные процессы, то лишь на уровне коллективов предприятий. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее, наоборот – автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция?

Постараемся ответить на него ретроспективно (в первом приближении) в двух аспектах: организационном, связанном со сменой организационных парадигм; и географическом, основанном на эволюции структуры расселения.

Период нового промышленного освоения 60-х годов был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса ещё не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооружённая совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 году были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). И если в ряде экономических районов этот процесс тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах всё разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов отрасли и, конечно же, для параллельной системы административно-территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных посёлков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности. Безусловно, нечто подобное было и на предыдущих этапах индустриализации. Но тогда, как правило, либо город планировался в самом начале, либо посёлок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утверждённые и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и к чему было создавать детальный социальный проект, если на месте всё как-то стихийно утрясалось. Вместе с тем не хотелось бы здесь говорить ни о крупных просчётах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупнённый проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт индустриальной утопии, когда упрощённость и абстрактность схем действия была рассчитана на определённый

состав исполнителей.

В соответствии с логикой индустриального освоения человек чувствовал себя на своём месте, будучи «обустроенным». Речь шла не только о месте жительства, но и обо всём комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. В качестве деривата производственной структуры стала оформляться социальная инфраструктура, включавшая жилищно-коммунальное хозяйство, службу быта, торговлю и общественное питание, здравоохранение и т.д. Понятно, что в обжитых районах она складывается естественно, постепенно, а поэтому неотделима от привычных условий жизни. В районах интенсивного промышленного освоения потребовалось специально её проектировать.

В определении стратегии такого проектирования столкнулись два крайних подхода (они словно разрывали матрицу первоначального заселения по двум её составляющим). Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности, на долговременное пребывание человека в суровых климатических условиях. Второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда: вахтового, экспедиционного или же их комбинации.

В споре между сторонниками различных подходов было сломано немало копий, но не было победителей. Ни одна из стратегий не осуществилась в чистом виде. У стратегии освоения-обживания было много аргументов, чтобы стать господствующей. Но и вахтово-экспедиционный метод, в том числе и в межрегиональном варианте (МР ВЭМ), несмотря на серию грозных запретов и категоричных постановлений, продолжал существовать.

Данный метод заслуживает того, чтобы сказать о нём особо. Элементы его в той или иной степени применялись в хозяйственной практике и раньше: на транспорте, в геологии, в линейном строительстве и т.д. Издавна существовали сезонные работы, привычными были поездки на заработки жителей перенаселённых районов. Бригады шабашников, студенческие строительные отряды работали в сходном трудовом ритме. МР ВЭМ явился индустриальным воплощением своих предшественников, адекватным именно ситуации интенсивного освоения. В подобном режиме вахтовики испытывали не только физические перегрузки. Резкая смена морально-психологического климата воздействовала на них не меньше, чем смена природно-климатических зон. Методы, подобные МР ВЭМ, называют нетрадиционными, и это достаточно точно отражает не только специфику организации труда, но и формы его регуляции. Традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта работает здесь «на излом». Некоторые нормы оказываются изъятыми из порождающих типичных ситуаций; жизнь вахтовиков протекает с определённым фазовым сдвигом относительно параметров социальной динамики как по месту жительства, так и по месту приложения труда. Длительное поддержание подобного ритма жизнедеятельности требует выработки особых форм регуляции поведения, общения, трудовых и бытовых взаимоотношений. Они отличаются высоким динамизмом, в большей степени индивидуализированы, чем у постоянных работников. Вахтовики превращаются в «летающую корпорацию» со специфическими приёмами «социальной сборки» и «демонтажа», с особым кодексом неагрессивного противостояния общественному мнению. Когда в середине 80-х годов вахтово-экспедиционный метод достиг своего апогея, это был особый канал социальной коммуникации между Тюменской областью и всей страной. По нему циркулировала рабочая сила и одновременно происходил обмен социальным и нравственным опытом. То есть можно говорить о своеобразном динамичном канале взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности, что является ещё одним моментом в

формировании особого духа Тюменской нефтегазодобывающей цивилизации.

Теперь обратимся к географическому аспекту, связанному с эволюцией структуры расселения региона. На рисунке расселения так или иначе отразились все предшествующие цивилизационные волны. И хотя соледобывающая и горнозаводская волны не пересекли нынешнюю границу Тюменской области, а только подступили к ней, они тем не менее спроецировали на территорию общие направления дальнейшего освоения и конфигурацию расселенческих локусов. Кроме того, эти локусы были «пронизаны» маршрутами пушной цивилизации.

Мы уже рассматривали достаточно подробно современную структуру расселения Тюменской области [3]. Поэтому ограничимся кратким изложением опубликованных материалов, добавив к ним некоторые новые результаты.

Данная структура включает в себя опорный каркас расселения (ОКР), объединяющий города – центры нефтегазодобычи и опорно-тыловые объекты юга области. В топологическом отношении каркас представляет собой Z-образную древовидную структуру с более или менее разветвленными участками на юге области и в среднем Приобье, а также участки фрагментарного развития: участок вокруг городов Нягани и Югорска, линейный элемент у города Салехарда и Лабытнанги, транспортная ветвь к рабочему посёлку Междуреченский.

Сложившаяся структура сформировалась как результат взаимодействия доиндустриальных цивилизационных волн и нового индустриального освоения периода нефтегазодобычи. Можно выделить по крайней мере три основных способа такого взаимодействия: *подавление, преемственность, компромисс*. Так, основной костяк каркасной структуры сформировался в период нового индустриального освоения путём *подавления* очаговых, дисперсных и иных доиндустриальных форм расселения. Наиболее разветвленные участки развивались как результат *преемственности* при смене схем освоения. А участки фрагментарного развития имеют в своей основе доиндустриальную схему с различной степенью последующего индустриального влияния.

Кроме основного каркаса и его дериватов, в структуру расселения входят относительно автономные расселенческие кластеры. Один из них представлен населёнными пунктами, тяготеющими к сети магистрального транспорта нефти и газа. Его автономность обусловлена не только особенностями заселения этих мест, но и спецификой территориальной организации транспортной сети. Основной принцип её развития в момент начала разработки нефтяных и газовых месторождений исходил из логики централизованного управления народным хозяйством и сложившейся специализации экономических районов страны. Считалось, что предприятия по подготовке и переработке углеводородного сырья должны быть сосредоточены в местах его массового потребления (те же, как известно, были удалены от мест добычи на тысячи километров). Кроме того, существенным в этой стратегии был экспорт нефти и газа за пределы страны. Потребовалось ускоренное сооружение сверхдальних нефте- и газопроводов, которые и по сей день определяют конфигурацию сети магистрального трубопроводного транспорта России и стран СНГ.

Транспортные артерии нефти и газа, берущие начало на Тюменских месторождениях, стали неотъемлемой чертой индустриального ландшафта области, поскольку значительная часть их русла проходит по её территории. Однако с точки зрения организующего воздействия на региональную систему расселения наиболее значимы наземные объекты транспортной сети. Это, прежде всего, нефтеперекачивающие и газокomppressorные станции (НПС и КС). На рисунках 4 и 5 представлены

схемы трубопроводов, на которых отмечены эти объекты.

Существует ряд методик по расстановке НПС и КС на трассе трубопровода [1]. Однако теоретические расчёты – это лишь предварительная намётка мест их размещения. Практика сооружения трубопроводов исходит из того, что перекачивающие станции предпочтительнее размещать вблизи населённых пунктов, источников энерго- и водоснабжения, существующей сети железных и шоссейных дорог. Кроме того, определённые требования предъявляются и к площадкам этих станций. Таким образом, в освоенных районах их местоположение задаётся изначально. Понятно, что в Тюменской области всё оказалось сложнее. Поскольку нельзя превышать верхнюю границу нормативного расстояния между двумя соседними станциями, выбор мест их расположения зачастую был связан с необходимостью возводить новые посёлки, сооружать там минимум объектов производственной и социально-бытовой инфраструктуры, заново прокладывать большинство коммуникаций. Но и в существовавших посёлках требовалась подчас серьёзная модернизация зданий, сооружений, производственных мощностей, да и всего комплекса жизнеобеспечения.

Основные характеристики магистральных нефтепроводов и газопроводов в границах Тюменской области на завершающем этапе формирования сети приведены соответственно в *таблицах 1* [9, с. 16] и *2* [8, с. 12].

Таблица 1.
Нефтепроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяжённость трассы, км	3395	4204	6178	6085
В однопутном исполнении, км	6275	8159	10684	10597
Количество нефтепроводов, шт.	12	20	32	34
Средний диаметр труб, мм	1057	1029	988	988
Количество НПС, шт.	60	80	83	83

Таблица 2.
Газопроводы Тюменской области

Основные характеристики	1980	1985	1990	1995
Протяжённость линейной части, км	9279	18024	27672	27790
Количество газопроводов, шт.	7	12	18	20
Средний диаметр, мм	1320	1369	1386	1395
Количество КС, шт.	27	42	50	50

С тех пор число населённых пунктов, где расположены наземные объекты сети, требующие постоянного стационарного обслуживания, осталось практически без изменения. Зато изменилось соотношение образующих поселенческих факторов. Правда, это почти не коснулось городов, но во многих сёлах и посёлках, в том числе пригородных, фактор обслуживания транспортной магистрали стал преобладающим, а порой и единственным.

Казалось бы, это весомые аргументы в пользу того, чтобы рассматривать сеть трубопроводов и притрассовые посёлки как линейную часть и узловые элементы опорного каркаса расселения. Но, несмотря на очевидное организующее значение трубопроводов, подобная структура не

Рис. 4. Схема нефтепроводов ОАО «Сибнефтепровод»

образует каркаса расселения в его классическом понимании [6]. Нефтегазовые магистрали нельзя назвать путями сообщения в обычном смысле. Не являются таковыми и дороги технологического назначения, проходящие вдоль трассы трубопровода. Пассажирское и грузовое сообщение между посёлками организовано по другим дорогам, а в ряде случаев осуществляется воздушным транспортом. Поэтому узловые элементы такого каркаса лишены двух основных функций: районообразующей и коммуникативной (фактора взаимодействия). То есть, за ними остаётся лишь освоенческая роль [5, с. 115]. Это, главным образом, расширение зоны влияния населённого пункта на прилегающую территорию, вовлечение её в хозяйственный оборот, а также использование в других целях, в том

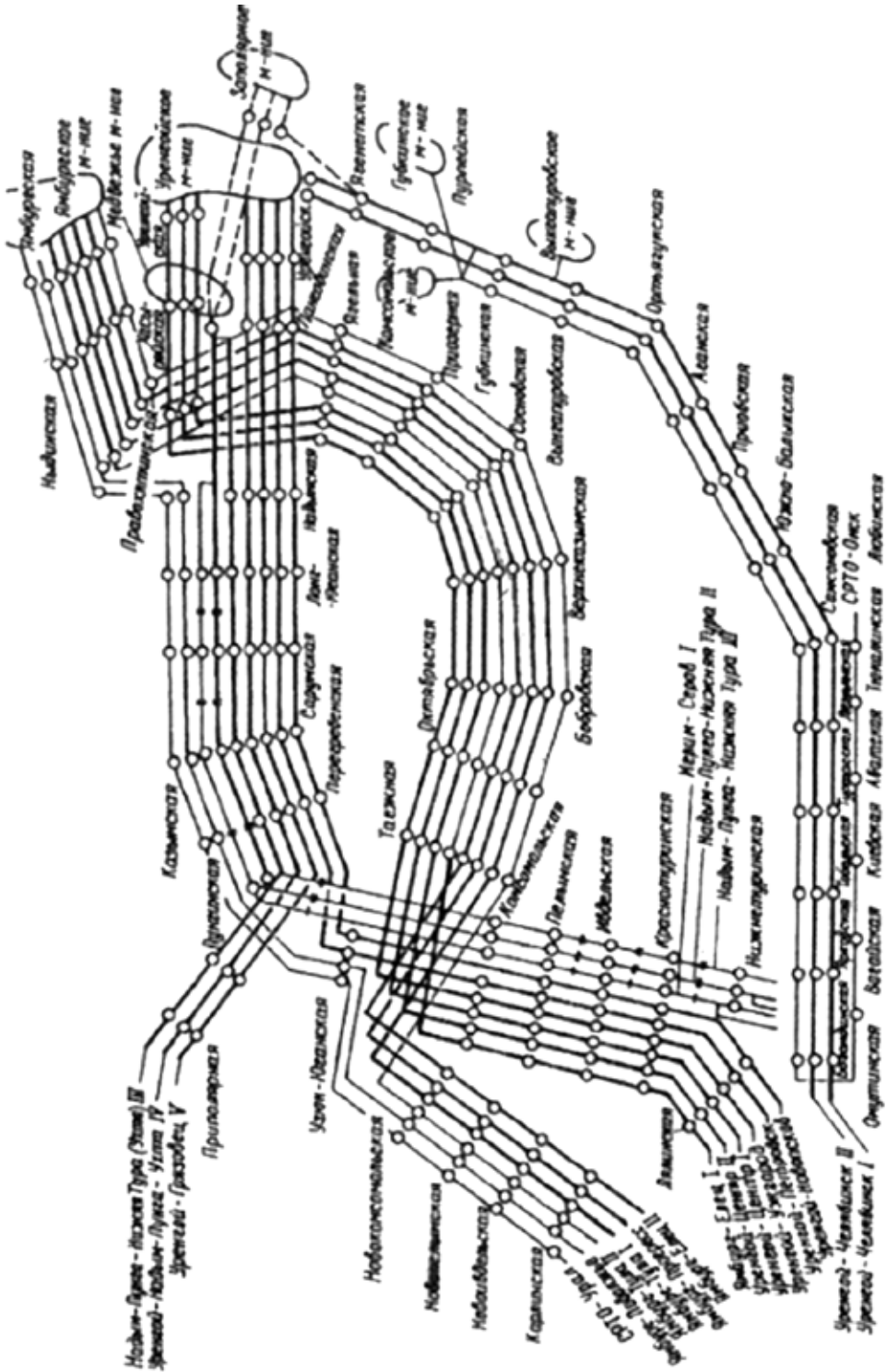

Рис. 5. Схема магистральных газопроводов Тюменской области

числе и рекреационных. В связи с этим и вся структура данного кластера по своим характеристикам ближе всего к каркасу освоения. Но этим её назначение не исчерпывается. Данная структура уникальна тем, что объединяет в себе как порождающие, так и консервативные механизмы воздействия на популяцию. Это своего рода *протокаркас*. С одной стороны, он способствует расширению сферы заселения и обживания территории, возникновению новых микрокаркасов расселения в пределах административного района и на межрайонном уровне, а с другой, сохраняет и закрепляет доминирующее положение притрассовых населённых пунктов в расширяющейся расселенческой схеме.

Специального рассмотрения заслуживает и вопрос о месте и роли данного кластера в социокультурном пространстве региона. Здесь может оказаться полезной аналогия с закрытыми городами, точнее с населёнными пунктами, входящими в категорию закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО). Их закрытость официально оговорена и предусматривает целый ряд запретов и ограничений.

Понятно, что в небольших населённых пунктах, расположенных вдоль трассы трубопровода, изолированность и закрытость совсем другого рода. Это, по сути дела, «другая Тюменская область», не столь многочисленная, малоизвестная, не слишком привлекательная, обделённая общественным вниманием. Но она заслуживает такого внимания. Подобно закрытым городам это место жизни и работы является специализированным, в нём тесно переплетены бытовая повседневность и высокая степень ответственности за результаты труда. От социального благополучия этих мест зависит многое, в том числе энергетическая и экологическая безопасность не только конкретного региона, но и всей страны.

В заключение отметим, что масштабная разветвлённая сеть магистральных трубопроводов и привязанная к ней многочисленная, рассредоточенная по территории области совокупность обслуживающих населённых пунктов по-настоящему уникальны. И хотя здесь, если не считать крупных городов, проживает менее 10% населения области, а в административно-территориальном, экономико-географическом, коммуникативном и других отношениях эти населённые пункты порой предстают как несвязанные, интегрирующая роль данного кластера несомненна. В составе разветвлённой структуры транспорта-расселения он не просто объединил отдельные рисунки расселения в общую картину, отвечающую задачам комплексного развития территории, но и сделал нечто большее: придал этой картине ожидаемое жанровое своеобразие – портрета нефтегазодобывающей цивилизации.

Литература

1. Алиев Р.А., Белоусов В.Д., Немудров А.Г. Трубопроводный транспорт нефти и газа. М.: Недра, 1988. 368 с.
2. Баньковский Л.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2004. – 202 с.
3. Ганопольский М.Г., Литенкова С.П. Структура расселения в Тюменской области: особенности генезиса и перспективы развития // Известия РАН. Серия географическая. 2005. №3. С. 56-62.
4. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия. – М.: Наука, 2000. – 261 с.

5. Лаппо Г.М. География городов. М.: Владос, 1997. – 480 с.
6. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение // Известия АН СССР. Серия географическая. 1983. №5. С. 16-28.
7. Решетников А.С. Тюменский лесной комплекс. Тюмень: ИЗА Пульс, 1997. – 312 с.
8. Эксплуатация магистральных газопроводов. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 528 с.
9. Эксплуатация магистральных нефтепроводов. 3-е изд., перераб. и доп. Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 661 с.

УДК 303.8

Журбей Е.В.

«Мозговые центры» и внешняя политика Китайской народной республики: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy of the People's Republic of China: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе современного Китая. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Китая и их зарубежных аналогов. В статье подробно рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую китайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия.*

The article is devoted to the history of the Institute of «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary China. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of China and their foreign counterparts. The organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Chinese leadership's foreign policy are discussed in the article in detail.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Для того чтобы получить более чёткое представление о разнообразии китайских «мозговых центров», некоторые исследователи попытались их классифицировать. Китайский исследователь Ли Хуанли выделяет три категории таких центров: государственные аналитические центры, специализированные академические исследовательские институты и аналитические центры, связанные с университетами. Первая категория «мозговых центров» теснейшим образом связана с Государственным советом и различными ведомствами и министерствами правительства. Некоторые из «мозговых центров» этой категории являются наиболее известными и авторитетными в этой области, такие как CIPS и CICIR. Эти структуры подчинены и финансируются правительством Китая, а их исследователи являются гражданскими служащими среднего звена, но без обладания рычагов административной власти. Главная миссия подобных «мозговых центров» заключается в предоставлении эксперт-

Окончание. Начало см в № 2, 2011 г.

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

ных оценок руководству страны, партии, принимающих решения. Эти «мозговые центры» отличаются от американских или европейских тем, что они не являются частными организациями, но и постепенно отходят от классического китайского канона, где советники одновременно были правительственными сановниками. По словам Ли Хуанли государственные «мозговые центры» имеют значительные привилегии над своими коллегами в других категориях.

Вторая категория состоит из специализированных академических исследовательских институтов, главным образом многочисленных институтов в сфере международных отношений аффилированных с Китайской академией социальных наук (CASS). Академия фактически находится под прямым управлением Госсовета, а её институты не полностью сосредоточены на политических или внешнеполитических исследованиях, как таковых. В отличие от первой категории китайских «мозговых центров», результаты исследовательской деятельности академических институтов лишь изредка привлекаются для реализации в текущей правительственной деятельности, практике. Из-за своего академического статуса эти институты оказывают меньшее влияние на власть, чем их «коллеги» из первой категории. Исследования, проводимые академическими институтами, носят в большей степени теоретический и долгосрочный характер, что не позволяет их использовать в оперативной деятельности политиками-практиками. С точки зрения доступа к информации, академические институты находятся несколько в стороне от государственных каналов, по которым идет, в том числе, секретная и чувствительная информация, что снижает их исследовательский потенциал. Несмотря на то, что центры этого типа извлекают выгоду из регулярного доступа на высоком уровне к китайскими политикам через официальные бюрократические каналы, исследователи признают низкий уровень реального взаимодействия китайских академических институтов с правительственными и партийными структурами. Вместе с тем, по мнению Ли Хуанли, благодаря развитию регулярного процесса консультаций по вопросам внешней политики в 90-е гг. – начале XXI в. академические институты в сфере международных отношений постепенно увеличивают своё влияние, в частности потому, что они смогли установить контакты с зарубежными научно-исследовательскими организациями по всему миру, что положительным образом сказалось на результатах их исследований. Именно академические институты в последнее время служат своеобразным мостом между китайским правительством и дипломатическими миссиями зарубежных государств в Пекине.

Третья категория «мозговых центров» включает в себя центры аффилированные с китайскими университетами, которые по сей день остаются наименее влиятельными в связи с «географическим» удалением от центров принятия решений, а также в силу излишней академичности результатов исследований. Вместе с тем недооценивать роль данных центров нельзя по той причине, что университеты располагают наиболее разветвленной сетью контактов с зарубежными университетами и исследовательскими центрами, в которых проходят обучения китайские студенты на основе обменных программ или стажировок. Аналогичные возможности стажировок или получения научных степеней получили и преподаватели китайских университетов. Наличие этих и иных каналов сотрудничества со своими зарубежными партнерами повысили влияние представителей данной категории «мозговых центров» на политические решения, принимаемые властью. Возрастающая сложность международных проблем вынуждает китайское руководство искать дополнительные знания и опыт более широкого круга специалистов, в том числе иностранных специалистов. Некоторые из центров данной категории нашли

определенную нишу, в которой их опыт признается, в том числе на высоком правительственном уровне, что позволяет «мозговым центрам» этого типа извлекать в свою очередь выгоду из привилегированного доступа к лицам, принимающим решения.

Иную типологию китайских «мозговых центров» предлагают Чжу Хуфенг и Сюэ Лань [20, p. 454]. Они выделяют «полуофициальные» (негосударственные) общественные институты и «гражданские» (частные) аналитические центры, т.е. научно-исследовательские институты, связанные с компаниями, университетами и некоммерческими фондами. Они не являются полностью независимыми от правительства, но имеют большую автономию в управлении, чем официальные научно-исследовательские институты. Их руководители назначаются правительством, и они финансируются за счет государственных средств и в этой связи предоставляют аналитику государственным органам власти. Они пользуются большей свободой, поскольку имеют право принимать денежные средства от иностранных государственных учреждений или международных организаций. Эти «мозговые центры» появились в конце 1970-х гг. В качестве примера можно привести Китайский центр информационного развития промышленности (China Centre for Information Industry Development, CCID) и Институт развития Китая (China Development Institute, CDI). Деятельность обоих центров направлена на обеспечение научными исследованиями и политическими консультациями органов государственной и партийной власти Китая. Институт развития Китая получил одобрение на своё создание со стороны Госсовета КНР и занимается преимущественно экономическими исследованиями для всех уровней власти, а также коммерческих компаний. Он имеет тесные контакты с ЦК КПК через членов своего совета. Из-за своих тесных связей с государственными и партийными структурами данный «мозговой центр» представляет собой гибрид из двух категорий, а именно «полуофициальных» («негосударственных») исследовательских институтов и «гражданских» (частных) «мозговых центров» [20, p. 456].

Вторая категория состоит из гражданских (частных) центров. Они получают финансирование из различных источников, но преимущественно из частных источников (китайские компании, иностранные фонды и т.д.). Эти «мозговые центры» часто весьма скромны в своих размерах, но в состоянии привлекать известных исследователей, в том числе и зарубежных. Гражданские центры все чаще и чаще подвергают критике экономическую политику правительства. В этой связи точкой приложения исследовательских программ подобных центров являются экономика или реже экология, но, практически никогда – международные отношения. Такие центры создаются по инициативе ученых экономистов, предпринимателей и общественных деятелей и финансируются исключительно на негосударственные деньги. Они рассчитывают, прежде всего, на частные пожертвования и специальные субвенции в рамках реализуемых национальных проектов или программ подготовки кадров. Они регулярно проводят семинары, ежегодные конференции, и получают доходы от издательской деятельности. К числу частных «мозговых центров» можно отнести созданные в 1993 г. некоммерческий институт экономики (Unirule Institute of Economics) и в 1994 г. некоммерческая экологическая организация «Друзья природы» (Friends of the Nature). «Друзья природы» – старейшая экологическая НКО в Китае, сделавшая ставку на повышение экологического сознания среди широкой китайской общественности. Подобные частные аналитические центры долгое время оставались «маргинальными» с точки зрения возможности влияния на власть и воздействие на общественное мнение. В сфере же международных отношений практически невозможно обнаружить реально

независимый, частный «мозговой центр». Одним из таких исключений является «маленький» и независимый «мозговой центр Китая» (China Think Tank) созданный в 2006 г. Это один из трех или четырех исследовательских центров в области международных отношений в Китае с минимальным контролем со стороны правительства, но с весьма значительным уровнем влияния. Данный центр объединяет порядка двухсот экспертов высокого уровня, которые проводят исследования в области безопасности, обороны и военной стратегии, так как более половины из сотрудников центра являются бывшими военными. Данный центр частично финансируется за счет государственных субсидий для реализации специальных проектов, а также за счет оплаты семинаров и тренингов со стороны коммерческих компаний. Залог независимости подобных центров заключается в способности оказывать эффективную экспертную поддержку правительственным структурам при сохранении «доброжелательно – критического» отношения последних.

При исследовании вопроса роли китайских «мозговых центров» во внешнеполитическом процессе нельзя обойти весьма специфическую роль Департамента планирования политики при МИД КНР, но при этом отметим, что руководящие принципы внешнеполитической деятельности формируются в Госсовете Китая, где функционирует два высших органа, определяющих стратегию внешней политики. Во-первых, это «Малая рабочая группа лидеров в области иностранных дел» (Foreign Affairs Work Small Leading Group) и, во-вторых, это «Малая рабочая группа лидеров в области национальной безопасности» (National Security Work Leading Small Group). Обе структуры официально курируются Ху Цзиньтао, но на самом деле координирует деятельность этих двух групп Дай Бинго, возглавляющий секретариат обоих органов. В КНР отсутствует совет национальной безопасности и отсутствует концепция национальной безопасности. Внепартийные органы по сложившейся практике имеют меньше власти, чем партийные структуры, и поэтому всеми экспертами признается то, что Министерство иностранных дел КНР не определяет внешнеполитическую стратегию страны, а занимается преимущественно тактическими вопросами. Четыре последних министра иностранных дел являлись карьерными дипломатами, но при этом весьма жестко придерживались партийной линии. Эксперты отмечают, что ирония ситуации заключается в том, что лица, принимающие в стране решения в области внешней политики, привлекают иные ресурсы, а не структуры МИДа, так как последнее воспринимается, как оплот консерватизма и инерции. Дай Бинго и его сотрудники привлекают консультантов и экспертов, в том числе из числа сотрудников китайских «мозговых центров». Вместе с тем «малые рабочие группы» в Госсовете не предусматривают работы на постоянной основе и процедура привлечения экспертов из «мозговых центров» строится на разовой основе и чаще всего это происходит в чрезвычайных ситуациях.

Существующий дисбаланс в системе принятия внешнеполитических решений, побудил лиц, принимающих решения, повысить значимость Департамента планирования МИД (Policy Planning Department, PPD) [17]. Одной из основных особенностей сотрудников департамента является то, что появилась возможность доступа экспертного сообщества к лицам, принимающим внешнеполитические решения. За последние годы программа регулярных консультаций между должностными лицами департамента и экспертами «мозговых центров» расширена, что позволило привлечь к разработке внешней политики страны значительное количество «мозговых центров», расположенных как в Пекине, так и за его пределами, например SIIS из Шанхая.

Большая часть китайских государственных «мозговых центров»

пользуется привилегированным каналом влияния на высшее руководство через институт «личных связей». Например, Ма Женганг (Ma Zhengang) из СИИС, Жу Хонг (Zhou Hong) из CASS или Янг Чжимин (Yang Jiemian) из СИИС были приглашены на регулярной основе консультировать государственного советника Дай Бинго, курирующего внешнюю политику в Госсовете КНР. Кроме прямого личного влияния посредством системы «личных связей» в высших эшелонах власти, на внешнеполитический процесс в период напряженности и кризисных ситуаций влияет и мнение экспертов «мозговых центров». Эта тенденция особенно находит отражение в системе «экспертных оценок» (pishi), где старшие должностные лица и лидеры придают социальную значимость аналитическим отчетам поступающих из низших эшелонов власти. Так как отчеты и сопровождающие их «экспертные оценки» (pishi) распространяются среди заинтересованных министерств и ведомств, что делает их похожими на дипломатические депеши на Западе, то «хорошие», качественные экспертные оценки являются важным элементом в карьере политика и соответствующего эксперта, поскольку подобные экспертные оценки влияют на их репутацию среди коллег и должностных лиц в области политики, в том числе внешней политики.

В отличие от Соединенных Штатов в Китае нет механизма «вращающейся двери» между «мозговыми центрами» и институтами власти. В США помимо наработки новых идей для высших должностных лиц в государственных учреждениях, «мозговые центры» обеспечивают стабильный приток экспертов для работы в приходящих к власти администрациях и в аппарате Конгресса. В США каждый момент передачи власти порождает смену сотен сотрудников исполнительной власти среднего и высшего звена. «Мозговые центры» помогают президентам и министрам заполнить этот вакуум. Наряду с поставкой экспертов во вновь приходящие администрации «мозговые центры» создают уходящим должностным лицам условия для продолжения работы. Они могут делиться идеями, по крупицам собранными на государственной службе, участвовать в актуальных внешнеполитических дебатах и составлять неформальный теневой истеблишмент по международным делам. Подобная «вращающаяся дверь» – уникальное явление, присущее преимущественно США. В большинстве стран мира наблюдается строгое разделение между кадровыми государственными чиновниками и находящимися вне официальных структур аналитиками. Долгое время в Китае отсутствовала система рекрутирования сотрудников МИДа из числа сотрудников «мозговых центров». Как правило, движение было однонаправленным, т.е. из МИДа в «мозговые центры». Карьерные дипломаты по выходу на пенсию трудоустраивались в государственные или полугосударственные аналитические и исследовательские институты. Однако ситуация начинает мало помалу меняться. До классической «вращающейся двери» Китаю ещё далеко, но все большее количество экспертов «мозговых центров» привлекаются к подготовке и проведению международных мероприятий (саммитов, конференций, семинаров). Например, большая часть китайской официальной делегации в декабре 2009 г. на саммите по климату в Копенгагене была составлена из числа экспертов «мозговых центров».

Отмечается либерализация взаимоотношений между «мозговыми центрами» и СМИ Китая. Ранее важнейшая функция «мозговых центров», а именно доведение результатов исследований до широкой общественности в Китае не реализовывалась в силу чрезмерной цензуры. Сегодня же западные дипломаты отмечают прорыв в вопросе донесения позиций «мозговых центров» до китайской общественности через СМИ. В качестве примера можно привести обсуждение экспертами китайских «мозговых центров» северокорейской ядерной программы в мае 2009 г.

Так, эксперт из «мозгового центра» университета Жэньминь Ши Юнхонг инициировал дебаты по вопросу о целесообразности изменения официальной политики КНР в отношении Пхеньяна. Вопросы ядерной безопасности, нераспространения оружия массового поражения уже сегодня являются более или менее открытой темой в обсуждении экспертами на страницах китайских СМИ.

Внешнеполитические журналисты, комментаторы в СМИ в настоящее время рассматриваются в качестве третьей силы во внешнеполитическом процессе КНР после правительственных исследовательских институтов и университетов. Это стало возможным благодаря тому, что китайская общественность в настоящее время более образованна и проявляет повышенный интерес к внешней политике благодаря доступу к всемирной сети Интернет, где существуют сотни, если не тысячи форумов, блогов, на страницах которых обсуждаются наиболее горячие темы международных отношений. Политические форумы, блоги, социальные сети занимают нишу негосударственных субъектов во внешнеполитическом процессе в Китае, но эта тема уже иного исследования.

Дебаты на страницах средств массовой информации по-прежнему редки, а экспертов «мозговых центров» преимущественно привлекают для того, чтобы оказать интеллектуальную поддержку политике правительства. Осенью 2009 г. на страницах китайских газет обсуждались гипотетические перспективы китайской интервенции в Афганистан. К дебатам привлекались эксперты государственных «мозговых центров» КНР. Вместе с тем некоторые горячие темы международной политики остаются вне публичной сферы и не комментируются открыто, например, проблематика Тибета, пограничные споры с Индией или территориальные споры в Южно-Китайском море. Газеты и журналы все больше и больше восприимчивы к инновационным идеям, идущим от экспертного сообщества в сфере политики, которые затем представляются в редакционных статьях и колонках экспертов. Постепенно усиливается конкуренция среди экспертного сообщества за влияние на те или иные СМИ, за эксклюзивное предоставление «своего» экспертного мнения на страницах той или иной газеты или журнала. Уже сегодня некоторые «мозговые центры» все больше полагаются на свои контакты со СМИ, чтобы попытаться компенсировать отсутствие внимания со стороны политиков. Ужесточение конкуренции между экспертами и жажда признания, скорее является положительным моментом в развитии китайских «мозговых центров», так как ведет к росту числа экспертного сообщества в области политики, а также к поиску контактов с зарубежными «мозговыми центрами» и зарубежными СМИ. Китайские эксперты, к сожалению, до сих пор ещё не преодолели внутреннюю цензуру и по-прежнему стесняются общаться на постоянной основе с иностранными журналистами или журналистами либеральных СМИ Гонконга.

Эксперты, работающие в «мозговых центрах» при китайских университетах находятся вне механизма влияния на внешнюю политику государства, но некоторых из них в силу личных связей имеют доступ к лицам, принимающим решения. Чэнь Цзянь из Школы международных исследований университета Жэньминь и Шен Дингли из Школы американских исследований при университете Фудань консультируют первых лиц государства, а их многочисленные ученики пользуются авторитетом и репутацией своих наставников для построения карьеры профессиональных дипломатов. Сегодня пять китайских университетов (Бейда, Цинхуа, Жэньминь, Фудань и Нанкай) получили признание в мире в качестве авторитетных центров подготовки международных экспертов в сфере внешней политики, национальной безопасности Китая. Возврат к конфуцианским традициям в современном Китае при-

дает дополнительный авторитет фигуре «профессора». «Мозговые центры» в Китае в ближайшее время будут все больше заинтересованы в привлечении университетских профессоров. Авторитет университетских «мозговых центров» может в ближайшие годы превзойти авторитет и влияние академических научно-исследовательских институтов, т.е. полугосударственных политических институтов. Интеллектуальные продукты университетов менее академичны и обладают большей степенью практического применения в сравнении с «продуктами» полугосударственных «мозговых центров». Это не уникальная китайская тенденция и стоит отметить, что многие немецкие или французские аналитические центры проигрывают конкуренцию научным подразделениям университетов этих стран в борьбе за влияние на национальные правительства или наднациональные структуры Европейского Союза.

С другой стороны, рядом с отдельными университетскими «звездами»-экспертами трудится значительное количество ученых, которые жаждут большего влияния на политику посредством экспертной деятельности, но не имеют для этого финансовых ресурсов, уровня доступа к механизмам влияния и соответствующих стимулов. Даже престижные университеты, такие, как университет Фудань, сталкиваются со значительными проблемами финансирования. В большинстве случаев, университеты вынуждены самостоятельно изыскивать средства для проведения исследований собственных сотрудников, а в это время государственные или академические «мозговые центры» финансируются правительством напрямую. Китайских профессоров иногда привлекают к подготовке докладов по внешней политике для лиц принимающих решения, которые затем оцениваются по системе «экспертных оценок» (pishi). Результаты, какими бы хорошим они не были, не сказываются на повышении репутации ученого и не влияют на его продвижение по службе, тем самым не мотивируют университетских сотрудников тратить драгоценное время и научно-исследовательские ресурсы на политические и внешнеполитические доклады, в то время как их можно было затратить на подготовку публикаций для научных журналов. Правительство постепенно осознает, что система «экспертных оценок» имеет недостатки и минимизирует привлечение университетского экспертного сообщества, что позволяет прогнозировать в ближайшее время реформирование данной системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что изучение китайских «мозговых центров» позволяет открыть новые возможности исследований в сфере внешней политики и внешнеполитического процесса Китайской Народной Республики. До последнего времени исследователи полагали, что «мозговые центры» представляли собой исключительно чисто американский феномен, но, как показало исследование, «мозговые центры» заняли в последние годы более видное положение в политическом процессе Китая, чем можно было предположить. Способность китайских «мозговых центров» прямо или косвенно участвовать в формировании внешней политики и готовность китайских политиков, партийных функционеров обращаться к ним за советом приводят исследователей к выводу, что эти структуры начинают оказывать более сильное воздействие на формирование государственной политики, чем это было два или три десятилетия назад.

Как отмечает Дональд Эйбелсон, очень немногие исследователи, пытаясь измерить или оценить влияние «мозговых центров», внимательно рассматривают то, как достигается политическое влияние и какие разнообразные преграды приходится преодолевать [1]. По крайней мере, важно осознавать, что «мозговые центры» оказывают различные типы политического влияния на различных стадиях политического цик-

ла. Рост численности «мозговых центров» в Китае подводит нас к заключению о росте их влияния. Однако прежде чем прийти к такому выводу, исследователям надо будет уделять пристальное внимание тому, какой вклад внесли «мозговые центры» в конкретные внешнеполитические дебаты и следовали ли их советам политики, работающие в разных министерствах и ведомствах, что весьма трудно в практике закрытости китайской политической системы, в том числе, в процессе выработки внешней политики.

Многие ученые, западные дипломаты и политики все ещё недооценивают роль и потенциал китайских «мозговых центров». Мы попытались весьма кратко показать, что «мозговые центры» Китая стали более заметны и во многих отношениях становятся мало помалу важными участниками политического процесса. Исследование позволило нам углубить наши теоретические и эмпирические знания в весьма закрытой сфере взаимоотношений между экспертным сообществом Китая и политической властью. Для отечественных исследователей, наблюдателей ближе всего изучение формальных механизмов планирования и реализации внешнеполитического процесса, а изучение «мозговых центров», как неформальных институтов предоставляет нам новые перспективы понимания внешнеполитических инициатив и решений, а также толкают нас на размышления о происходящей в Китае интеллектуальной революции.

И все же тот факт, что «мозговые центры» так разрослись с 1949 г., скорее дает нам представление о культуре, обществе и политике Китая, чем о масштабах влияния, оказываемого этой разнородной совокупностью государственных, академических и частных «мозговых центров» на политическую среду и конкретные политические решения. Несомненно, «мозговые центры» Китая могут вносить и вносят свой ценный вклад в китайскую внешнюю и внутреннюю политику. Вопросы, на которые до сих пор пытаются ответить исследователи, относятся к тому, насколько сильно их воздействие и какими способами оно осуществляется. Ответы на эти и другие вопросы позволят получить дополнительные представления о роли и функциях этих организацией и об их месте во внешнеполитическом процессе Китая.

Литература

1. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> [Дата обращения 4.03.2007 г.].
2. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
3. Cabestan, Jean-Pierre, China's Foreign and Security Policy Decision-making Processes under Hu Jintao, Journal of Current Chinese Affairs, 3, 2009, p. 86.
4. Cheng, Li, China's New Think Tanks : Where Officials, Entrepreneurs, and Scholars Interact, China Leadership Monitor, № 29, 2009. p. 3.
5. Glaser, Bonnie S., Saunders, Phillip C., Chinese Civilian Foreign Policy Research Institutes : Evolving Roles and Increasing Influence, The China Quarterly, 2002, vol. 171, p. 604.

6. Haass R. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: a Policy-makers perspective. [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73haass.htm> [Дата обращения 1.03.2007 г.]
7. Lili Wang, The Brookings Institution (2008), Think Tank in China : Growing Influence and Political Limitations, Washington DC, 2008, p. 36 [Электронный ресурс]. URL. www.brookings.edu/~media/Files/events/2008/1023_china_think_tanks/20091023_china.pdf [Дата обращения: 15.01.2011]
8. Mc Gann. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> [Дата обращения 1.03.2007 г.]
9. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2009, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2010. p.40 [Электронный ресурс]. URL. http://www.sas.upenn.edu/irp/documents/2009GlobalGoToReportThinkTankIndex_1.31.2010.02.01.pdf
10. The Chinese People's Institute of Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cpifa.org/en/s/toCpifaSurvey.do?channelId=5> [Дата обращения: 15.01.2011]
11. The China Institute of International Studies [Электронный ресурс]. URL. <http://www.ciis.org.cn/en/aboutus1.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]
12. The China Foreign Affairs University [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cfau.edu.cn/cfauEN/index.html> [Дата обращения: 15.01.2011]
13. The China Institute of Contemporary International Relations [Электронный ресурс]. URL. <http://www.cicir.ac.cn/english/infoView.aspx?cid=172> [Дата обращения: 15.01.2011]
14. The Chinese Academy of Social Sciences [Электронный ресурс]. URL. http://bic.cass.cn/english/InfoShow/Arcitle_Show_Cass.asp?BigClassID=1&Title=CASS [Дата обращения: 15.01.2011]
15. The Development Research Center of the State Council [Электронный ресурс]. URL. <http://www.drc.gov.cn/english/index.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]
16. Institute of Asia-Pacific Studies [Электронный ресурс]. URL. <http://www.rsis-ntsasia.org/people/members/member-iaps.html> [Дата обращения: 15.01.2011]
17. The Policy Planning Department [Электронный ресурс]. URL. <http://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zjzg/zcyjs/> [Дата обращения: 15.01.2011]
18. The Shanghai Institute for International Studies [Электронный ресурс]. URL. http://www.siiis.org.cn/en/About_Siis.aspx [Дата обращения: 15.01.2011]
19. Zhang, Yuchen. Think tank scholar has more fresh ideas than old shoes, Global Times. August 10, 2009
20. Zhu Xuefeng, Lan Xue, Think tanks in Transitional China, Public administration and development, vol. 27, Issue 5, 2007. p. 454.

УДК 002.2:001.891

Рубан Д.А.

Задачи региональных научных периодических изданий в условиях глобализации

Challenges for regional scientific media under conditions of globalization

Региональные научные периодические журналы сохраняют своё значение в условиях глобализации. К числу основных стоящих перед ними задач следует относить обеспечение научно-технического развития и конкурентной среды, регионального лидерства в научной сфере и внешних связей регионального научного сообщества, сохранение специфики научной культуры, а также предоставление возможности опубликования результатов территориально-ограниченных исследований.

Ключевые слова: *научный журнал, регион, глобализация, лидерство, конкуренция.*

Regional scientific media retain their importance under conditions of globalization. The main challenges for them include formation of the basis for scientific and technological development and competition, regional leadership in science, and external relations of the regional scientific community, preservation of specific scientific culture, and also offering a possibility for publication of results from spatially-restricted research projects.

Key words: *scientific journal, region, globalization, leadership, competition*

Основным вектором развития современной науки является глобализация. Она выражается в формировании единого международного научного сообщества с общими нормами и квалификационными требованиями. Более того, глобализация создает предпосылку для возникновения единого информационного пространства. Ученые всех стран все больше ориентируются на публикацию результатов своих исследований в международных журналах, издаваемых такими корпорациями как Elsevier, Springer, Wiley-Blackwell и др. Более того, именно журналы, а не книги и другие виды печатной продукции являются приоритетной формой представления результатов научных исследований для ученых [6]. В этой связи возникает закономерный вопрос о том, какое значение должны играть региональные научные периодические издания в условиях глобализации.

Региональные научные периодические издания, публиковавшиеся университетами, научно-исследовательскими институтами, музеями и т.д. играли исключительную роль в развитии науки вплоть до 1980-90-х г.г., когда началось заметное усиление интернациональных изданий.

РУБАН Дмитрий Александрович, к. геолого-минералогических н., доцент Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) . **E-mail:** ruban-d@mail.ru

Последние стали доминировать на научном медиа-рынке с началом XXI века. В отношении медиа-рынка понятие «регион» может быть истолковано различным образом. Речь может идти об административных единицах государства (областях, краях, провинциях и т.п.), исторических областях страны (например, Алтай, Урал, Северный Кавказ) и более крупных, «наднациональных» территориях (например, Дальний Восток, Балканы). Региональные научные периодические издания, во-первых, издаются в пределах одного из таких регионов, а, во-вторых, предназначены для публикации результатов исследований работающих в его пределах ученых. Если в полном смысле интернациональные издания публикуются транснациональными издательскими домами или международными научными организациями (обществами, ассоциациями и т.п.), а национальные – академиями наук и другими организациями отдельных стран, то региональные издания публикуются отдельными научными учреждениями (ВУЗаами, НИИ, музеями и т.д.) и сравнительно небольшими (хотя подчас влиятельными) научными организациями. В одних случаях региональные научные периодические издания позиционируют себя как таковые (например, «Научная мысль Кавказа» (Россия), «Geološki anali Balkanskoga poluostrva» (Сербия), «Idaho Law Review» (США)), тогда как в других обозначают свою связь с конкретными научным учреждением (например, «Annalen des Naturhistorischen Museum in Wien» (Австрия)) или вообще не самоидентифицируются (например, «Natura Nascosta» (Италия), «Trabajos de Geologa» (Испания)).

В условиях глобализации региональные научные периодические издания могут решать, как минимум, пять основных задач. Первой из них является обеспечение научно-технического развития на региональном уровне и создание конкурентной среды для деятельности ученых из разных научных учреждений. Глобализация не является неким абстрактным или сугубо «наднациональным» феноменом. Напротив, предполагаемое её развитие происходит за счет региональных и национальных ресурсов. Решение указанной задачи представляется важным в свете актуальности развития региональной науки, особенно в таких крупных по размеру странах как Россия [1-5]. Более того, публикация журнала нередко способствует повышению статуса научного учреждения [3]. В качестве примера можно привести издание таких журналов как «Вестник ТГУ» (г. Томск), «Вестник ТИСБИ» (г. Казань) и т.п.

Второй существенной задачей является вклад в региональное лидерство на национальном и интернациональном уровнях, которое проявляется в т.ч. и в развитии инновационного научно-технического потенциала. Региональность журнала не означает более низкого уровня его научного содержания или нацеленность только на региональную аудиторию. Напротив, глобализация способствует установлению единого для всего мирового научного сообщества уровня исследований. Тот же самый процесс обеспечивает открытость научных систем и, следовательно, возможность участия региональных периодических изданий в формировании национального и международного научных медиа-рынков. В качестве примера можно привести журналы «Journal of the Geological Society, London» (Великобритания) или «Revue de Paléobiologie» (Швейцария). Будучи по определению региональными изданиями, они, тем не менее, относятся к числу наиболее престижных научных изданий как на уровне стран, где они публикуются, так и на глобальном уровне. Указанные журналы публикуют результаты наиболее актуальных исследований, проводимых учеными из разных стран по всему миру. Иными словами, ранг региональных изданий может изменяться в широких пределах (от регионального до международного) (Рис. 1). Чем он больше, чем более успешной является региональная научная система, в рамках

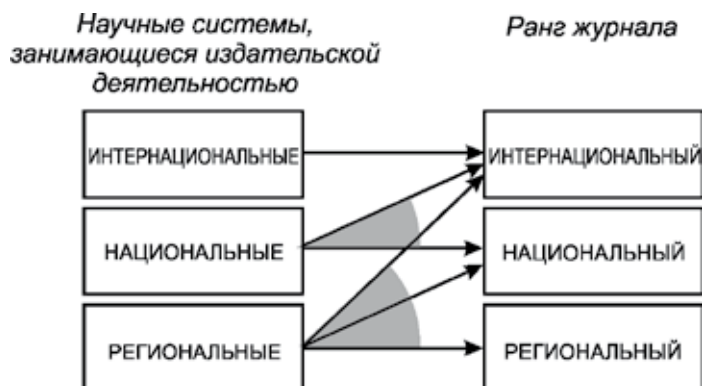

Рис. 1. Соотношение научных журналов по рангу и иерархическому положению публикующих их научных систем.

Сектор, выделенный серым цветом, показывает потенциал для развития в условиях глобализации

которой данное издание публикуется.

Современные представления о лидерстве [7, 8] трактуют это явление, в частности, в контексте формирования «узлов», связывающих конкурирующие субъекты. В региональных научных периодических изданиях выполнение этой функции может проявляться в привлечении авторов из научных систем других, в т.ч. весьма удаленных регионов. Например, журнал «*Cadernos do Laboratorio Xeoluxico de Laxe*», издаваемый Университетом Ла-Коруньи в Испании, привлекает авторов не только из данного ВУЗа, но и из других научных центров Испании, а также Аргентины, Бразилии, Португалии. Это способствует повышению престижа всей научной системы региона Галисия. Вклад научных изданий в региональное лидерство в научной сфере возможен за счет публикации в них материалов крупных научных конференций, совещаний и симпозиумов, проходящих на базе отдельных научных учреждений. Также появляются нелинейные виды конкуренции, в частности, между престижными региональными и интернациональными журналами (Рис. 2). Более того, за счет стремления к лидерству на международном медиарынке оживляется конкуренция между изданиями разных регионов, которые изначально слабо конкурировали между собой. Одновременно с этим решается и третья задача, заключающаяся в обеспечении связи научного сообщества региона с национальным и мировым. Эта задача становится как никогда актуальной в условиях глобализации, требующей наличия множества межуровневых и латеральных связей внутри мирового научного сообщества.

В качестве не менее важной задачи для региональных научных периодических изданий следует рассматривать сохранение научной культуры и научной идентичности конкретного региона, а также обеспечение научной преемственности. Глобализация способствует выработке общих стандартов качества и принципов организации исследовательской деятельности. В этой связи уникальный опыт, накопленный отдельными региональными научными системами, может исчезнуть. Например, для исследований японских геологов характерна исключительная детальность, которая не всегда может быть удачно отражена при публикации результатов исследований в ведущих международных изданиях. Опыт спелеологических исследований, накопленный специалистами из естественнонаучного музея в Монфальконе (Италия), и особый стиль изложения полученных ими результатов полностью пере-

Рис. 2. Появление новых форм конкуренции по мере увеличения ранга регионального научного журнала

даются региональным изданием «Natura Nascosta», тогда как они могут оказаться «затушеванными» использованием общепринятого стиля в случае подготовки статей в международный журнал. Более того, сам дизайн и композиция статей, часто отличающиеся заметным своеобразием, в региональных журналах может рассматриваться как своего рода историческое наследие. Если процесс глобализации не сдерживается сохранением региональной идентичности научной системы, то он принимает противоречивый характер, т.к. «корни» глобализации лежат в опыте, накопленном на региональном и национальном уровнях. Важно также отметить, что существенным вызовом для современных научных журналов является соблюдение баланса интересов авторов и читателей [9]. Развитие региональных научных периодических изданий, сохраняющих уникальную культуру и служащих «площадками» для дискуссий между местными специалистами, является идеальным ответом на этот вызов.

Наконец, пятой задачей, остающейся актуальной даже в условиях глобализации, является предоставление региональными научными периодическими изданиями возможности для опубликования статей по проблемам, интересующим, прежде всего, специалистов, работающих в конкретном регионе. Это особенно важно для наук, где роль региональных исследований исключительно велика. Таковыми можно считать, в частности, геологию, географию, экологию, биологию, археологию, экономику, социологию. Теоретические разработки и «прорывные», инновационные исследования в этих и ряде других наук часто базируются на материале, полученном в ходе территориально-ограниченных исследований. Если развитие региональной научной системы сведется только лишь к реализации проектов, имеющих глобальное значение, что в действительности происходит в отдельных странах, то в будущем потенциал для научного развития окажется исчерпанным в силу дефицита фактического материала или невозможности его истолкования в более широком региональном контексте. Для примера отметим, что геологическая наука более продуктивно развивается в тех странах (Италия, Япония, Франция), где осуществляются исследовательские проекты разного масштаба (по региональности) и при этом существует многоуровневый научный медиа-рынок.

На основании всего вышесказанного может быть сделан общий вывод о том, что региональные научные периодические издания сохраняют

свое значение в условиях глобализации. Тем не менее, стоящие перед ними задачи, безусловно, претерпевают изменения.

В заключение автор выражает признательность проф. Тому ван Лоону (Нидерланды) и д-ру Кристиану Майстеру (Швейцария) за плодотворный обмен мнениями, проф. Джойс Лиддл (Великобритания) за помощь с литературой, а также своим студентам за полезные дискуссии в рамках курса «Основы научных исследований».

Литература

1. Галина В.Л. К проблеме формирования регионального научно-образовательного пространства // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 134-141.

2. Задумкин К.А., Кондаков И.А. Региональная научно-техническая политика: основы формирования и мониторинг реализации // Проблемы развития территории. 2010. № 3. С. 14-19.

3. Зубец В.В., Ильина И.В. О статусе научных изданий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2010. № 1. С. 316-319.

4. Монастырный Е.В. Университеты и научные центры как базовые элементы региональной инновационной системы // Инновации. 2006. № 7. С. 87-90.

5. Носачевская Е.А. Актуальные вопросы регионального управления научной сферой в России // Проблемы современной экономики. 2010. № 2. С. 340-343.

6. Соколова И.С. Типологические черты научных изданий по естествознанию // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2005. № 2. С. 108-115.

7. Grint K., Martin G., Wensley R., Martlew C., Doig B., Gray P. Leadership in the public sector in Scotland // ESRC Seminar Series: Mapping the public policy landscape. Swindon, ESRC, 2009. 17 p.

8. Hamel G. Moonshots for management: What great challenges must we tackle to reinvent management and make it more relevant to a volatile world // Harvard Business Review. 2009. V. 87. P. 91-98.

9. Zielicki T., van Loon T., Biernacka J., Pisarska-Jamroïy M. Reader-friendly publishing, the role of special issues, and your possible role as guest editor // Geologos. 2010. V. 16. P. 81-82.

УДК 343.4

Жерновой М.В.

Организованная преступность в странах Евросоюза

Organized crime in EU countries

В статье содержится краткий анализ состояния и тенденций развития организованной преступности в странах Евросоюза. Автор использует данные, содержащиеся в докладе Европола за 2011 г.

Ключевые слова: *организованная преступность, торговля людьми, незаконная миграция, наркотики*

This article analyzes the organized crime in EU countries. The author uses statistics from the latest Europol's report on this issue.

Key words: *organized crime, human trafficking, alien smuggling, drugs*

Европейское полицейское ведомство (Европол) – правоохранительное учреждение, которое предназначено для оказания практического содействия и информационной поддержки на европейском уровне мероприятиям полицейских органов государств в области борьбы: 1) с транснациональной организованной преступностью, 2) с международным терроризмом, а также 3) с «другими тяжкими формами преступности» международного характера (всего 24 вида преступлений) [2].

Европол создан и функционирует в рамках организации «Европейский Союз» и, следовательно, распространяет свою деятельность на территорию его 27 государств-членов. Однако в качестве учреждения с правами юридического лица Европол уполномочен устанавливать сотрудничество с не входящими в Европейский Союз («третьими») государствами, а равно с международными организациями и учреждениями, включая Интерпол. В 2004 г. соглашение о сотрудничестве было заключено между Европолом и Российской Федерацией.

Каждые два года Европол представляет доклад, в котором оцениваются угрозы безопасности стран Евросоюза со стороны организованной преступности. В нём содержится подробный анализ современного состояния и тенденций развития наиболее опасных форм организованной преступности [3].

По данным Европола, главные центры европейской наркоторговли остаются в северо-западной части Евросоюза и, в первую очередь, в Бельгии и Нидерландах, откуда осуществляется дистрибуция наркотиков по

всей Европе. Как отмечают специалисты, морские порты этих стран уже давно являются основным перевалочным пунктом для контрабанды кокаина и героина. Также, морским путём в Бельгию и Нидерланды поставляются компоненты для производства синтетических наркотиков и, прежде всего, экстази. Следует отметить, что за последние несколько лет бельгийские и голландские «специалисты» разработали около 65 новых видов дешёвых синтетических наркотиков, которые «экспортируются» за пределы Европейского союза.

Легализация «лёгких» наркотиков сделала Нидерланды крупнейшим поставщиком этой продукции в другие европейские страны. Легальные заведения, реализующие «лёгкие» наркотики, стали не только источником семян, приспособлений и технических знаний для их производства за рубежом, но и сами финансируют выращивание продукции в других странах в обмен на часть урожая. В некоторых странах уже действуют группировки, состоящие из голландцев и местных жителей.

В своём докладе Европол указывает также на возросшее значение Чёрного моря для доставки в Европу героина. Через Иран, Азербайджан, Грузию и Украину героин попадает в Румынию и страны Балтии, откуда распределяется по странам ЕС. В качестве перевалочных баз используются также порты Варна в Болгарии и Констанца в Румынии.

В целом наркобизнес большей частью контролируется турецкими, марокканскими и китайскими группировками, которые, базируясь в Бельгии и Нидерландах, развернули деятельность на территории всего Евросоюза. Голландские турки также известны бартерными обменами синтетических наркотиков на героин с преступными группировками из Турции. Китайцев отличает отлаженная сеть дистрибуции, которая поражает специалистов своей эффективной иерархической системой. Кроме того, в распространении наркотиков на общеевропейском уровне активное участие принимают литовские и албанские преступные группировки.

Главные перевалочные пункты европейской работорговли находятся на Иберийском полуострове и Южной Италии, откуда жертвы доставляются по всему Евросоюзу. Преступные группировки, занимающиеся торговлей людьми, крайне чувствительны к изменению спроса и готовы всегда снабдить заказчиков необходимой рабочей силой. Сегодня торговцы людьми стремятся заработать на доставке нелегальных мигрантов и их последующей эксплуатации. Основной поток рабской силы в Европу поступает из Китая и Нигерии воздушным путём. Криминальные структуры используют для доставки жертв похищенные паспорта с фотографиями похожих людей.

Китайские нелегалы, как правило, обречены на рабский труд в ресторанах азиатской кухни и на текстильных предприятиях. Часть из них становится работниками публичных домов, обслуживающих китайские общины. Эксперты подчёркивают, что закрытость китайской диаспоры мешает оценить истинные масштабы принудительного труда в этом сегменте населения, однако, судя по всему, китайцы составляют самую большую армию рабов в Евросоюзе.

Соперничать с китайцами по объёмам торговли людьми, как полагают эксперты, могут разве что нигерийские преступные группировки. В отличие от китайцев, у них нет строгой иерархической системы, а особую роль в реализации преступных схем выполняет женщины. Они являются ключевыми фигурами в этом процессе – от поиска жертв до их эксплуатации. Нигерийки, как правило, не ощущают себя жертвами и работают в знак благодарности «избавителям». Обычно они становятся членами преступных группировок, полностью подчиняясь воле «мадам». Эта культурная особенность мешает жертвам из Нигерии сотрудничать

с местными правоохранительными органами.

За последние несколько лет произошли значительные изменения в структуре нелегальной миграции. Ужесточение контроля на границах ударило по «стихийной» миграции, однако общие потоки нелегалов остаются на прежнем уровне из-за активизации преступных группировок на Балканах. Финансовый кризис в Греции усилил позицию организованной преступности в этой стране, сделав её главными европейскими воротами для нелегалов. Греко-турецкая граница является на данный момент самым слабым местом на рубежах Шенгенской зоны. Только за 2010 г. потоки мигрантов, попадающих в другие страны Евросоюза из Греции, выросли более чем в 5 раз.

Всё чаще в криминальных схемах принимают участие туристические агентства, которые помогают преступникам наладить незаконное получение шенгенских виз. Эксперты подчёркивают, что «миграционная» мафия становится многоэтнической, однако главную роль в этом процессе играют турецкие преступные группировки. Отметим, за последние годы Турция стала главным перевалочным пунктом для нелегалов, следующих в Евросоюз. Растущая роль Турции в качестве транзитной страны укрепляет положение турецких преступных групп, которые уже набрали большой опыт в создании каналов для переброски нелегалов, и будут использовать все ресурсы и контакты в ЕС для увеличения прибыли на этом рентабельном рынке.

Опыт турецкой мафии уже перенимают преступники из Румынии и Болгарии, которые готовятся к вступлению в зону стран Шенгенского Соглашения. Также в организации нелегальной миграции на юго-восточных рубежах Евросоюза активное участие принимают албанские преступные группировки, которые, по данным Европола, за последние годы стремительно расширили сферу влияния в ЕС.

Прибыли от контрабанды сигарет настолько велики, что, несмотря на все усилия таможенников, эта нелегальная отрасль бурно развивается. В 2010 г. лишь в Германию было ввезено 22 млрд. незадекларированных сигарет, в результате чего потери государства составили более 4,5 млрд. евро. Как показывает практика, часть сигарет привозят из-за границы сами курильщики, но значительная часть – дело рук преступных группировок. Главные страны-поставщики контрабандного табака – Россия и Украина. Зачастую это так называемые «белые» марки, то есть, не контрафактные, а сигареты с вымышленными наименованиями, как, напр., «Jin Ling». Изготавливают их в основном в Калининграде. В последнее время контрабандисты пытаются развернуть нелегальное производство на территории Польши и других стран ЕС – ведь везти нелегальный табак гораздо проще, чем готовые и упакованные сигареты.

В апреле 2008 г. на заседании министров юстиции и внутренних дел 27 стран-членов Евросоюза было принято решение провести мониторинг угрозы со стороны российской организованной преступности (РОП)¹. По итогам этой работы Европол представил экспертный доклад с оценкой угрозы для безопасности Евросоюза. Оказалось, что сегодня РОП представляет потенциальную, а не реальную угрозу. Причём связано это с интенсивной внешнеэкономической деятельностью коммерческих структур, подконтрольных РОП. Серьёзную тревогу вызывают преступные группировки, занимающиеся преступной деятельностью в сфере высоких технологий, производством и сбытом фальшивых евро,

¹ Напомним, что в 2006 г. Европол уже проводил аналогичный анализ, который касался общей оценки деятельности различных этнических преступных группировок на территории ЕС. Тогда эксперты пришли к выводу, что русскоязычные преступные группы из стран Балтии являются одними из самых опасных в Европе.

махинациями с кредитными картами, отмыванием денег.

В целях повышения эффективности международного сотрудничества в борьбе с РОП было заключено Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией (Рим, 6 ноября 2003 г.). Компетентными органами, ответственными за его реализацию, являются МВД, ФСБ, ФСКН, ФТС и ФСФМ. Главным органом определено МВД России, а непосредственные контакты обеспечивает входящий в структуру Национального центрального бюро Интерпола Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европоллом.

Данное Соглашение распространяется на несколько групп преступлений: против жизни и здоровья человека; терроризм и его финансирование; незаконный оборот наркотиков; незаконный оборот культурных ценностей; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, ядерных и радиоактивных материалов; имущественные преступления, включая мошенничество, хищение и незаконный оборот транспорта; отмывание денег; незаконная миграция, торговля людьми и эксплуатация проституции третьими лицами. Сейчас идёт подготовка Оперативного Соглашения между РФ и Европоллом, в соответствии с которым будет возможен обмен персональными данными и материалами по конкретным уголовным делам [1].

Литература

1. Интервью начальника Российского национального контактного пункта по взаимодействию с Европоллом А. В. Прокопчука. // Журнал «Преступление и наказание». 2009. №1.
2. РЕШЕНИЕ СОВЕТА от 6 апреля 2009 г. о создании Европейского полицейского ведомства (Европол) (2009/371/ПВД).
3. Europol's 2011 Organized Crime Threat Assessment (ОСТА).

УДК 343.4

Сухаренко А.Н.

Теневая экономика Дальнего Востока: мрачные перспективы

Shadow economy of the Far East: dismal prospects

Статья посвящена анализу теневого сектора экономики Дальнего Востока, а также принимаемым государством мерам по его сокращению. Автор использует статистические данные Росстата и правоохранительных органов

Ключевые слова: *теневая экономика, неформальная занятость, налоги, контрабанда, преступность*

This article analyzes the shadow economy of the Far East, as well as measures taken by the state to reduce it. The author uses statistics of Rosstat and law enforcement agencies.

Key words: *shadow economy, informal employment, taxes, smuggling, crime*

В апреле руководитель Росстата А. Суринов обнародовал неутешительные данные о масштабах теневой экономики в России. Теневая экономика представляет собой корректировку ВВП на теневые операции юрлиц, а также неформальное производство и производство домохозяйств для собственных нужд. По словам Суринова, доля этого сектора составляет около 16% ВВП, или 7,1 трлн. рублей [4]. При этом Росстат не учитывал таких незаконных видов деятельности, как: наркоторговля, проституция, контрафакт и коррупция. В свою очередь, по оценкам Всемирного Банка, в 1999-2007 гг. средний размер теневой экономики в России составлял 48,6% ВВП [2].

В 2010 г. средняя доля занятых в неформальном секторе экономики по России составила 16,6% (2009 г. – 19,5%, а в предыдущие годы в пределах 17-19%) [4]. Согласно методологии Росстата, к занятым в неформальном секторе относятся лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, на одном из предприятий неформального сектора независимо от статуса занятости и того, являлась ли данная работа основной или дополнительной. Критерием отнесения предприятия к неформальному сектору является отсутствие у него государственной регистрации в качестве юрлица. Кроме этого предприятиями нефор-

СУХАРЕНКО Александр Николаевич, директор Центра новых вызовов и угроз национальной безопасности Приморского института государственного и муниципального управления (г. Владивосток). **E-mail:** sukharenko@mail.ru

мального сектора считаются домохозяйства или некорпоративные предприятия, принадлежащие домохозяйствам, которые производят товары и услуги для реализации на рынке и не имеют статуса юрлица.

Анализ выборочных обследований рабсилы за 2001-2009 гг. показывает, что общероссийская доля занятых в неформальном секторе от общей численности экономически активного населения выросла на 5% (с 14,3% до 19,5%), а дальневосточная – на 7,3% (с 13,5% до 20,8%). Если конвертировать проценты в человеческие ресурсы, то прирост окажется ещё внушительнее. В целом по России неформальная занятость за указанный период подросла на 4,3 млн. человек, а по ДФО – на 245 тыс. человек [6].

Если проанализировать региональное распределение неформальной занятости, то окажется, что показатели ухудшились у большинства субъектов округа. Наиболее заметно у Амурской области, Приморского края, Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области. И, напротив, несколько улучшились показатели у Хабаровского края и Магаданской области. Хотя и эта оценка представляется нам весьма спорной.

По итогам 2009 г. лидерами по неформальной занятости населения среди субъектов округа стали Приморский край (26,4%) и Амурская область (31,1%). Несмотря на невысокие абсолютные показатели неформальной занятости по её процентному отношению к общей численности занятого населения можно выделить ЕАО, Камчатский край и Республику Саха (Якутия).

Динамика изменения численности и доли неформальной занятости по субъектам ДФО за 2001-2009 гг. представлена в таблицах. №№ 1-2 [6].

Наиболее распространённые «серые» схемы выглядят следующим образом:

Схема № 1. Самый простой способ избежать зарплатных налогов – не трудоустраивать работников. Но чаще выплачивают зарплату наличными из неучтённой выручки. Этот способ используют, в основном, предприниматели, с которыми клиенты рассчитываются наличными. Это практикуется в небольших строительных и транспортных фирмах, общепите и торговле. По документам в штате таких предприятий числится минимальное количество сотрудников, и официально зарабатывают они ничтожные суммы, всё остальное выплачивается наличными без ведомости.

Схема № 2. Компании, с которыми их клиенты рассчитываются исключительно через банк, скрыть выручку не могут. В этом случае предприятие просто перечисляет часть полученных от заказчика денег под видом оплаты различных услуг на счета обналичивающих фирм. За услуги фирм платится небольшой процент от суммы, естественно, на порядок ниже, чем налоговые ставки. Некоторые, причём сразу, заказчикам выставляют сумму, указывая в документах не собственный расчётный счёт, а счёт подставной компании. Как правило, клиент в курсе и требует лишь акт сверки.

Схема № 3. При использовании банковских или страховых способов выплаты сотрудники получают свою зарплату на банковские счета как доходы от депозитов, а предприятие перечисляет банку деньги как проценты за пользование кредитом. В случае работы со страховыми компаниями зарплату маскируют как выплаты по наступившему страховому случаю по регулярно перезаключаемому договору страхования.

Схема № 4. С сотрудниками заключают договор подряда, а в некоторых случаях – договор оказания услуг. При этом вынуждают штатных специалистов обзавестись регистрационным номером индивидуального предпринимателя. Такой работодатель, по большому счёту, не нанимает

Таблица 1. Распределение численности занятых в неформальном секторе по типу занятости по субъектам ДФО РФ в 2001 г. (в среднем за год)

	Всего, человек	в том числе занятые					Занятые в неформальном секторе, в процентах от общей численности занятых населения
		только в неформальном секторе	в неформальном секторе и вне его	из них			
				основной работы в неформальном секторе	дополнительной в неформальном секторе		
Российская Федерация	9190338	7125856	2064482	10109	2054374	14,3	
Дальневосточный федеральный округ	452878	377581	75297	374	74923	13,5	
Республика Саха (Якутия)	51952	38384	13568	76	13492	11,6	
Приморский край	151402	117349	34053	-	34053	14,5	
Хабаровский край	93123	83871	9252	-	9252	13,4	
Амурская область	47587	45202	2385	223	2163	11,1	
Камчатская область	30552	26918	3634	8	3626	15,4	
в том числе Корякский автономный округ	1497	1375	122	8	113	10,4	
Магаданская область	21645	19543	2103	-	2103	17,7	
Сахалинская область	34763	30605	4157	67	4090	12,2	
Еврейская автономная область	18607	14354	4254	-	4254	21,9	
Чукотский автономный округ	3247	1355	1892	-	1892	8,0	

Таблица 2. Распределение численности занятых в неформальном секторе по типу занятости по субъектам ДФО РФ в 2009 г. (в среднем за год)

	Всего, человек	в том числе занятые				Занятые в неформальном секторе, в процентах от общей численности занятого населения
		только в неформальном секторе	в неформальном секторе и вне его	из них		
				основной работы в неформальном секторе	дополнительной работы в неформальном секторе	
Российская Федерация	13490	11819	1671	20	1651	19,5
Дальневосточный федеральный округ	670	600	70	1	69	20,8
Республика Саха (Якутия)	81	69	12	0,0	12	17,7
Камчатский край	34	33	2	0,0	2	18,1
Приморский край	262	235	27	1	26	26,4
Хабаровский край	82	71	11	0,0	11	11,9
Амурская область	130	117	12	...	12	31,1
Магаданская область	13	13	0,0	0,0	0,0	13,2
Сахалинская область	46	44	3	...	3	17,4
Еврейская автономная область	20	18	2	...	2	24,3
Чукотский автономный округ	2	2	0,0	...	0,4	6,8
Чукотский автономный округ	3247	1355	1892	-	1892	8,0

кадры, а лишь сотрудничает со специалистами.

Экономическим драйвером роста теневой экономики наряду с другими факторами является значительная налоговая нагрузка. Хотя по сравнению с 90-ми гг. она и снизилась примерно на 20%, к ней следует добавить растущие тарифы на энергоресурсы, транспорт услуги связи и многочисленные «поборы» со стороны различных чиновников, что делает их в совокупности непосильной ношей для многих предпринимателей. Те же, в свою очередь, минимизируют это бремя, уклоняясь от уплаты налогов.

Вторая проблема – вопросы налогового администрирования. Лишь за 2010 г. в Налоговый кодекс РФ было внесено более 20 изменений, а с 1998 г. – более 600. В таких условиях бизнесу трудно планировать свою деятельность. Особенно это касается малого бизнеса, который не может позволить себе содержать штат юристов и бухгалтеров.

Вот и получается, что, несмотря на принимаемые меры, налоговый рейтинг России в мире не улучшается. Согласно последнему обзору «Paying Taxes. Global picture», российская компания вынуждена отдавать в виде налогов 48,3% своей прибыли, уплачивая 11 видов налогов и тратя на это в среднем 320 часов в год. В результате по общему налоговому бремени Россия занимает 103-е место среди 183 стран (чем легче бремя, тем выше место), по общему количеству налоговых платежей – 35-е место, по времени, расходуемому на уплату налогов, – 131-е место, а по денежному налоговому бремени – 129-е место [8].

Одной из самых обсуждаемых тем 2011 г. стала замена единого социального налога (ЕСН) страховыми взносами и увеличение налоговой нагрузки на фонд зарплаты с 26% до 34%, а для малого бизнеса, работающего на упрощённой системе налогообложения, – с 14% до 34%. Такое решение было принято для сокращения дефицита внебюджетных фондов. Между тем, по прогнозам экспертов, это может привести к росту зарплат в конвертах. Основания для таких опасений есть: по расчётам Центра стратегических разработок, собираемость взносов в 2010 г. снизилась на 1% ВВП. В результате Фонд социального страхования (ФСС) не досчитался 5 млн. застрахованных работников, так как практически все они были переведены с трудовых на гражданско-правовые договоры [3].

В заключение коснёмся непосредственно незаконных видов деятельности, распространённых в бюджетообразующих отраслях экономики субъектов ДФО. В марте 2011 г. состоялось заседание Совета при полномочном представителе Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе, на котором помимо прочего обсуждались проблемы и меры по декриминализации основных отраслей экономики региона.

В ходе заседания прозвучало несколько интересных докладов, которые отражают состояние криминальной ситуации в сфере экономики.

По словам заместителя Полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) В. Сыркина, экономика Дальнего Востока в определяющей степени связана с эксплуатацией таких природных ресурсов, как лес, морские биоресурсы, полезные ископаемые. При этом ресурсный потенциал используется далеко не полностью и малоэффективно. Сегодня одной из наиболее криминализованных сфер экономики округа остаётся лесная отрасль. Около 95% всех лесонарушений приходится на Хабаровский и Приморский края, Амурскую область. Преступления совершаются на всех стадиях лесопромышленного производства и лесопользования. Основные из них – незаконная рубка и контрабанда лесоматериалов. В 2010 г. объём незаконных рубок на территории округа составил около 127 тыс. м³, а размер ущерба – 4,1 млрд. рублей. Неэффективное лесопользование остаётся

одной из главных причин злоупотреблений и коррупции в этой отрасли. Лесная промышленность России заготавливает леса больше, чем Финляндия – в 4 раза, Канада – 3,3 раза, Малайзия – 5,6 раза. В тоже время объём производимой товарной продукции примерно такой же, как в этих странах. Причём из 1 м³ спиленного леса Россия получает товарной продукции по стоимости меньше, чем Финляндия – в 4,4 раза, Канада – 3,7 раза, Малайзия – 5,5 раза. Средние контрактные цены на экспорт круглых лесоматериалов также отражают неудовлетворительное состояние отрасли. По данным КНР за 2010 г., Канада поставляет лес за 168 долл. за 1 м³, Малайзия – 356 долл., Россия, в среднем, 112 долл., а ДФО – 121 долл. Однако, по данным ФТС России, цена иная – 87 долл. за 1 м³ в среднем по России и 94 долл. – по ДФО. Разница между фактической и таможенной ценой составляет около 30 долл., а потенциальные потери оцениваются от 250 до 300 млн. долл. [1].

Разница в данных по физическим объёмам экспорта водных биоресурсов, ценам единицы экспортируемой продукции, фиксируемой Федеральной таможенной службой (ФТС) России и соответствующими службами Японии и других стран-импортёров колоссальная, что, в конечном итоге, отражается в суммарных стоимостных потерях. По японским данным, туда было ввезено рыбы и морепродуктов больше, чем, по данным ФТС России, по физическому объёму: в 2007 г. – в 5,3 раза, 2008 г. – в 5,1 раза, 2009 г. – в 2,6 раза, а в 2010 г. – в 2,5 раза. Из анализа ценовых показателей, фиксируемых ФТС России и таможней Японии, вытекает, что средние цены импорта на японском рынке выше тех, по которым осуществляется экспорт российскими компаниями. В 2007 г. это превышение составляло за единицу экспорта 1,7 раза, 2008 г. – 2,1 раза, 2009 г. – 1,9 раза, а в 2010 г. – 2,9 раза. Даже с учётом корректировки по затратам на транспортировку можно предположить о значительных неучтённых доходах, которые образуются при экспорте рыбы и морепродуктов. Следовательно, неучтённый доход от экспорта в 2007 г. составил порядка 900 млн. долл., 2008 г. – 1,2 млрд. долл., 2009-2010 гг. – по 800 млн. долл. [5].

Аналогичная ситуация до 2009 г. складывалась при экспорте морских биоресурсов в Республику Корея. По данным таможенной службы Кореи, в 2007 г. Россия экспортировала по физическому объёму рыбы и морепродуктов больше в 8,4 раза, чем по данным ФТС России, а в 2008 г. – в 4,7 раза. По стоимости в 2007 г. разница составила 7,4 раза, а в 2008 г. – 4,3 раза. Неучтённый доход от экспорта в 2007 г. составил 365 млн. долл., а в 2008 г. – около 300 млн. долл. В 2009 г. таможенная служба Кореи зафиксировала лишь 63,5% физического объёма экспорта и 60,5% его стоимости от соответствующих показателей по отчёту ФТС России. В 2010 г. «недобор» остался на уровне 66,8% и 60,7% соответственно относительных данных ФТС России. Поэтому оценить потенциальные потери за этот период невозможно. Но это может означать, что продекларированные в ФТС России экспортные грузы были реализованы не в Корее, а в третьих странах по неизвестным ценам [5].

В свою очередь руководитель Управления Генеральной прокуратуры России по ДФО Ю. Гулягин констатировал, что в последние годы наблюдается стабильное снижение количества выявленных преступлений в таких сферах как лесопользование, обеспечение сохранности водных биоресурсов, добыча драгметаллов и камней. Так, в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов в 2009 г. выявлено на 18% преступлений меньше, чем в 2008 г., а в 2010 г. – на 23% меньше, чем в предыдущем. В сфере заготовки и реализации леса число преступлений в 2009 г. снизилось на 11%, а в 2010 г. – на 70%. В сфере оборота драгметаллов и камней в 2010 г. число преступлений сократилось на 40%. В 2010 г. су-

щественно сократилось количество преступлений, причинивших ущерб в крупном и особо крупном размерах: в сфере добычи биоресурсов – на 22%, лесозаготовок – 65%, оборота драгметаллов и камней – 48%.

В современных условиях одним из наиболее распространённых видов трансграничных преступлений является контрабанда. Между тем фактов контрабанды водных и лесных ресурсов с каждым годом выявляется все меньше, значительная их часть остаётся вне поля зрения правоохранительных органов. Так, в 2009 г. выявлено на 54% меньше, чем в предыдущем году, преступлений, связанных с контрабандным вывозом биоресурсов (12) и на 13% – лесоматериалов (79). В 2010 г. число таких преступлений снизилось ещё на 75% и 67%, соответственно (3 и 26). Фактов контрабандного перемещения драгметаллов и камней не было выявлено вообще.

Низкая выявляемость и раскрываемость экономических преступлений связана, прежде всего, с неэффективной работой оперативных подразделений правоохранительных органов. Слабые позиции и пассивность в проведении оперативно-розыскных мероприятий не позволяют выявлять преступления, в том числе совершаемые участниками преступных формирований и коррумпированными должностными лицами. Борьба с транснациональной преступностью ведётся в основном путём реагирования на уже совершённые преступления.

По результатам работы заседания Совета был одобрен План декриминализации основных отраслей экономики конкретного субъекта РФ на 2011-2013 гг., в котором учитываются состояние экономики каждого региона. Ход и результаты реализации планов, принятых в субъектах ДФО, планируют рассматривать ежегодно, а принятые по результатам рассмотрения постановления представлять в межведомственную рабочую группу для последующего анализа.

Остаётся добавить, что ещё в июне 2010 г. Президент РФ Д. Медведев потребовал от российских губернаторов разрушать коррупционные цепочки. «В противном случае госчиновники «ответят за это своими местами», – заявил он. А уже в декабре он издал Указ «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка», согласно которому в регионах были созданы постоянно действующие координационные совещания по обеспечению правопорядка. Решения этих совещаний будут визироваться руководителями регионов [7]. Таким образом, на губернаторов возложена ответственность за организацию борьбы с преступностью в их регионах. Между тем создаётся впечатление, что именно отсутствием таких комиссий чиновники сейчас пытаются задним числом объяснить прежние промахи в борьбе с преступностью.

Литература

1. В 2010 г. на Дальнем Востоке ущерб от незаконной рубки леса составил более 4 млрд. рублей. // URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-fareast/magadan/economy/1382394.html?forprint> [Дата обращения: 18.04.2011].
2. Грозовский Б. В тени российской экономики. // Журнал «Forbes». 2010. 6 сентября.
3. Казьмин Д. Вернуть 26%. // Ведомости. 2011. 31 марта.
4. Корчагин Ю. Прячутся в тени. // Российская газета. 2011. 11 апреля.

5. Неучтённый доход в страны АТР рыбопродукции приблизился к миллиарду долларов. // URL: <http://www.novopol.ru/print-text97650.html> [Дата обращения: 18.04.2011].

6. Сборник «Экономическая активность населения России». М., Росстат. 2002-2010.

7. Указ Президента РФ от 11.12.2010 № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/9794> [Дата обращения: 18.04.2011].

8. Paying Taxes 2011: The global picture. // URL: <http://www.pwc.com/gx/en/paying-taxes/index.jhtml> [Дата обращения: 18.04.2011].

Караман В.Н.

**«Ольгинско-шкотовский родословец.
История в родословных и документах»**

**«Olginско-Shkotovsky generation list.
History in family trees and documents»**

В последние десятилетия мир (и в особенности, Наше Отечество) наводнили псевдонаучные «труды», как говорится, «... на любые вкусы, на любые запросы...». Один из отличительных признаков всех этих «работ» – они сделаны из политико-коммерческих соображений людьми далекими от науки в той области, в которой, они делают «сенсационное открытие» или «разоблачают очередные мифы». А, ведь, когда-то, работы сделанные любителями не только не уступали профессиональным, а даже превосходили их. Напомним хотя бы хрестоматийные примеры Генриха Шлимана, мечтавшего найти Гомеровскую Троию и сделавшего это, Дона Марселино С. де Саутуолы, открывшего нам мир палеолитического искусства. А ведь современники долго не хотели признавать их. Поэтому, особенно приятно видеть сборник, составленный любителями и продолжающий славную традицию любительских изысканий.

Летом 2011 года вышел 29 выпуск Записок клуба «Родовед» – «Ольгинско-шкотовский родословец. История в родословных и документах». Значительную часть данного выпуска составляют документы и воспоминания. Ранее эти материалы (большинство представленных документов – материалы прекращенных следственных дел) и воспоминания не публиковались, и в научный оборот за редким исключением, не входили.

Составителями выпуска была проделана огромная работа по сбору и обработке архивных документов. Это материалы собранные С.Г. Губаревым и А.П. Ковальковым, систематизированы и обработаны А.П. Ковальковым». Были задействованы фонды Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (ПГОМ), архива УФСБ по Приморскому краю, Государственного архива Приморского края (ГАПК), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), справки из отделов ЗАГС поселков и городов Приморского края, документы из личных архивов. Также, в сборнике были использованы материалы газет и Интернета.

Книга построена по хронологическому принципу и включает в себя родословные росписи жителей села Петровка Шкотовского района Приморского края, исторические очерки В.В. Колягина: Шкотовский район и Цемухинская волость и Село Петровка (фрагменты истории), выпол-

КАРАМАН Вадим Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток). **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru

ненные в свободной описательной манере; дополнения А.П. Ковалькова к первым трем книгам «Ольгинско-шкотовского родословца»; автобиография заслуженного учителя школы РСФСР З.С. Силиной.

Составители чётко обозначили порядок составления поколенных росписей и принцип публикации документов. Так, «родословные представлены в виде поколенных росписей, составленных по классической генеалогической схеме. Римскими цифрами обозначены (разделены) колена (поколения), слева от текста в числителе идет порядковая нумерация членов рода, справа в знаменателе – указание на положение отца в родословной. Даты до 1922 года указаны по старому стилю ... Архивные документы, помещённые в сборник, подготовлены для издания А.П. Ковальковым, в них произведены исправления грубых орфографических ошибок и синтаксиса, а также некоторых стилистических ошибок, не искажающих смысла и духа документов». Также специально оговариваются возможные ошибки в правильности написания имен, отчеств, дат рождения, смерти и т. п.

Из недостатков следует отметить, что многие детали, описываемые В.В. Колягиным в исторических очерках носят легендарный характер, и не подтверждаются какими-либо документами или свидетельствами, в частности «мах не глядя» (с. 47-48), т.е. налицо определенные недочеты в фактологии и упор на художественные красоты в ущерб фактам. Поэтому, к этим очеркам следует относиться как к литературному произведению, а не как к научному исследованию. Затем, публикация документов сделана не по архивным правилам. Не всегда точно указан номер цитируемого документа, в тексте публикуемого документа сделаны исправления, вместо обозначения данных ошибок пометкой «так в документе». И ещё одна характерная черта – это не достаточно критическое отношение к публикуемым источникам. Однако, несмотря на любительский характер сборника, работа сделана добросовестно, а публикации объективно отражают источник. В дальнейшем, исследователи вполне могут обращаться к этим документам (они того стоят), как к самостоятельному опубликованному источнику.

То, что сейчас выходят любительские исследования, не уступающие профессиональным работам, весьма отрадный факт. Они заполняют ту лакуну, которая, образовалась в профессиональном сообществе. Такие лакуны неизбежны всегда, но именно они стимулируют рост знаний человечества в любой области.

Макаренко В.Г., Латушко Ю.В.

Юбилей Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Anniversary of Institute of history, archeology and ethnography of the people of Far East FEF of the Russian Academy of Sciences

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН отметил своё сорокалетие. Сегодня это без преувеличения один из важнейших центров исторической науки на Дальнем Востоке России, причём по ряду направлений исследований Институт занимает достойное место и на общероссийском уровне.

26 ноября 1970 г. Президиум АН СССР принял решение об организации во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Менее чем через год, 1 июля 1971 г. на базе существовавшего с 1954 г. в Дальневосточном филиале имени В.Л. Комарова СО АН СССР небольшого Отдела истории и археологии был создан Институт. Его первым и бессменным руководителем на протяжении 20 лет был доктор исторических наук, профессор, академик Андрей Иванович Крушанов. А.И. Крушанов дал путёвку в «большую науку» многим учёным и педагогам, которые сегодня определяют лицо исторической науки региона. Они работают не только в Институте истории, но практически в каждом вузе Дальнего Востока.

С 1991 г. Институт возглавляет доктор исторических наук, профессор Виктор Лаврентьевич Ларин. Первые годы его руководства совпали со сложным периодом радикальных реформ в стране, повлёкших за собой коренные изменения парадигмы общественно-политического и социально-экономического развития, что потребовало выдвижения новых научных идей, новых методологических подходов, переосмысления устоявшихся концепций, сохранения кадрового потенциала, концентрации его усилий на реализации приоритетных научных направлений исследований. Эти задачи были выполнены с минимальными потерями, что подтверждено положительными оценками комиссий по комплексной проверке Института (2003, 2008).

В институте в разные годы работали широко известные в Рос-

Текстовый материал предоставлен учёным секретарём ИИАЭ ДВО РАН, к.и.н. В.Г. Макаренко и председателем совета молодых учёных ИИАЭ ДВО РАН, к.и.н. Ю.В. Латушко.

Фото Ю.В. Латушко и А.Ф. Старцева

МАКАРЕНКО Василий Геннадиевич, к.и.н., учёный секретарь Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*).
ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*). **E-mail:** latushko@mail.ru

сии и за рубежом учёные – доктора исторических наук Ж.В. Андреева, А.Р. Артемьев, А.П. Деревянко, Н.В. Кочешков, Ю.А. Сем, Ф.В. Соловьёв, И.Г. Стрюченко, Э.В. Шавкунов, В.Г. Шебенёков, кандидаты исторических наук В.Д. Ленёков, Н.Б. Киле, Г.А. Отаина и др.

Институт истории ДВО РАН – единственное в России научное учреждение, в котором комплексно – через призму истории, археологии, этнографии, культуры, политики, экономики – изучается прошлое и настоящее, и на этой основе прогнозируется будущее огромного историко-культурного пространства, именуемого сегодня российским Дальним Востоком или Тихоокеанской Россией, а вместе с ним – и сопредельных территорий Китая, Японии, Кореи. Структурно являясь частью Дальневосточного отделения Российской академии наук и находясь под научно-методическим руководством Отделений историко-филологических и глобальных проблем и международных отношений РАН, институт взаимодействует со всеми учреждениями и лицами России и зарубежья, заинтересованными в изучении этого региона.

С момента своего создания 1 июля 1971 г. и вплоть до сегодняшнего дня научные исследования института ведутся по пяти основным направлениям: археология и этнография Тихоокеанской России и сопредельных территорий, история российского присутствия в регионе, история и культура Китая, Кореи, Японии, международные отношения и проблемы безопасности в Восточной Азии. Шесть широко сформулированных тем и более двадцати коллективных и индивидуальных программ научных исследований отражают интересы и устремления восьми укрупнённых отделов и структурных подразделений и без малого восьмидесяти научных сотрудников института, среди которых 10 докторов и более 50 кандидатов наук.

Свои главные задачи институт видит не только в проведении эффективных научных исследований и подготовке кадров высшей квалификации, но и в широкой пропаганде исторических знаний, содействии совершенствованию гуманитарного образования в школах и вузах региона и в конечном итоге — в создании условий для более прочного утверждения России на берегах Тихого океана, эффективного взаимодействия Дальнего Востока с культурами и народами Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Основные научные направления

Учёные института внесли большой вклад в воссоздание исторической картины зарождения, формирования и развития цивилизации на Дальнем Востоке России и сопредельных территориях.

Для **археологического направления** Института характерна специализация, как по конкретным археологическим периодам, так и по научной проблематике исследований. Среди ключевых проблем — специфика перехода от палеолита к неолиту в Северо-Восточной Азии, становление древних культурно-хозяйственных комплексов, включая проблему появления производящего хозяйства, миграционные потоки и адаптация древнего населения в регионе в древности, роль Приморья как окраинной территории средневековых государств Бохай, Цзинь, Восточное Ся. В результате ежегодных археологических экспедиций сотрудниками Института открыто и обследовано свыше 1,5 тыс. археологических памятников, раскопано свыше 100 городищ, поселений, погребений. Особое внимание уделяется изучению памятников государства Бохай (698-926 гг.), доказано существование на территории Приморья отколовшегося от Золотой империи чжурчжэней государства Восточное Ся (1215 – 1233 гг.). Выявлены и обследованы остроги первых русских

землепроходцев Приамурья и Забайкалья, воссоздана история освоения Дальнего Востока Россией в XVI-XVIII вв. Ежегодно продолжаются раскопки на десятках археологических объектов региона.

Изучение археологических памятников, расположенных на территории российского Дальнего Востока, имеет значение, далеко выходящее за рамки отечественной науки. Многолетние раскопки этих памятников археологами института способствовали не только сохранению исторического наследия восточноазиатской цивилизации, но и выработке концепций её возникновения и распространения по огромной территории Восточной Азии.

Этнографы института ведут масштабные исследования истории, культуры, быта, языков малочисленных народов — нивхов, эвенов, эвенков, ительменов, удэгейцев, тазов, негидальцев, ороков и др., а также славянского населения Дальнего Востока. В последние годы внимание акцентировано на изучении современного состояния аборигенных народов Дальнего Востока, разрабатывается концепция этнокультурного и социально-экономического развития малочисленных народов региона в условиях рыночной экономики.

Для специалистов **по отечественной истории** основной задачей в последние годы являлась переоценка прошлого на новой концептуальной основе приоритета общечеловеческих ценностей, отказа от одностороннего классового подхода. основополагающим становится принцип комплексного и всестороннего анализа исторических событий на дальневосточных территориях России через призму всемирно-исторического процесса.

Во все годы существования института изучение различных аспектов истории дальневосточных соседей являлось одной из приоритетных задач **востоковедов**. В фокусе их пристального внимания — история и современное положение Китая, Японии, Кореи, а также политика России в Восточной Азии и АТР, её взаимоотношения с соседями. В последние годы география, хронология и тематика исследований значительно расширились. В числе разрабатываемых сегодня проблем — современные тенденции в развитии Северо-Восточной Азии, роль России и её азиатских территорий в регионе, общественные настроения по вопросам интеграции российского Дальнего Востока в АТР, проблемы международных отношений, безопасности, внешних миграций и др.

Кроме выше названных направлений при Институте функционируют: кафедра философии ДВО РАН, отдел информационных технологий, редакционно-издательский отдел.

Издательская деятельность

Результаты научных исследований сотрудников института находят отражение в издаваемых коллективных и индивидуальных монографиях, тематических сборниках статей, материалах научных конференций, журнальных и газетных публикациях.

Накопленный опыт научных исследований, выявление новых, в том числе и ныне рассекреченных, архивных материалов позволили **историкам Института** осуществить научный проект по созданию многолетнего фундаментального труда «История Дальнего Востока России». Вышли в свет четыре книги: «История Дальнего Востока СССР с древнейших времён до XVII в.». М: Наука, 1989; «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.)», М: Наука, 1991; «История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. «Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны». Владивосток: Дальнаука, 2003; «Мир после войны: дальневосточное об-

Фото 1. Председатель Дальневосточного отделения РАН академик В.И. Сергиенко (справа) вручает поздравительный адрес директору ИИАЭ ДВО РАН профессору В.Л. Ларину (слева), 01.07.2011 г.

щество в 1945 – 1950-е гг.» / Под общ. ред. В.Л. Ларина. Отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 696 с. – (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн.4).

Итогом научного поиска **этнографов Института** стал ряд продолжающихся этнографических изданий. В рамках историко-этнографической серии «История и культура коренных малочисленных народов Дальнего Востока» вышли книги (всего 11) о чукчах, коряках, ульчах, ительменах, эвенах, эвенках, удэгейцах, орочах, нанайцах и др. Опубликованы учебники для национальных школ (нанайских, нивхских) Дальнего Востока, серия книг, посвящённых истории, материальной и духовной культуре, этническим традициям коренных малочисленных народов Дальнего Востока и его славянского населения.

Разработанные **археологами Института** концепции развития древних культур Приморья, культурогенеза средневековых тунгусо-маньчжуров, итоги исследований колонизационных поселений, городов и острогов Забайкалья и Приамурья и другие результаты отражены в ряде фундаментальных монографий. На международном уровне выполняются исследования в области истории ранних государственных образований, политической антропологии и теории историко-цивилизационного процесса. Ряд работ археологов ИИАЭ переведены на английский, китайский, корейский и японский языки.

Результатом исследований **востоковедов** стали коллективные и индивидуальные монографии, многочисленные статьи по истории, культуре и современному положению стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Среди фундаментальных работ – три тома «Истории Северо-Восточного Китая XVII-XX вв.», научно-справочные издания.

Фото 2. Коллектив ИИАЭ ДВО РАН на чествовании Института в большом зале Президиума ДВО РАН, 01.07.2011 г.

За годы существования Института опубликовано более 600 книг (монографий, учебных пособий, сборников статей) и 6,5 тыс. научных статей, 252 номера журнала «У карты Тихого океана» (с 1992 г. – «Россия и АТР»).

За последние пять лет (2006-2010 гг.) Институтом опубликовано 124 книги (монографии, сборники статей, учебные пособия) и 365 научных статей в рецензируемых изданиях по «Перечню ВАК».

В 2001 г. возобновлено издание «Трудов Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН». К настоящему времени опубликованы четыре тома: Сем Ю.А., Сем Л.И. «Тазы: этническая история, хозяйство и материальная культура (XIX-XX вв.)». Владивосток: Дальнаука, 2001. (Т.10. Сер «Этнографические исследования»); «Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток: Дальнаука, 2002. (Т.11. Сер. «Археология»); «Северо-Восточная Азия: Проблемы регионального взаимодействия (история и современность)». Владивосток: Дальнаука, 2003. (Т.12. Сер. «Востоковедение»); «Дальний Восток России: проблемы социально-политического и культурного развития во второй половине XIX-XX в. Владивосток: Дальнаука, 2006. (Т. 13. Сер. «Отечественная история»).

Журнал «Россия и АТР» издаётся ежеквартально, учредители – Президиум ДВО РАН, Институт истории ДВО РАН. В составе редколлегии – ведущие учёные Института. Главный редактор – директор института, д.и.н., проф. В.Л. Ларин, отв. секретарь – Л.Г. Вечерская. На страницах журнала освещаются гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Приоритетное место среди публикаций занимают материалы по вопросам истории, археологии, этнографии. Публикуются также статьи, отражающие проблемы философии, социологии, международных отношений, культуры. В числе авторов журнала —

учёные России, США, Китая, Японии, Кореи, других государств региона. В феврале 2004 г. решением Президиума ВАК журнал «Россия и АТР» внесён в перечень ведущих научных журналов и изданий Российской Федерации, в которых могут быть опубликованы результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени доктора наук.

В 2007 г. возобновлено издание информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» (издавался с 1974 по 1991 гг.), содержащего информацию о современной политической ситуации в АТР.

Научные связи

У института давние связи с научно-исследовательскими учреждениями РАН Москвы (Институт Дальнего Востока, Институт востоковедения, Институт российской истории, Институт этнографии и антропологии, Институт археологии); Санкт-Петербурга (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого — Кунсткамера); Новосибирска (Институт истории, Институт археологии и этнографии); Урала (Институт истории и археологии УрО); Бурятии (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО).

Проводятся совместные исследования с архивными учреждениями: Российским государственным историческим архивом Дальнего Востока, архивами Приморского и Хабаровского краёв, Сахалинской области.

Осуществляется многоплановое сотрудничество с вузами дальневосточного региона (ДВФУ, АмГУ, ХГГУ, АмГПУ, КНАТУ, БлГПУ и др.) в научно-исследовательской работе и подготовке специалистов высшей квалификации. В некоторых вузах региона (ДВФУ, АмГУ) Институтом созданы базовые кафедры.

С первых лет основания институт установил связи с зарубежными организациями. С начала 1990-х годов международные связи института значительно расширились. Сегодня институт осуществляет контакты с 17-ю университетами, научно-исследовательскими учреждениями, музеями, обществами и ассоциациями учёных Австралии, КНР, Республики Корея, США, Франции, Японии и др. Среди зарубежных партнёров института Академия общественных наук (АОН) КНР, АОН провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цилинь; Общество изучения истории японо-российских отношений (Япония), Осацкий государственный университет (Япония), Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония); Государственный исследовательский институт культурного наследия Республики Корея и др. Используются разные формы сотрудничества: обмен делегациями, научной литературой, периодическими изданиями, организация и проведение совместных научных конференций, симпозиумов, археологических и этнографических экспедиций, стажировки учёных и др. Только за пять последних лет на территории Приморского края проведено более 30 международных конференций и симпозиумов, 15 совместных археологических и 6 этнографических экспедиций. В числе традиционных научных мероприятий Института — ежегодные российско-японские симпозиумы историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай, Япония (поочерёдно в гг.Осака, Киото и во Владивостоке и Хабаровске), ежегодные российско-корейские форумы совместно с Фондом изучения истории Северо-Восточной Азии (поочерёдно во Владивостоке и Сеуле), конференции археологов и антропологов Дальнего Востока (один раз в три года), Крушановские чтения (с 1998 г., один раз в два года), конференции молодых историков (с 1992 г., один раз в два года).

Подготовка научных кадров

ИИАЭ является центром подготовки кадров историков высшей квалификации для всего Дальнего Востока России. Действует аспирантура по специальностям: отечественная история, всеобщая история, археология, этнография, этнология и антропология, онтология и теория познания. Сегодня в аспирантуре обучается 20 аспирантов (очно — 13 чел., заочно — 7 чел.)

В институте действует единственный на Дальнем Востоке диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по четырём специальностям: археология, отечественная история, всеобщая история (новое и новейшее время), этнография, этнология и антропология.

Более 30 человек прикреплены к ИИАЭ в качестве соискателей учёных степеней доктора и кандидата наук. За последние 10 лет в Институте подготовлено и защищено (через докторантуру, аспирантуру и путём соискательства) 123 диссертации, из них 11 докторских и 112 кандидатских, а всего за годы существования ИИАЭ подготовлено 38 докторов и 256 кандидатов наук, которые работают как в России, так и за её пределами.

Музей

Музей археологии и этнографии как структурное подразделение Института был создан в 1979 году. Основными функциями музея являются научная обработка и хранение археологических и этнографических материалов, а также освещение исследований института путём экспонирования и пропаганды результатов научной деятельности его сотрудников.

К настоящему времени в фондах музея хранится более 100 тыс. экспонатов: 98 тыс. в отделе археологии; 2 тыс. в отделе этнографии.

Музей имеет два выставочных зала с постоянно действующими экспозициями. В **археологическом зале** выставлено 3250 экспонатов, разделённых по разным эпохам, с внутренним делением коллекций по темам: орудия труда, оружие, предметы быта, искусства, мировоззрение народов, населявших Дальний Восток с эпохи верхнего палеолита (30 тыс. лет назад) до средних веков.

Музей обладает коллекцией тотемов, оберегов, фетишей различных исторических эпох. Среди них изображения змеи, ежа, нерпы, двуклой личины, уникальные и оригинальные произведения неолитического человека.

Музей Института истории располагает крупнейшей коллекцией находок из раскопок памятников Бохайского государства. Эти материалы экспонировались в Японии и Республике Корея.

Единственная в мире чжурчжэньская серебряная пайца — атрибут власти высокопоставленного чиновника; уникальная маска воина; противоконные пины «чеснок»; навершие шаманской шапочки в виде «мирового дерева»; шахматы; бронзовые зеркала и календари; фигурки духов предков; эталонные гири; печати, монеты, сосуды, топорики, клейма с чжурчжэньскими письменами, над дешифровкой которой работают учёные разных стран мира — всё это и другие уникальные средневековые предметы экспонируются в музее в настоящее время.

В музее имеется коллекция находок из раскопок зимовки последней экспедиции Витуса Беринга, экспонировавшихся в Дании и Германии.

Отдел **этнографии** содержит оригинальные материалы по куль-

туре коренных народов Дальнего Востока и славян-переселенцев. Среди них уникальные экспонаты из рыбьей кожи, шкур, кости, бересты, дерева. Это и шаманские бубны ульчей и удэгейцев, удэгейский шаманский пояс в виде змеи, украшения, ритуальная посуда, сэвэны, предметы одежды шамана и охотника, берестяные трафареты узоров для унтов, ноговиц, поясов, музыкальные инструменты и игрушки. Из традиционных орудий труда местных народов выделяются кожемялки, скребки шкур, иглы для плетения сетей, костяные инструменты, применяемые при пошиве кожаной обуви.

Интернет, информационные технологии

В ИИАЭ уделяется внимание использованию современных информационных технологий. Информация об институте и опубликованных работах содержится на сайте Института по адресу: www.ihafee.org., там же можно познакомиться с материалами информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». На сайте www.riatr.ru выставляется полнотекстовая версия журнала «Россия и АТР». Вопросами информатизации, оцифровки материалов, оперативной печати в Институте занимается Отдел информационных технологий.

Библиотека

С 1972 г. при ИИАЭ работает отделение Научной библиотеки ДВО РАН. Библиотека располагает богатыми фондами научной литературы по общественным наукам, в т.ч. на иностранных языках (на китайском, корейском, японском и европейских), имеется фонд книг конца XVIII — начала XX вв., причисленных к книжным раритетам, коллекция китайских ксилографов, все труды и печатные работы Института, авторефераты и диссертации, подготовленные и защищенные в институте и т.д. Фонд библиотеки (на 2011 г.) составляет 56.489 экз., в том числе иностранных изданий — 13.778 экз. Библиотека занимается распространением и книгообменом изданий ИИАЭ.

Организация молодых учёных

Организация молодых учёных института создана для развития кадрового потенциала ИИАЭ и объединяет аспирантов, лаборантов и научных сотрудников — кандидатов наук (до 35 лет) и докторов (до 45 лет). На сегодняшний момент их ряды насчитывают тридцать восемь человек. Деятельность организации координируется постоянно действующим советом молодых учёных ИИАЭ. Основными направлениями работы совета являются — содействие профессиональному росту научной молодёжи и помощь в решении её социальных проблем. В этих целях на регулярной основе раз в два года проводятся региональные, всероссийские и международные молодёжные научные конференции, реализуются конкурсы проектов молодых учёных, совместно с администрацией Института и соответствующими структурами ДВО РАН осуществляется социальная поддержка молодых учёных.

*Редакционная коллегия журнала «Ойкумена»
поздравляет коллектив Института с юбилеем.*

*Желает творческих успехов его сотрудникам
и надеется на дальнейшее плодотворное сотрудничество!*

Барбенко Я.А.

«Благородный муж» и социальный контроль

«Perfect man» vs social control

С 2005 года эксперты из нескольких авторитетных американских исследовательских организаций публикуют так называемый «Рейтинг недееспособности государств» («Failed States Index»), фиксирующий степень стабильности общества и государства в разных странах мира (список стран время от времени пополняется). Судя по данным этого рейтинга, вторая половина 2000 х годов для России, находящейся в списке стран с умеренным уровнем «недееспособности», прошла позитивно: наблюдается тенденция к росту её общего показателя, тем не менее проблемы на протяжении ряда лет остаются одни и те же – неэффективная работа государственных структур, высокая степень криминализации общества [4]. На пересечении этих двух черт лежит коррупция – явление, отягощающее любое государство, тем более наше.

Вполне согласные с недавним высказыванием премьер-министра правительства о том, что непорядочного человека «близко нельзя подпускать к руководству любым коллективом, а тем более страной» [1], наши учёные-гуманитарии в начале июня собрались, чтобы обсудить возможности идеологического обеспечения борьбы с коррупцией. 3 июня 2011 года в зале заседаний Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ ДВ) ДВО РАН состоялся круглый стол на тему «Этика государственной службы и нравственный идеал человека в культурных традициях России и Восточной Азии». Программа обсуждения была очень насыщенной, включая такие проблемы: «1. Как сформулировать жизнеспособный (привлекательный для чиновников и политиков) нравственный идеал государственного служащего? Какие особенности национальной культуры и обусловленные ею особенности личности чиновника могут помочь, а какие – помешать? Что из опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона в решении этого вопроса должна учесть Россия? 2. Каким должно быть образование, чтобы оно формировало нравственность госслужащего? Как сделать образование ресурсом для построения этико-рациональной (меритократической) бюрократии? 3. Как ограничить патримониальную бюрократию? На каких идеалах должна строиться жизнеспособная этика внутривластных отношений? Как сделать нравственные нормы критериями работы «социальных лифтов»? Как можно учесть «национальную специфику» без ущерба для рациональности бюрократии? 4. Какое содержание должна получить концепция «мягкой силы» (soft power) для того чтобы из средства внеш-

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). E-mail: prohist@narod.ru

неполитической манипуляции стать ресурсом этического соразвития и поиска нравственных оснований международных отношений?» [3].

Идея данного мероприятия принадлежит сотрудникам ИИАЭНДВ ДВО РАН С.Г. Коваленко и А.В. Поповкину [3], проблематика круглого стола нацелена на расширение идей, заложенных в недавно вышедшую статью Андрея Поповкина [2]. К участию в обсуждении были привлечены исследователи и практики государственного управления, на роль модератора круглого стола был приглашён доктор исторических наук, профессор В.Л. Ларин.

Начиная работу круглого стола, ведущий отметил сложность вынесенной на обсуждение проблемы и позавидовал смелости и оптимизму организаторов мероприятия. Он отметил, что тема встречи навеяна представлениями о том, что у нас, в России, с этикой госслужбы есть сложности, а вот на Востоке... Не так давно в новостях агентства Синьхуа мелькнула информация о том, что за 1999 – 2009 годы в КНР было осуждено за должностные преступления более 100 чиновников уровня замминистра, о тяжести нарушений говорит то, что среди приговоров были и смертные. Словом, тема является очень непростой, а потому и особенно интересной.

Первым докладчиком выступил проф. ДВФУ С.Е. Ячин. Тема этики и политики, нравственного государства сегодня широко обсуждается: в частности, в мае только в России прошло несколько конференций, связанных с этой темой. Проблема может быть сформулирована следующим образом: что в России препятствует полаганию этики в качестве основания политики? Докладчик высказал гипотезу, опирающуюся на исследования Лотмана и Успенского: в России распространён бинарный архетип сознания, выстраивающий действительность через бинарные оппозиции, крайности. Этот архетип хорошо работает в ситуации конфликта, в периоды же мира он не работает совсем. Вместе с тем, следует помнить, что представление о политике и на Западе, и на Востоке лишены бинарности. В частности, античная мысль видела политику как производное этики — политика выступала как стремление к общему благу; идея полиса — это идея общего блага. У Гегеля государство выступает в качестве высшего развития нравственной идеи. Х. Арендт учит, что политика — это искусство жить вместе. Можно на западе отметить и другую традицию. В частности, популярный сегодня К. Шмидт учит, что политика есть производное бинарной оппозиции; лучший способ найти благо — это найти врага. По Макиавелли цель оправдывает средства, но и здесь присутствует идея общего блага. На Востоке этика ещё более влияет на политику, хотя здесь отсутствует понятие политики в западном смысле. Сегодня в Китае жалуются на утрату конфуцианских принципов в управлении, что косвенно подтверждает связь морали и политик в конфуцианской традиции. Итак, в отношении политики и на Западе, и на Востоке бытуют общие идеи.

Обобщил южнокорейский опыт коррупции в госуправлении начальник управления ФРС по Приморскому краю канд. полит. наук Е.А. Русецкий. Корейцы сами очень критично смотрят на этичность собственного чиновничества. Под знаком конфуцианства в Корею выступают авторитарность и непререкаемость власти. Среди ценностей и в практике корейской политики и администрирования — бюрократизм и централизм, во многом сочетающиеся с ценностями конфуцианства и буддизма. Иногда демократические идеалы оказывают влияние на корейскую элиту, тем не менее до сих пор в стране господствуют авторитарные порядки. Однако следует помнить о существовании и таких ценностей, которые служат противовесом уже обозначенным: персонализм «нейтрализует» авторитарность, конфуцианская ментальность — военизацию. В I и II ре-

спубликах целью государственной службы была фактически выгодная продажа власти, а злоупотребление властью и есть коррупция. Причина коррупции – властные традиции, а также деформации политической сферы и государственной власти. В III и IV республиках – упрочение авторитарного политического строя. В начале 60 х, под лозунгами национальной мобилизации и реконструкции страны, складывается новая политическая система: растёт роль лидера партии, только члены партии получают право на государственную службу. В V республике, где мы можем наблюдать демократический транзит, ситуация с ценностями такая же: коррупция, неконсолидируемая демократия. Демократический транзит в Корею может быть охарактеризован как консервативный: неразвитость политических партий, клиентелизм, неформальные связи и в итоге — коррупция. Развитие коррупции в Республике Корея опирается на три группы причин – структурные: правила и стандарты; социокультурные: традиция подарков, семейственность; личностные: недостаток этики, моральная глухота. Итак, реальные основания коррупции в Южной Корее — корпоративность и авторитаризм, следовательно, преодолеть её можно через демократизацию, развитие правового государства и гражданского общества.

Условия и возможности развития коррупции в Японии раскрыл преподаватель каф. японской филологии ДВФУ А.В. Полутов. В рамках конфуцианской традиции понятий «этика», «мораль» не существует, наиболее близкие по смыслу понятия, служащие для передачи требуемого смысла – «направленность действий», «вид деятельности», именно на них строятся пять критериев благородного мужа. До эпохи Мэйдзи стереотип властвования в России и в Японии был схожим: власть была посредником между обществом и божеством, она была несменяема. С 80-х годов XIX в. до настоящего времени в Японии сменилось 135 кабинетов (в т. ч. частично 94), по сравнению в Россией это много. У нас есть «заслуженные люди», убрать которых нельзя. В Японии практикуется ротация кадров, когда, находясь на должности 2 – 3 года, чиновник не успевает обрасти связями: это важный принцип борьбы с коррупцией. Революция Мэйдзи принесла новую систему организации управления. Для чиновника в Японии отсутствуют льготы, служащие всё оплачивают из своего жалования. Отсутствует секретность в плане кадрового состава: с 1868 года ежегодно публикуются списки госслужащих. Вместе с тем, с 1872 по 2010 годы в Японии произошли 54 (т. е. каждые 2,5 года) крупных коррупционных скандала государственного уровня со сменой кабинета и законов. Методы борьбы с коррупцией постоянно совершенствуются. В России, несмотря на коррупционные скандалы, наши начальники остаются в неприкосновенности. Объяснить это можно тем, что в Японии высоко стоит проблема репутации, что дисциплинирует чиновников и служащих. Одним из столпов социального порядка являются такие ценности, как коллективизм, патриотизм, национализм – они являются как предпосылкой коррупции, так и средством от неё. Важным элементом антикоррупционной системы Японии, начиная с эпохи Мэйдзи, служат экзамены, сдаваемые чиновниками на каждом этапе служебного роста. Обобщая, можно сказать, что средством от коррупции в Японии служат экзамены, аттестации, ротации. Русские чиновники служат себе, японские служат государству.

Заведующий отделом истории Дальнего Востока России института к. и. н. О.И. Сергеев кратко осветил развитие бюрократии в России. Этапы истории российской государственной службы: 1) IX – XV вв., зарождение основ государственной службы; 2) XV – XVII вв., формирование слоя профессионалов-управленцев в рамках приказной системы, особенность данного этапа – служащие не зависели от государства мате-

риально; 3) VIII – начало XX вв., формирование бюрократии современного типа, юридическое оформление и развитие; 4) советский период, формирование советской номенклатуры, её особенность – очень большие льготы; 5) современный период. России в все времена свойственно расхождение законов и реальной действительности государственной службы. Наша страна развивается по мобилизационному пути, соответственно выстраивается и культура организации государственной службы. С 90-х годов, восстанавливая капитализм, начинаем с первого этапа – «чёрного капитализма», это порождает госслужбу, полностью подчинённую государству. Согласно одному из опросов приморских чиновников, 50% из них служит государству, 19% народу, 20% начальству, 9% сами себе. Современная реформа государства ведёт к росту количества органов государственной власти. Это традиционное для России средство развития: в дореволюционное время штат государственных служащих составлял 600 тыс. человек, за первое десятилетие XXI в. количество органов государственной власти в России выросло с 58 до 80.

Дискуссию открыл ведущий, указав, что в отношении русских чиновников ни разу не сказали: «честь», о японских чиновниках шла речь, а о русских – нет. Чем это можно объяснить – особенностями исторического развития, как указал Олег Игоревич, или может быть это следствие советского времени, Россия потеряла много благородных людей в результате эмиграций и войн. В историческом Китае все чиновники воровали, минимальный объём взятки – 10%; чиновники сменялись только в результате восстаний, когда люди убивали ненавистных коррупционеров! Сравните с Россией – мы не хуже, но, наверное, и не лучше! Мы не любим работать? Да, но потому, что отдыхаем между войнами; Китай на протяжении своей истории воевал значительно меньше, а Япония – и вовсе нет.

С.Е. Ячин поставил перед присутствующими вопрос, на который сам же и ответил: может ли человек не использовать власть в личных интересах? Нет, не может, хотя эти интересы не обязательно должны быть коррупционными! Что же может помочь чиновнику исполнять свои обязанности? Надо помнить о заменяемости блага, в качестве такого заменителя можно использовать славу; нужно разработать механизм такой замены нелегитимного блага на легитимное. На вопрос В.В. Кожевникова (ИИАЭ ДВ) «мы выросли на определении политики как концентрированного выражения экономики. Власть, это безусловно благо, но что ещё – экономика, свобода?» С.Е. Ячин ответил: в определении Аристотеля политика это общее благо, экономическое благо в представлениях о политике ошибочно вошло в XIX веке.

На рассуждения присутствующих о том, что же может являться критерием оценки деятельности чиновника, Е.А. Русецкий заметил, что следует определиться с понятием чиновника. Мы часто придаём чиновникам политические функции, а ведь они зачастую такие же граждане, причём имеющие очень небольшой доход! К причине роста количества чиновников: расширяется список функций, целей и задач государства, под это создаётся механизм реализации. А ведь параллельно идёт работа по сокращению аппарата. Говоря о коррупции, следует помнить, что большинство «коррупционных» случаев есть следствие противоречивого толкования законов, например, использование права на самую обыкновенную приватизированную квартиру. Коррупция была и будет, она есть проблема тогда, когда мешает развитию общества и государства. Важное значение имеют масштабы коррупции. Давайте ставить реальные цели развития, стремиться следовать закону в любом случае и в отношении любого человека.

«Несколько слов в защиту чиновников» высказала Ю.Н. Ковалев-

ская (ИИАЭ ДВ). С точки зрения простого человека, не связанного с властью, мы все, будучи работниками государственных организаций, особенно преподаватели, являемся чиновниками. Не все чиновники «плохие», и мы об этом знаем. Например, В. Назаров, депутат краевого парламента, ушёл, уступив своё место ни в чём не повинному увольняемому человеку. Губернатор Сахалина дореволюционного времени Григорьев был уволен за проект преобразований управления областью, не предусматривавший должности губернатора вообще. Далее, для России столетней давности 600 тысяч чиновников, это совсем немного, от населения они составляли менее одного процента, тем более, что «чиновничеством» тогда назывались все государственные служащие, в том числе и преподаватели вузов. «Служба» – она священна, служащий несёт себя в жертву. Мы ждём от чиновника пользы себе, а в чём же его польза? За невнимание к нашей пользе мы валим вину на государство и чиновника! Существует идеализированный образ Чиновника, которому реальные служащие не соответствуют. В чём причина? Во-первых, стремление чиновничьего корпуса к сословному состоянию (одна из тенденций общественного развития России). Во-вторых, отношения с бизнесом. Давайте помогать государству стать правовым, мы должны поощрять к этому чиновников, начальников.

Этот пассаж вызвал дискуссию о том, следует ли требовать от чиновников выполнения норм или в первую очередь стремиться выполнять их самим.

Финал круглого стола оказался несколько смазанным: профессора Ларин и Ячин были вынуждены оставить собрание по служебной необходимости, обсуждение вращалось вокруг словаря, так и не затронув многие вопросы, выставленные организаторами. В отношении главной проблемы «ради чего должен служить чиновник?» [3] был высказан ряд соображений, однако к общему знаменателю собрание так и не приблизилось. Как было указано в начале этой заметки, всего на обсуждение было выставлено десять проблем в четырёх блоках, из них докладчиками и дискуссантами оказались затронутыми в рамках первого блока вторая и третья проблемы, в рамках третьего блока первая и вторая проблемы; проблемы из второго и четвёртого блока так и не были рассмотрены вовсе. Проблема видится главным образом в организационном плане: слабое модерирование (инициативной группе не следовало отдавать управление обсуждением в чужие руки), в ходе работы аудитория шла вслед за докладчиками, коснувшись только четырёх проблем из десяти, наконец – большое количество вопросов, выносимых на обсуждение. Мероприятие, готовившееся как попытка обсуждения внедрения в общественное (в т. ч. и госслужащих) сознание образа чиновника «благородного мужа» как средства построения эффективной бюрократии вылилось в констатацию контроля общества над государством, как лучшего средства выявления и профилактики коррупции.

Литература

1. Зубарев Е. «Порядочные» управленцы добивают Россию // Живой Журнал ИА «Росбалт». [Электронный документ] URL <http://rosbalt.livejournal.com/10552.html> [Дата обращения: 20.07.2011].

2. Поповкин А. В. О чём мы можем подумать вместе с Китаем: к вопросу об этике государственной службы в перспективе нравственного идеала человека в культурах России и Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 82-90.

3. Приложение к информационному письму «Этика государственной службы и нравственный идеал человека в культурных традициях России и Восточной Азии» // Российский офис международного метакультурного сообщества [Электронный документ] URL <http://metaculture.ru/projects/150-prilozhenie-k-infor.pismu.html> [Дата обращения 14.07.2011].

4. Failed states index 2011: Рейтинг недееспособности государств мира 2011 года // Экспертно-аналитический портал «Новости гуманитарных технологий – Гуманитарное развитие в России и за рубежом». [Электронный документ] URL <http://gtmarket.ru/news/state/2011/06/20/2980> [Дата обращения 25.06.2011].

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Сокращения

РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив
Дальнего Востока

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, декан факультета международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, руководитель центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, постановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.].
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2011 № 3 (18)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 26. 02. 2011 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 14,91. Уч. -изд. л. 15,59. Тираж 200 экз. Заказ 98
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

Индекс 42354

